

ROZPRAVY
ČESKOSLOVENSKÉ
AKADEMIE
VĚD

ŘADA
SPOLEČENSKÝCH
VĚD

1966
ROČNÍK 76
SEŠIT 15 ✓

Пржемысл Адамец

**Порядок слов
в современном русском языке**

ROZPRÁVY
ČESKOSLOVENSKÉ
AKADEMIE VĚD

ŘADA SPOLEČENSKÝCH VĚD
Ročník 76 — Sešit 15

ПРЖЕМЫСЛ АДАМЕЦ

Порядок слов в современном русском языке

· PRAHA 1966

ACADEMIA
NAKLADATELSTVÍ
ČESKOSLOVENSKÉ
AKADEMIE VĚD

Научный редактор: акад. Б. Гавранек
Рецензент: доц. др. О. Лешка

© Přemysl Adamec 1966

ВВЕДЕНИЕ

Порядок слов в русском языке, так же, как и в других славянских языках, является важным и интересным объектом для лингвистического исследования. Разработка этой темы имеет большое значение, теоретическое и практическое. В теоретическом плане познание закономерностей словорасположения, тесно связанного со всеми сторонами языкового строя, бесспорно способствует более глубокому и полному познанию системы языка в целом. В практическом же плане это важно для обучения родному и иностранным языкам и для перевода, включая машинный. Интересна эта тема тем, что, с одной стороны, на порядок слов влияют самые различные факторы языкового и внеязыкового характера, с другой стороны, порядок слов в русском языке необычайно разнообразен и пластичен и служит для выражения тончайших оттенков смысловых, стилистических и грамматических.

Общими усилиями ученых разных стран и разных поколений были достигнуты большие успехи в этой области: главные закономерности порядка слов в настоящее время уже известны. Тем не менее многое предстоит еще сделать, прежде всего в области анализа и классификации конкретного материала. Предлагаемая работа задумана именно в таком плане; она представляет собой попытку анализа порядка слов простых повествовательных предложений современного русского языка. В первой части, более общей, устанавливаются главные факторы порядка слов и его функции в языковой системе; во второй части, более специальной, дается классификация и анализ отдельных типов словорасположения.

Материалом для исследования послужила, главным образом, русская художественная проза последнего времени. Язык художественных произведений был избран потому, что разнообразие моделей словорасположения в нем выступает наиболее рельефно; в общих чертах, впрочем, закономерности порядка слов аналогичны во всех стилях современного русского языка.

Автор считает своим долгом выразить глубокую благодарность академику Б. Гавранку, под непосредственным научным руководством которого возникла настоящая работа, и всем тем, кто своими советами и замечаниями существенным образом помог усовершенствовать предлагаемую книгу: проф. Б. Илеку, доц. Ф. Данешу, доц. Г. Кржижковой, доц. О. Лешке, доц. И. П. Распопову и доц. И. И. Ковтуновой. За большую помощь при языковом оформлении книги автор признателен И. П. Крюковой и Н. А. Орловой.

I. МЕСТО ПОРЯДКА СЛОВ В ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЕ

1. ПОНЯТИЕ О ПОРЯДКЕ СЛОВ

1.1. Значение термина

Под понятием порядка слов обычно подразумеваются две вещи:

- а) линейное расположение синтаксических членов в предложении,
- б) линейное расположение слов внутри этих синтаксических членов.¹

В связи с этим обычно различается а) порядок слов предложения (větný slovosled) и б) порядок слов словосочетания (členský slovosled). Предлагаемая работа затрагивает прежде всего порядок слов в первом понимании, т. е. линейное расположение синтаксических членов в предложении. Поэтому, если в данной работе мы будем пользоваться термином порядок слов (слово-порядок, словорасположение), мы только приносим дань установившейся традиции: фактически следовало бы говорить не о порядке слов, а о порядке компонентов предложения.

1.2. Компоненты предложения

Компонентами предложения, линейное расположение которых в предложении будет рассматриваться в дальнейшем исследовании, мы будем считать 1. личную форму глагола (verbum finitum, V) и, далее, все синтаксические члены, находящиеся в непосредственных отношениях к V, как: 2. подлежащее (субъект, S), например, *Мальчики ушли* (Горьк., К. С. 1, 70); *Шла большая перемена* (Тендр., 3. б. д., 152) и т. п., 3. дополнение (чешск. doplňení, лат. complementum, C — этот термин, следовательно, употребляется не в традиционном значении), которое далее делится на а) объектное дополнение (Co), например, *Аксинья сняла платок* (Шол., Т. Д., 31); *Доктор покачал головой* (Пан., С., 60); *Даша мечтала о будущем* (Ник., Б. в. п., 61) и т. п. и б) обстоятельственное дополнение (Cd), например, *Бахирев взглянул на фрезу* (Ник., Б. в. п., 41); *Максимов повернулся к другу* (Акс., К., 18) *Половцев сел на*

¹ Это, конечно, самое общее определение данного понятия, которое мы ниже постараемся уточнить. О двояком понимании порядка слов см. статью М. Брауна [118] (точные библиографические данные см. стр. 87—94).

стул (Шол., П. ц. 2, 6) и т. п., 4. обстоятельство (чешск. okolnostní určení, лат. adverbiale, D), например, *После обеда Тоня гладила* (Грач., П. с., 6, 5); *Балки и шланги при их приближении алены* (Ник., Б. в п., 77); *Даша в страхе отскочила* (там же, 65); *У печки знаменитый писатель Чернобылин ел рыбу с брусничкой* (А. Толст., С. 13) и т. п., 5. качественную или количественную характеристику (град. обстоятельство образа действия и меры — мы будем обозначать Q), например, *Максимов резко обернулся* (Акс., К., 52); *Лена смотрела на нее с удивлением* (там же, 131); *С горя он запил сильнее прежнего* (Ник., Б. в п., 71) и т. п.

Как видно, нами была проведена некоторая переоценка синтаксических членов (по сравнению с традиционным пониманием). Мы расширили понятие дополнения (C), включив в него всякий синтаксический член, относящийся непосредственно к глаголу и вытекающий из его валентности, связанный с глаголом отношением грамматического управления и семантической предикции. К т. наз. объектным дополнениям (Co) мы отнесли члены, связанные с глаголом отношением т. наз. сильного управления, семантически обозначающие объект действия (без каких бы то ни было адverbиальных оттенков) и формально выраженные разными падежными и предложно-падежными формами синтаксических существительных. К т. наз. обстоятельственным дополнениям (Cd) мы отнесли синтаксические члены, связанные с глаголом отношением т. наз. слабого управления, со смешанной, предметно-обстоятельной семантикой, выраженные разными предложно-падежными формами существительных, или же эквивалентными с ними наречиями местоименного характера (как, например, *туда, сюда, там, здесь* и т. п.). Наоборот, мы сузили понятие обстоятельства (D), оставив в нем лишь синтаксические члены, не вытекающие из валентности глагола, синтаксически и семантически автономные, с чисто обстоятельственным значением (образно говоря, составляющие лишь некие пространственные, временные, причинно-целевые или другие „кулисы“ для остальной части предложения²), и вынув из него, кроме упомянутого уже обстоятельного дополнения (Cd) и качественную или количественную характеристику (Q) (фактический атрибут глагола).

Нам кажется, что такое определение членов предложения более адекватно языковой действительности, чем традиционная классификация — по крайней мере для исследования порядка слов. Правда, отнесение того или иного конкретного компонента предложения к определенной категории, например, к обстоятельному дополнению (Cd) или к обстоятельству (D), в некоторых случаях может вызвать определенные трудности, поскольку, во-первых, между ними нет резкой границы (есть только постепенный переход), во-вторых, основной критерий для их различения, т. е. синтаксическое управление и семантическая предикция глаголов, в теоретическом плане все еще недостаточно изучены, несмотря на то, что в последнее время появился ряд ценных работ по этим вопросам.³ Обстоятельное дополнение (Cd), как всякое дополнение (C), может стоять только у таких глаголов, которые семантически не вполне закончены и предполагают завершение компонентом с определенной семантикой (семантическая предикция) и в том или ином грамматическом оформлении (синтаксическое управление). Обстоятельство (D), напротив, является членом семантически и синтаксически

² Наше обстоятельство, таким образом, во многом совпадает с тем, что Н. Ю. Шведова (Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения, ВЯ XIII, 1964, № 6, 77—93) называет самостоятельным распространителем предложения. См. по этому поводу также работу Конечного [165].

³ Ср., например, работы М. Д. Лесник, *К вопросу о приглагольном управлении в современном русском литературном языке*, сб. К вопросу управления, Рига, 1957; Ю. Д. Апресян, *О сильном и слабом управлении*, ВЯ XIII, 1964, № 3, 32—49; Р. Мразек, *Синтаксическая дистрибуция глаголов и их классы*, ВЯ XIII, 1964, № 3, 50—62.

автономным, оно никак не вытекает из валентности глагола ни в формальном, ни в смысловом отношении. Из сказанного следует, что для определения характера прилагательного компонента нужно всегда одновременно учитывать и семантику глагола и семантику и форму прилагательного члена. Одно и то же выражение у одних глаголов может быть обстоятельством дополнением (Cd), у других обстоятельством (D). Ср.: *Сестра стояла у окна* (Cd) || *Сестра у окна читала какую-то книгу* (D) и т. п.

Кроме вышеприведенных членов V, S, C, D, Q к компонентам в указанном смысле нужно отнести еще и предикативное имя (P), например, *Эта женщина — святой человек* (Тендр., 3. б. д., 371); *Измены были ему непонятны* (Ник., Б. в п., 76) и т. п., т. наз. предикативный атрибут (чешск. doplněk) (Pa), например, *Автобусы шли на Озерную переполненные* (Гр., И. н. г., 108) и т. п. и инфинитив (I), например, *Он мог ждать под этим навесом сутки* (Бонд., Т., 302); *После митинга Бахирев отправился осматривать цехи* (Ник., Б. в п., 39) и т. п.

Синтаксические члены, распространяющие не глагол, а вышеприведенные субстантивные или адвербиальные компоненты, не считаются самостоятельными компонентами предложения, они входят в состав тех компонентов, которые распространяют, образуя вместе с ними компактные и релятивно неразбиваемые единицы. Сюда относятся, прежде всего, всякие определения (атрибуты, A) и определения определений, например, *Даше представился парк с развесистыми деревьями* (Ник., Б. в п., 49) и т. п., уточняющие обстоятельства, распространяющие другие обстоятельства, например, *Сегодня в восемь часов вечера ... состоится совещание* (Тендр., 3. б. д., 253); *Море шумело далеко внизу* (Гаршин, з. п.) и т. п., качественные и количественные характеристики, относящиеся не к глаголу, а к прилагательным или наречиям, например, *По-праздничному нарядные люди толпились на мелеховском базу возле бречек* (Шолохов, з. п.); *Мимо чрезвычайно медленно прошла открытая машина* (Павленко, з. п.) и т. д.

Поэтому, например, предложение *Встал представитель партийного бюро доктор Дампфер* (Акс., К., 47) состоит из двух компонентов предложения в указанном выше понимании (V — S), предложения *Острроверхая крышечка на чернильнице блестела под неярким светом настольной лампы* (Ник., Б. в п., 100), или *Все события этой невероятной и стремительной ночи отступили перед одним, перед исчезновением мальчика* (там же, 17) — из трех (S — V — C) и т. д.

1.3. Фразовое ударение

Порядок слов в русском языке тесно связан с т. наз. фразовым ударением.⁴

⁴ Я выбрал этот не вполне удовлетворяющий термин ввиду недостатка другого, более подходящего (употребляются весьма разнообразные термины, например: *логическое ударение*, *смысловый акцент*, чешск. *větný přízvuk*, *větný důraz* и пр.) В данной работе термин *фразовое ударение* понимается просто как динамическая (интонационная) кульминация предложения, независимо от интенсивности ударения, которая может быть разной в зависимости от разных условий. Фразовое ударение в дальнейшем будет обозначаться знаком * перед ударяемым гласным слова, на которое падает фразовое ударение.

Определенный порядок слов и определенное место фразового ударения, вместе взятые, образуют определенную т. наз. линейно-динамическую структуру предложения (подробнее о ней см. ниже). Все функции словорасположения можно исследовать лишь с учетом другого слагаемого этой линейно-динамической структуры — с учетом места фразового ударения, иначе результаты исследования ненадежны и неточны.

Так, например, при исследовании синтаксической функции порядка слов недостаточно сказать, что при контактном положении после другого существительного существительное в косвенном падеже (без предлога или с предлогом) может выполнять функцию несогласованного определения (это практически исключается при других положениях, ср.: *Дробышов делал доклад о задачах большевистской печати* (Пан., С. р., 513) || *О задачах большевистской печати делал доклад Дробышов*), если одновременно не добавить, что это утверждение относится только к предложениям с определенным местом фразового ударения. Совсем это не относится к предложениям, где фразовое ударение отрывает второе существительное от первого, как это, например, в предложении *Против воли Беридзе чувствовала симпатию к этому суровому и трудному старику* (Ажаев, з. п.) и пр. Еще более это наглядно при исследовании порядка слов как выразительного средства актуального членения. Совершенно недостаточно было бы, например, сказать, что основа обычно находится в начале, а ядро в конце предложения, не добавив, что это только в том случае, если фразовое ударение стоит на последнем слове предложения. Не зная места фразового ударения в конкретном предложении, предположим, *Петру понравилась Вера*, мы не можем ровным счетом ничего сказать об актуальном членении этого предложения, поскольку в предложении *Петру понравилась Вера* оно совершенно иное, чем в предложении *Петру понравилась Вера*, или в предложении *Петру понравилась Вера*.

Взаимоотношение между порядком слов и местом фразового ударения можно до известной степени характеризовать как отношение функциональной заменяемости.⁵ В одних случаях главную функцию берет на себя порядок слов, а место фразового ударения только способствует, вернее, не мешает ему; в других же случаях, наоборот, главную, функцию перенимает фразовое ударение, причем порядок слов становится до известной степени иррелевантным.

Так, например, различие в актуальном членении предложений *Константин включил мотор* (Бон., Т., 45) || *План разработал коллектив завода* (Ник., Б в п., 99) || *Постель Захарыча комендантша унесла* (Кузн., П. л., 197) сигнализируется разным порядком компонентов предложений (S-V-C || C-V-S || C-S-V); необходимым условием для того, чтобы сигнализировались именно данные разновидности актуального членения, конечно, является место фразового ударения (хотя бы и слабого) в конце предложения. Это значит, что, хотя главным выразителем актуального членения в данных случаях является порядок слов, он может сигнализировать такое актуальное членение только на фоне нейтральной динамической структуры с фразовым ударением в конце предложения. Напротив, различие в актуальном членении предложений *Я этот разговор забыл* (Ник., Б. в п., 47) || *Я любовницу заведу* (Горьк., М., 414) || *Тоска меня взяла*

(Роз., В. д. ч., 284) сигнализируется различием места фразового ударения, а порядок слов отступает на задний план. Из этого далее следует, что актуальное членение того или иного предложения коренным образом меняется всегда, когда одно из двух слагаемых линейно-динамической структуры меняется, а другое остается неизменным. Но если одновременно меняются обе составные части, и порядок слов и место фразового ударения, то может возникнуть ситуация, что изменение одного слагаемого компенсируется изменением другого, и актуальное членение остается в основном тем же. Ср.: *Он говорит пр"авду* || *Он пр"авду говорит* || *Пр"авду он говорит*; *К нам приехал д"ядя* || *К нам д"ядя приехал* || *Д"ядя к нам приехал*; *Он ее л"юбит* || *Он л"юбит ее* || *Л"юбит он ее* и т. п. Такие предложения с точки зрения актуального членения эквивалентны, они отличаются друг от друга только стилистической окраской или степенью экспрессивности (эмфатичности).⁶

Из всего сказанного наглядно вытекает, что порядок слов и место фразового ударения настолько связаны друг с другом, что не имело бы смысла исследовать их изолированно друг от друга. Однако необходимо сделать одну существенную оговорку: в некоторых стилях русского языка, например, в научном, подавляющее большинство всех предложений имеет фразовое ударение в конце предложения (оно на этом месте более менее фиксировано), так что основная тяжесть сигнализации актуального членения падает почти исключительно на порядок слов (исключение в этом смысле составляют лишь предложения с глаголом в функции ядра, см. стр. 70). Поэтому, при анализе таких стилей, например, научного, делового и т. д., можно с большей или меньшей надежностью предполагать место фразового ударения на последнем месте в предложении, что дает возможность исследовать порядок слов и изолированно от места фразового ударения. При анализе же текстов, содержащих предложения экспрессивные, стилистически окрашенные и т. п., что имеет место, например, при анализе языка художественной литературы, разговорной речи и т. п., это абсолютно невозможно.

1.4. Функции порядка слов

Функции порядка слов в современном русском языке проявляются не только в одном языковом плане, а сразу в нескольких.

Здесь мы исходим из предположения, что в каждом предложении, если понимать его как конкретную единицу языкового общения, а не как абстрактную схему, можно условно выделить несколько аспектов (планов): а) лексический, б) морфологический, в) синтаксический, г) модальный, д) актуального членения, е) эмоциональный, ж) стилистический. Все эти планы, конечно, тесно, а часто даже неразрывно, связаны друг с другом, так что изоляция любого из них является всегда условной.

Порядок слов (в содействии с фразовым ударением, см. выше) функционирует, главным образом, в четырех из этих планов: а) в области синтаксической структуры, б) в области актуального членения, в) в области эмоциональности

⁶ С такой точкой зрения не согласны Бельский [8] и Эбелинг [130], которые считают, что такие предложения различаются не только по своей стилистической окраске и эмфатичности, но также и по своей коммуникативной функции.

(экспрессивности) и г) в области стилистической.⁷ В области синтаксической структуры порядок слов помогает определять синтаксические функции некоторых компонентов. Конечно, порядок слов в этой области может играть роль лишь в тех случаях, где синтаксическая функция того или иного компонента не определена однозначно другими средствами, а это бывает в славянских языках сравнительно редко (подробнее об этом см. стр. 12—18). Главная роль порядка слов в современном русском языке — это выражение актуального членения предложения. Место отдельных компонентов в предложении точно определяет (конечно, на фоне определенной динамической структуры) функции этих компонентов с точки зрения актуального членения и коммуникативное назначение целого предложения (подробнее об этом см. стр. 18—43). Наконец, большую роль порядок слов играет также в области эмоциональности и стилистики (об этом. см. стр. 43—47).

С этой точки зрения можно подойти и к вопросу, к какой языковедческой дисциплине относится исследование порядка слов. Обычно эти вопросы затрагиваются или в синтаксисе, или в стилистике. Это, конечно, вполне оправдано в той мере, в какой порядок слов выполняет синтаксическую и стилистическую роль. Однако главная роль порядка слов — это выражение актуального членения, а вопрос места актуального членения в общей языковой теории до сих пор окончательно не решен (решение этого вопроса теснейшим образом связано с определением предмета синтаксиса и определением его центрального понятия — предложения). В принципе существуют два подхода к этому вопросу: или предмет синтаксиса понимается широко, а внутри него выделяются отдельные уровни, которые постепенно наслаиваются друг на друга (так поступает, например, И. П. Распопов [60]*, который выделяет т. наз. конструктивно-синтаксический и коммуникативно-синтаксический уровни), или же предмет синтаксиса понимается уже, а весь комплекс вопросов, связанных с актуальным членением выносится за рамки его (так поступают, например, Ф. Данеш, М. Докулил и др. [122, 126], которые считают, что актуальное членение входит в особую дисциплину, т. наз. общую теорию высказывания (*obecná teorie promluvy*)). Мы склоняемся скорее к первому решению, считая, что актуальное членение можно понимать как один из верхних ярусов широко понимаемого синтаксиса, и, следовательно, вопросы порядка слов относить к вопросам синтаксическим.

1.5. Методы исследования порядка слов

Порядок слов в славянских языках можно исследовать разными методами. В существующей литературе по этому вопросу намечается несколько направлений:

а) Хронологически первая и весьма распространенная теория прямого (обычного, нейтрального) и обратного (инверсивного, окказионального) порядка слов исходит из предположения, что каждый синтаксический член предложения при нормальных условиях занимает

⁷ Аналогичные функции порядок слов выполняет и во всех других славянских языках. К. Г. Крушельницкая [32] те же функции порядка слов находит и в немецком языке. Можно предполагать, что такие функции порядок слов имеет в большинстве языков, но пропорции между этими функциями разные (например, в английском языке абсолютно преобладает структурно-синтаксическая функция и т. п.).

* Точные библиографические данные см. под соответствующими номерами в списке литературы, стр. 87—94.

в предложении определенное место (это место в некоторых случаях определяется абсолютно, т. е. в рамках целого предложения, в других — релятивно, т. е. по отношению к другому члену) и что перемещение этого члена на другое место вызвано всегда какими-нибудь особыми причинами (особой акцентировкой этого члена, стилистическими соображениями и т. п.). Такую теорию мы находим в большинстве старых грамматик и монографий, например, в монографии Бернекера [113], в грамматике Гебауэра-Эртла [149] и др., и в ряде недавних, например, в академической грамматике и др.

Безусловно, в этой теории есть много ценного, основной принцип противопоставления нейтрального и окказионального порядка слов, несомненно, вполне обоснован.⁸ Однако, сравнительно небольшая познавательная ценность ряда работ этого направления обусловлена целым рядом факторов: 1. не учитывается место фразового ударения, 2. синтаксические члены, которыми оперирует данная теория, часто являются категориями негомогенными (ср., например, т. наз. обстоятельство), 3. не учитывается роль семантики отдельных компонентов, 4. неясно определяются причины, ведущие к окказиональному словорасположению. Из этого следует, что принцип противопоставления нейтрального и окказионального порядка слов необходимо сочетать с принципом актуального членения и с фактором семантическим.

б) Другое направление исходит прежде всего из статистического исследования взаимоположения членов синтаксических пар (включая предикативную). В чистой форме это направление представляет, например, Петерсон [50—51], который к каждой синтаксической паре приводит процентные данные (по своему материалу) к тому и другому порядку членов синтаксической пары (например, порядок глагол + предлог *в* + винительный падеж — 87%, предлог *в* + винительный падеж + глагол 13% и т. д.). О. Б. Сиротинина [71—80^{8а}] и Э. А. Ключкова [23] поставили перед собой задачу статистически обработать порядок слов в разных стилях письменного и устного языка. В основном к той же цели стремится и немецкий лингвист К. Буттке [119—121], который считает, что статистическая обработка фактов порядка слов могла бы стать надежным средством объективной классификации языковых стилей. Статистическая обработка фактов порядка слов, бесспорно, чрезвычайно ценна и нужна, но сама по себе она не выявляет движущих сил механизма порядка слов, и поэтому этот метод работы нужно сочетать с другими методами и принципами.

в) Свообразный подход к данной проблеме избрал норвежский ученый Б. Ульвестад в работе, касающейся порядка слов в немецком языке [204]. Работая методом лингвистического эксперимента, он взял все пермутации одного предложения из пяти компонентов и предложил десяти информаторам-немцам разделить их на три группы: правильные, не совсем правильные, но допустимые и недопустимые. На основании статистической обработки полученных таким образом данных он попытался сформулировать структурное правило немецкого порядка слов для данного конкретного случая.

г) Очень много работ, описывающих и объясняющих порядок слов, исходит из принципа актуального членения (по-разному называемого, а отчасти и понимаемого), т. е. из предположения, что порядок слов обусловливается релятивной известностью (данностью) и новизной отдельных компонентов предложения, с чем связана и разная степень их коммуникативной нагрузки. Эта мысль не нова, ее выдвинул еще в середине прошлого века французский лингвист А. Вель [205], и в течение более чем целого столетия ее разрабатывали и разрабатывают очень многие ученые разных стран. Особое место среди них занимает чешский лингвист В. Матезиус [170—175], который данную теорию поставил на прочную лингвистическую основу. В настоящее время это учение развивается далее. Из принципов актуального членения,

⁸ С понятиями нейтрального и окказионального порядка слов часто работают и авторы, которые не считают этот принцип основным, например, Браун [118], Мирович [179], Уорт [89] и др.

^{8а} Книга О. Б. Сиротининой [80] попала мне в руки уже после написания настоящей работы, и поэтому не могла быть в ней использована.

или теорий близких ему, при описании и объяснении порядка слов исходят, в большей или меньшей степени, очень многие авторы. Из исследователей, работающих над порядком слов в русском языке это, например, А. Л. Чистякова [95—96], Г. Р. Тукумцев [86], К. А. Рогова [64—68], М. Браун [118] и др.; словопорядок в чешском языке при помощи этой теории объясняет, например, В. Матезиус [171—173, 175], Ф. Травничек [200—202], Ф. Данеш [122], В. Шмилауэр [197], В. Т. Коломиец [28—29] и др., в словацком — Э. Паулини [185], Я. Горечки [158], Й. Мистрик [180, 180a]^{8b} и др., в немецком А. Г. Крушельницкая [32, 34], В. Г. Адмони [1], Э. Бенеш [110—112] и др., порядок слов в английском языке затрагивают работы В. Матезиуса [170, 174], Я. Фирбаса [134—141], Э. Дворжаковой [128—129], Б. А. Ильиша [21], А. В. Смирницкого [82] и др., во французском Я. Шабршулы [192] и др., в испанском — О. Тихого [198—199], А. Г. Хэтчер [153] и др. Актуальное членение, бесспорно, является главным фактором порядка слов в славянских языках, но и оно не может объяснить всего в области порядка слов, если не учитывать одновременно и другие факторы, синтаксические, семантические и стилистические.

д) Немецкий славист Г. В. Шаллер [188a] объясняет русский порядок слов, исходя из логических понятий аргумента и функции.^{8c}

е) В последнее время начинают исследоваться возможности формализации порядка слов для потребностей машинного перевода или для включения этого раздела в разные формализованные системы описания языков. Из работ, стремящихся составить правила словорасположения для машинного перевода можно привести, например, работы Хейса [158], Лехисте [168], Засориной [19] и совместную работу Войнова, Кравчука и Крупаткина [11]. Из работ, стремящихся включить правила порядка слов в разные формализованные системы описания языка, можно привести, например, работу Д. С. Уорта [89], который пытается сформулировать формализованные правила русского словорасположения и включить их в порождающую модель русского языка в качестве особых правил т. наз. 2-го цикла, работу Э. Баха [109], который разрабатывает правила порядка слов для порождающей модели немецкого языка и др.

2. СИНТАКСИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ПОРЯДКА СЛОВ

В отличие от многих других языков, например, английского, французского, китайского и пр., где порядок слов играет важную роль в области синтаксической структуры, в славянских языках, следовательно и в русском, он используется в этой функции сравнительно мало. Это связано с большим богатством флексивных средств в этих языках.

2.1. Основная синтаксическая функция порядка слов

Порядок слов в русском языке в синтаксическом отношении релевантен прежде всего тогда, когда при его помощи различаются члены, относящиеся

^{8b} Книга Й. Мистрика [180a] вышла лишь после сдачи моей работы в печать, поэтому ее результаты не могли быть учтены.

^{8c} Книгу Г. В. Шаллера [188a] я получил только при чтении корректуры книги, поэтому не имею возможности подробнее на ней остановиться.

непосредственно к глаголу (т. наз. члены второго ранга) от членов, относящихся к именам или к адverbиальным выражениям (т. наз. членов третьего и следующих рангов). При этом играет роль прежде всего контактное и дистантное положение данных членов по отношению к именам и адverbиальным выражениям, в меньшей степени и само их положение в предложении.

Так, например, при помощи порядка слов в русском языке определяется различие между следующими синтаксическими членами:

а) между согласованным определением и именным сказуемым в предложениях с глаголом *быть* (включая и его нулевую форму). Ср. *Было морозное декабрьское утро* (Бон., Т., 6) и *Декабрьское утро было морозное*; *Лицо у матери было серьезное* (Ник., Б. в. п., 56) и *У матери было серьезное лицо*; *Железная у моряков дисциплина: один за всех, все за одного* (Кон., И., 10, 10) и *У моряков железная дисциплина... и т. п.*

б) между согласованным определением и предикативным определением (*doplněk*) или же между чистым определением и определением с атрибутивно-предикативной функцией в предложениях с другими глаголами. Ср. *Автобусы шли на Озерную переполненные* (Гран., И. н. г., 108) || *Переполненные автобусы шли на Озерную*; *Дед вернулся веселый* (Паустовский, з. п.) || *Веселый дед вернулся*; *Нудная и одуряющая потекла жизнь* (Шол., Т. Д., 250) || *Потекла нудная и одуряющая жизнь*; *Песок дают некачественный* (Ник., Б. в. п., 80) || *Дают некачественный песок*; [*Евгений Константинович, можешь поздравить Сашу:*] *кр^епкую сварил сталь*. (Кон., И., 9, 39) || *...сварил крепкую сталь и т. п.*

Во всех приведенных случаях при контактном препозитивном положении бесспорно налицо согласованные определения, при дистантном положении предикативные определения (*doplněky*) или определения атрибутивно-предикативного характера. Бесспорные предикативные определения перед нами в первых двух случаях (доказательством может служить возможность употребления творительного падежа, например, *Автобусы шли на Озерную переполненными*, *Дед вернулся веселым и т. п.*). В других же случаях характер рассматриваемых членов менее бесспорен, это члены промежуточного, предикативно-атрибутивного характера (творительный здесь, очевидно, невозможен).

в) При помощи порядка слов, далее, определяется различие между несогласованным определением⁹ и дополнением в случаях, когда рассматриваемый член объектного характера может относиться к синтаксическому существительному (при контактном постпозитивном положении) или к глаголу (при всех других положениях). Ср., например: *Дробышев делал доклад о задачах большевистской печати* (Пан., С. р., 513) || *О задачах большевистской печати делал доклад Дробышев*; *Однажды поручили Андрею сделать будку*

⁹ Несогласованным определением, согласно чешской лингвистической традиции, считается всякое распространение синтаксического существительного другим существительным в другом падеже.

для сторожа на колхозном огороде (Бубенов, з. п.) || Однажды поручили Андрею сделать для сторожа будку на колхозном огороде; У него не было той активной жалости и уважения к чужому страданию, какие бывают у хирургов, педиатров или универсальных сельских врачей (Панова, з. п.) || К чужому страданию у него не было той активной жалости и уважения...; Уже произошел первый большой бой между Донской дивизией и кубанскими пластунами (Шолохов, з. п.) || Между донской дивизией и кубанскими пластунами произошел первый большой бой и т. п.

Контактное и дистантное положение, однако, является далеко не последним и решающим фактором, который без остатка определял бы синтаксическую функцию в подобных случаях. Как всегда, нужно учитывать и вторую составную часть линейно-динамического оформления, место фразового ударения. Несогласованным определением подобные выражения могут быть лишь в том случае, если они и интонационно образуют с определяемым словом целостную единицу. Несмотря на контактное постпозитивное положение, нельзя, следовательно, о несогласованном определении говорить в случаях типа *Против воли Беридзе чувствовал симпатию к этому суровому и трудному старику* (Ажаев, з. п.), поскольку интонационного единства нет; выражение *к этому суровому и трудному старику* нужно считать дополнением.

Вообще, строго говоря, структуры с контактным постпозитивным положением компонента такого типа без контекста и ситуации всегда двусмысленны, хотя атрибутивное понимание более вероятно, чем неатрибутивное; при других же позициях или при интонационной разрозненности налицо однозначность: атрибутивное понимание исключается.

г) Аналогично при помощи порядка слов, т. е. различия между контактным постпозитивным положением и другими положениями, в значительной степени определяется также различие между несогласованным определением и обстоятельством в случаях типа: *Свежие сугробы возле подъездов темнели следами* (Бон., Т., 110) || *Возле подъездов свежие сугробы темнели следами*; *Наша экспедиция в Азии обнаружила новый элемент иранской флоры* (Роз., В. д. ч., 217) || *Наша экспедиция обнаружила в Азии новый элемент иранской флоры*; *На столике возле двери стояла тарелка оладьев, политых медом* (Ник., Б. в. н., 73) || *Возле двери стояла на столике тарелка оладьев, политых медом* и т. п.

Однако, так же как и у дополнений, и здесь одна только позиция далеко не окончательно решает синтаксический характер рассматриваемого компонента, хотя играет в этом отношении важную роль. При контактном постпозитивном положении данных выражений и при интонационном единстве атрибутивный характер вероятен, но не необходим. Окончательно данный вопрос решается контекстом, ситуацией и общей семантикой предложения.¹⁰

¹⁰ Этих вопросов подробно касается К. Гаузенблас [154], Ф. Данеш, *Опыт теоретической интерпретации синтаксической многозначности*, ВЯ XIII, 1964, № 6, 1—15, Ф. Копечны, *Základy české skladby*, Praha 1958, и др.

В некоторых случаях трудно на основании письменного текста решить, какое понимание следует выбрать. Так, например, предложения *Стеклянно хрустел сухой снег под ногами* (Горьк., К. С. I, 233) или [*В открытое окошечко ванной прохладно тянуло ветерком*], *чернело звездное небо за смуглыми силуэтами лип* (Бон., Т., 245) можно в данном контексте прочитать и с фразовым ударением на последнем слове (тогда будет налицо понимание атрибутивное), или же на словах *снег* и *небо* (тогда было бы налицо понимание обстоятельственное).

д) Контактное и дистантное положение играет, далее, значительную роль при различении обстоятельств, относящихся к глаголу, и обстоятельств, относящихся к другому обстоятельству. При дистантном положении обоих обстоятельств перед нами всегда будут два самостоятельных обстоятельства, в равной степени относящихся к глаголу; при контактном же положении возможны два случая: перед нами могут быть как два самостоятельных обстоятельства, так и одно обстоятельство, распространенное другим (несамостоятельным) обстоятельством. Решается данный вопрос опять-таки на основании контекста и общей семантики предложения, а также на основании семантического характера самих рассматриваемых обстоятельств (второе понимание возможно лишь в случае общности семантики).

Так, например, в предложении *Отец вернулся поздно ночью* (Бон., Т., 205) налицо одно обстоятельство, распространенное другим, тогда как в предложении *Ночью отец вернулся поздно* — два самостоятельных обстоятельства. Аналогично:

Внизу среди кудрявых лесистых холмов голубела речка (Ник., Б. в п., 52) || Среди кудрявых лесистых холмов голубела внизу речка; Сегодня в восемь часов вечера в роно, в помещении методического кабинета, состоится совещание (Тендр., З. б. д., 253) || Сегодня совещание в роно ... состоится в восемь часов вечера и т. п.

Конечно, комплексное понимание двух обстоятельств невозможно при разной их семантике, ср.: *По ночам в комнате ходили пятна света* (Акс., К., 30) и т. п.

Следовательно, мы указали, что при помощи порядка слов решается различие между членами, относящимися к глаголу, и членами, относящимися к именам и наречиям, но что порядок слов не является критерием единственным и окончательным; определенное положение (контактное, в одних случаях препозитивное, в других постпозитивное, при интонационной целостности) только допускает атрибутивное понимание, является необходимым условием для него, но не предопределяет его полностью, хотя делает такое понимание весьма вероятным. Окончательным фактором здесь является контекст и общая семантика предложения.

2.2. Другие синтаксические функции

Помимо своей основной функции в области синтаксической структуры, т. е. функции различения членов, относящихся к именам и наречиям, от членов, относящихся непосредственно к глаголу, порядок слов в русском языке выполняет еще некоторые другие функции,

но в очень ограниченной мере. Академический синтаксис (II 1, 661) приводит следующие функции:

1. Различение подлежащего и дополнения, если отсутствуют формальные показатели, например: *Бытие определяет сознание*; *Мать любит дочь*; *Грузовик везет на буксире легковой автомобиль* и т. п.

2. Различение определения и именного сказуемого, например: *Ясный день* || *День ясный* и т. п.

3. Различение подлежащего и именного сказуемого, например: *Учитель — мой брат* || *Мой брат — учитель* и т. п.

4. Различение подлежащего и именного сказуемого, если они выражены существительным и инфинитивом, например: *Поехать на Север было моей давнишней мечтой* || *Его мечта — поехать на Север* и т. п.

О случаях, приводимых академическим синтаксисом под пунктом 2., мы уже говорили выше. Случаи типа 4., по моему мнению, не убедительны, так как инфинитив является во всех случаях грамматическим подлежащим, что можно легко доказать заменой нулевой связки связкой выраженной, а именительного падежа творительным, ср. *Поехать на Север является (было, стало и т. п.) его мечтой*; *Его мечта — поехать на Север*; *Его мечтой является (было, стало и т. п.) поехать на Север*. Остаются, таким образом, случаи типа 1. и 3. Однако синтаксическая функция порядка слов в этих случаях является довольно спорной. Дело в том, что в подавляющем большинстве подобных случаев из семантики обоих субстантивных компонентов или же из предыдущего контекста ясно, что является подлежащим, а что — дополнением, ср. именным сказуемым, так что для решения этого вопроса не нужно прибегать к порядку слов, а грамматические функции компонентов остаются одинаковыми при любом словорасположении,¹¹ хотя, конечно, в большинстве случаев подлежащее в самом деле стоит на первом месте.¹² Так, например, в предложении *Длинные часы с золоченым маятником отсчитывали минуты* (Ник., Б. в. п., 100), несмотря на отсутствие формальных различителей подлежащего и сказуемого, синтаксические функции были бы совершенно ясны при любом словопорядке, но, независимо от этого, здесь самым естественным является данное словорасположение, вытекающее из семантики предложения. Аналогичную ситуацию мы наблюдаем в подавляющем большинстве случаев этого типа.

Есть, правда, случаи, особенно в научном стиле, где синтаксическая функция существительных сигнализируется прежде всего порядком слов. Сюда относятся случаи типа вышеприведенного *Бытие определяет сознание*. Однако таких случаев, во-первых, довольно мало, а во-вторых, потенциально они всегда двусмысленны.¹³

¹¹ Этот факт отмечает целый ряд авторов, например, Пешковский (*Русский синтаксис в научном освещении*, изд. 7, Москва 1956, 52, Мельничук [42], 60, Г. Р. Тукумцев [86], и др.

¹² Это относится, прежде всего, к научному стилю. Д. Г. Хейс [156] отмечает, что из 56 случаев с формально неразличенным подлежащим и дополнением в тексте по физике было 52 случая с порядком П — Г — Д и только четыре случая фразеологического характера с порядком Г — Д — П. Это, очевидно, в связи с общей тенденцией подлежащего занимать начальное положение в предложении и тем самым отождествляться с основой высказывания, даже если подлежащее и дополнение формально достаточно различны, как об этом пишет В. В. Пассек [49], который отмечает, что в письменных стилях русского языка подлежащее стоит на первом месте перед сказуемым и дополнением примерно в 85—90% случаев.

¹³ Интересно отметить, что даже в болгарском языке, который у существительных полностью утратил формальное различие между именительным и винительным падежом, не развивается в данном случае твердый порядок слов, как, например, в английском. Болгарский язык здесь воспользовался другим средством, а именно, при порядке Д — Г — П удваивает субстантивное дополнение личным местоимением, где различие между именительным и винительным сохранилось, например: *Една жена я рисува един художник* (в буквальном переводе: *Одну женщину ее рисует один художник*). Ср. С. Иванчев [20].

Случаев типа *Мой брат — учитель* || *Учитель — мой брат*, где функцию подлежащего и именного сказуемого якобы сигнализирует только порядок слов, в действительности еще гораздо меньше, чем случаев типа *Бытие определяет сознание*, так как грамматические функции обоих существительных обычно совершенно однозначно даны их семантикой и степенью конкретности (индивидуализованности) каждого из них. Ср., например, *Эта женщина — святой человек* (Тендр., 3. б. д., 371); *Безоговорочное уважение к плану — закон завода!* (Ник., Б. в. п., 30) и т. п. Вышеприведенный случай *Мой брат — учитель* || *Учитель — мой брат* представляет собой редчайшее исключение (характерно, что академическая грамматика приводит этот единственный пример), причем и он требует специфичной конституации.

К случаям, приводимым в академической грамматике, можно было бы добавить еще тип *Ко мне подошел знакомый слепой* || *Ко мне подошел слепой знакомый*, где при помощи порядка слов различаются функции главного и зависимого члена атрибутивной синтагмы, но такие случаи, конечно, опять-таки представляют собой редчайшее исключение.

Гораздо более важной оказывается роль порядка слов в некоторых предложениях с инфинитивной конструкцией, представляющей собой побочную предикацию, где субъект и главной и побочной предикации выражен одной формой — дательным падежом, ср.: *Петру хотелось помочь товарищам* || *Товарищам хотелось помочь Петру* и т. п., или где объект главной и побочной предикации выражен одинаковым падежом, ср.: *Он попросил Павла позвать Ольгу* || *Он попросил Ольгу позвать Павла*; *Он посоветовал Борису позвонить Вере* || *Он посоветовал Вере позвонить Борису* и т. д. В таких случаях порядок слов различает обе структуры довольно однозначно.

Наконец, порядок слов (правда, наряду с определенной интонацией и паузами) играет существенную роль при различении обособленных и необособленных членов предложения. Это касается главным образом определений, ср.: *Наступила дождливая, грязная, темная осень* || *Наступила осень, дождливая, грязная, темная*.¹⁴ У предикативных атрибутов (doplněk), наоборот, обособленный член стоит в препозиции по отношению к глаголу, например, *Довольный, он вернулся домой* || *Он вернулся домой довольный*. Обособленные приложения и обособленные обстоятельства аппозиционного характера стоят, как правило, в постпозиции, например, *Шахтеры, выходяцы из центральных российских губерний и с Украины, селились по хуторам у казаков, родились с ними* (Фадеев, 3. п.); *Всюду, и вверху, и внизу, пели жаворонки* (Чехов, 3. п.) и т. п.¹⁵

Как мы видим, в синтаксической функции в русском языке порядок слов использован сравнительно мало, причем обычно он функционирует не один, а наряду с другими факторами, иначе говоря, один только порядок слов, даже в содействии с местом фразового ударения, обычно не в состоянии определить

¹⁴ Пример взят из книги О. С. Ахмановой - Г. Б. Микаэляна [6], 124, где указывается: "... в первом предложении прилагательное вступает с существительным в наиболее тесную атрибутивную связь, образуя с ним словосочетания, выступающие в предложении как целый комплекс; во втором предложении при постпозиции прилагательных, связь их с существительным оказывается ослабленной, приобретая оттенок установления отношения."

¹⁵ О положении обособленных членов пишется во всех работах об обособленных членах. См., например, соответствующий раздел академической грамматики (II 1, 642—660), или специальные работы по этой теме, например, А. Г. Руднев, *Синтаксис осложненного предложения*, Москва 1959, V. Hrabě, *Polovněné vazby a kondenzace „druhého sdělení“ v ruštině a v češtině*, Praha 1964 и др.

синтаксическую функцию того или иного члена совершенно однозначно. Ввиду этой небольшой загруженности русского словопорядка в области синтаксической структуры, он может быть богато использован в области актуального членения и стилистики.

3. АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ

3.1. Понятие актуального членения и история вопроса

Главным фактором, определяющим в русском языке линейно-динамическую структуру предложения, а следовательно и порядок слов, является актуальное членение предложения.¹⁶

Как мы уже сказали выше (см. стр. 12), первым исследователем, высказавшим основной принцип этого явления, считается А. Вель. После него теорию актуального членения, понимаемую тогда прежде всего с психологической точки зрения, разрабатывали многие ученые, например Г. Габеленц [146], Г. Паул [184], Ф. Ф. Фортунатов [92], Й. Зубаты [206], В. Эртл [131], Ф. Травничек [202—204], С. Шобер [190—191] и др. Очевидно, прежде всего термины „психологическое подлежащее“ и „психологическое сказуемое“, употребляемые этими исследователями, явились причиной того, что эта, бесспорно, обоснованная и плодотворная теория вызывала критику, а слишком рьяные сторонники „чистой лингвистики“ часто исключали ее из языкознания. Среди исследователей, разрабатывающих эту теорию, особо нужно назвать имя чешского лингвиста В. Матезиуса, который поставил эту теорию на прочную языковую базу (прежде всего на базу контекста), ввел новые, „непсихологические“ термины и существенным образом углубил всю теорию [170—177]. В обработке Матезиуса эта теория получила общее распространение в чехословацкой лингвистике и проникла и в лингвистику других стран.

К виднейшим последователям Матезиуса в данной области в Чехословакии относятся Ф. Данеш, Я. Фирбас и Й. Мистрик. Данеш применяет теорию актуального членения прежде всего к исследованию интонации чешского предложения [123], но интересуется и порядком слов. В работе, касающейся порядка слов [122], Данеш старается согласовать аспект грамматический с аспектом актуального членения, что является делом первостепенной важности. Фирбас применяет актуальное членение, прежде всего, к исследованию порядка слов в английском языке [133—144]. Он работает с т. наз. *фразовой динамичностью* (*výrovnědní dynamičnost*), которая постепенно нарастает, начиная с первого элемента основы и кульминируя в центральном элементе ядра. Основным средством для сигнализации степени фразовой динамичности является порядок слов, но существует ряд других факторов, которые могут его влияние аннулировать или корректировать, например, артикли и др. Мистрик [180, 180a] использует данную теорию для подробного и глубокого анализа порядка слов и расположения частей сложного предложения в словацком языке.

В Советском Союзе вышло несколько очень ценных работ в области актуального членения. Первая из них принадлежит К. Г. Крушельницкой, применившей данную теорию к иссле-

¹⁶ Кроме этого термина, введенного Матезиусом, существует целый ряд других терминов, например: *коммуникативное членение* (Иванчев), *контекстуальное членение* (некоторые чешские работы), *funkční perspektiva větná* (Фирбас) и др., см. обзор этих терминов в статье Данеша [124]. В нашей работе мы придерживаемся старого матезиусовского термина, так как он довольно однозначный и в последнее время проникает и в зарубежное языкознание.

дованию порядка слов в немецком языке в сопоставлении с русским [32—34]. Крушельницкая пользуется терминами „данное“ и „новое“ работает с понятиями „коммуникативной нагрузки“ и „коммуникативного задания.“ Ее изложение отличается большой продуманностью и убедительностью. Одной из самых значительных советских работ по актуальному членению является монография И. П. Распопова [59—60]. В этой очень глубокой работе автор устанавливает основные структурные типы актуального членения, которое по его мнению представляет собой один из важнейших конститутивных признаков предложения. Между компонентами актуального членения, по мнению автора, имеется предикативное отношение.

Несколько своеобразное, но очень интересное применение принципа актуального членения представляет собой работа А. С. Мельничука [42]. Несмотря на то, что Мельничук противопоставляет матезиусовскому актуальному членению свое „синтагматическое членение“, принцип обеих теорий, на наш взгляд, в основном тот же. Каждое предложение, по Мельничуку, членится на „синтагмы“ (т. е. смыслово-интонационные единицы, отделяемые потенциальной паузой), часто в нескольких ярусах, которые расположены по своей значимости; при нормальном порядке т. наз. „исходная синтагма“ предшествует т. наз. „основной синтагме“, при инверсивном порядке — наоборот, причем основная синтагма сильно выделяется интонационно. Внутри „синтагм“ аналогичное положение вещей, при нормальном порядке более значимый элемент следует за менее значимым, при инверсивном — наоборот.

С данностью и новизной компонентов предложения работает также американская испанистка А. Г. Хэтчер [152], которая свой метод базировала на вопросах (т. наз. *underlying questions*), которые, в зависимости от контекста и ситуации, можно задавать к исследуемым предложениям. Те элементы, которые содержатся уже в вопросе, принадлежат к „данной“ части предложения, те, которые появляются только в самом предложении (ответе), образуют „новую“ часть предложения. На основе своих „базовых вопросов“ автор старается дать подробную классификацию предложений с точки зрения этого аспекта.

Польский лингвист А. Миревич в одной выдающейся своей работе [179] также занимается вопросами, близкими к области актуального членения. То, что Матезиус называет актуальным членением, Миревич относит, вместе с модальностью, к т. наз. „модуляции“, которая как некий комментарий к предложению, наслаивается на его синтаксическую схему и лексические значения (т. наз. „артикуляцию“).

Немецкий ученый К. Боост [117] выдвинул теорию, которая также имеет много схожих черт с актуальным членением. Боост работает с теорией „напряжения“. Предложение в его интерпретации является „полем напряжения“ (между говорящим и собеседником), которое возникает при произнесении первого компонента предложения, т. наз. „темы“ (*Thema*), и постепенно уменьшается, пока полностью не ликвидируется произнесением последнего компонента, т. наз. „ремы“ (*Rhema*).

Американский испанист Д. Л. Боулинджер [115] работает с т. наз. принципом „линейной модификации“ (*linear modification*), который заключается в том, что каждое новое слово в предложении в известном смысле модифицирует, суживает значение предыдущей части предложения, пока не наступит последнее слово, которое имеет самое узкое значение и в котором „сосредоточивается событие“.

Кроме названных авторов, теорией актуального членения в большей или меньшей мере оперирует целый ряд других ученых. Некоторых из них, применяющих принципы актуального членения к исследованию порядка слов, мы уже привели выше (стр. 11—12). Целый ряд работ, так или иначе исходящих из принципов актуального членения, посвящен прежде всего динамической структуре предложения. Достаточно назвать хотя бы работы Чичагова [97], Бельского [8], Эбелинга [130], Щербы [130], Виллера [10], Кузнецовой [36], Тухумцева [87—88], Озаровского [46] и пр.

Актуальное членение предложения — это организация предложения в целях передачи актуальной информации.

В каждом предложении содержится информация вещественная и актуаль-

ная. Вещественная информация — это простая информация о каком-либо факте объективной действительности, вытекающая из лексико-синтаксической структуры данного предложения. Актуальная информация — это тот аспект вещественной информации, который в данной ситуации говорящий намеревается сообщить собеседнику, суть данной коммуникации, из-за которой эта коммуникация реализуется и без которой она не имела бы смысла. Актуальная информация передается при помощи актуального членения, формально выражаемого прежде всего т. наз. линейно-динамической структурой предложения (порядком слов и местом фразового ударения), и в меньшей степени другими средствами.

Так, например, в предложениях *Завтра я ему напишу письмо, Письмо я ему напишу завтра, Завтра я напишу письмо ему, Завтра напишу письмо ему я* и т. д. вещественная информация (т. е. сообщение о том, что произойдет факт „написания письма“, который совершит говорящий, что письмо будет адресовано какому-то определенному человеку, и что этот факт произойдет завтра) во всех этих предложениях совершенно одинаковая, так как она вытекает из лексико-синтаксической структуры, которая также во всех приведенных предложениях одинакова. Актуальная же информация в каждом из этих предложений своя собственная, абсолютно отличная от актуальной информации всех остальных предложений. В первом предложении актуальная информация более или менее совпадает с вещественной, так как говорящий стремится сообщить весь факт, о котором собеседник ничего не знает. Во всех других предложениях часть вещественной информации собеседнику уже известна или же он легко может о ней догадаться. Эта часть вещественной информации приводится только для того, чтобы собеседник мог точно ориентироваться в том, о чем идет речь, чтобы понять, чего касается актуальная информация. Сама по себе актуальная информация представляет собой в этих случаях всегда лишь один частный аспект вещественной информации: в одном случае — что факт произойдет в определенное время, в другом — что будет касаться определенного человека, в третьем — что субъектом этого факта будет определенное лицо и т. д.

3.2. Основа и ядро

С точки зрения актуального членения каждое предложение распадается на т. наз. основу и т. наз. ядро.

Основа¹⁷ — это та часть предложения, которая дана, известна или вполне очевидна и которая служит отправной точкой для передачи актуальной информации. Выбор основы ограничивается т. наз. конситуацией,¹⁸ основа естественно, не может содержать никаких элементов, которые не содержались бы в данной конситуации, или, по крайней мере, не вытекали бы из нее (в таком случае адресат терял бы ориентацию в процессе коммуникации), но определяется, прежде всего, предполагаемой актуальной информацией (целью сообщения,

¹⁷ Кроме этого термина существует еще целый ряд других, например: *тема* (Боост [117] и др.), *данное* (Крушельницкая [32] и др.), *экспозиция* (Иванчев [20]), *психологическое подлежащее* или *психологический субъект* (целый ряд работ, особенно старших), *смысловый субъект* (Ильиш [21], Тукумцев [86] и др.), *лексическое подлежащее* (Смирницкий [82]), *логический субъект* (Панфилов [48] и др.) и т. п. В этих терминах отражается разный подход отдельных авторов к данному комплексу явлений, но само понятие, обозначаемое этим термином, в общих чертах тождественно. См. работы Данеша [124] и [125].

¹⁸ Термин А. Мировича [179], объединяющий понятия контекста и ситуации.

коммуникативным заданием), поскольку выбирается только такая основа, которая необходима как отправная точка для передачи конкретной актуальной информации.

Основа может состоять только из одного компонента (имеется в виду компонент в указанном выше смысле) или из нескольких компонентов, например: *Рабочие (1) фрезу (2) не приняли* (Ник., Б. в п., 423); *Помощников присяжных поверенных (1) она (2) теперь (3) презирала* (А. Толст., С., 17). В таком случае будем говорить об основе примарной, секундарной, терциарной и т. д.

Если в предложении имеется несколько компонентов основы, то оно часто приобретает некий ступенчатый характер: к примарной основе присоединяется, как бы в функции ядра, весь остаток предложения, который в свою очередь расчленяется опять на своего рода основу и ядро и т. д. Ср., например, предложение *После завтрака Даша пошла на курсы* (А. Толстой, С., 56). На первом уровне оно расчленяется *После завтрака* / *Даша пошла на курсы*, на втором же *Даша* / *пошла на курсы*¹⁹ Однако, с точки зрения целого предложения, по-видимому, оба компонента — *после завтрака* и *Даша* относятся к широкой основе, распадающейся на основу примарную и секундарную.

Основа, конечно, имеет разный характер в зависимости от того, какой компонент в нее входит.

Если в предложении простая основа (один компонент), то ею бывает чаще всего или компонент субстантивный (подлежащее (S) или дополнение (Co)), например, *Клим пошел домой* (Горьк., К. С. I, 111), *Клима обдал запах незнакомых духов* (Там же, 217) и т. п., или же обстоятельственная характеристика (D), например, *За выгоном зацвел донник* (Шол., П. ц., II, 3), *В полночь пришел Сережа* (Ник., Б. в. п., 308) и т. п.²⁰

В первом случае, т. е. если основой является субстантивный компонент, она имеет выразительно тематический характер, представляя собой субстанцию, о которой что-то сообщается. Если же основа представлена обстоятельственной характеристикой, такой тематический характер значительно ослаблен или вовсе отсутствует, уступая место характеру простой „ситуационной кулисы“ (термин Фирбаса), например, *В коридоре раздался телефонный звонок* (Акс., К., 93), *Иногда вечерами являлся райкомовский работник Кучин* (Тендр., З. б. д., 125) и т. п.²¹ Между этими двумя крайними точками, т. е. между основой-

¹⁹ Ср. очень похожее понимание у Мельничука [42], который, по своей терминологии, говорит о „синтагмах“.

²⁰ Это констатирует и Э. Паулини [185]: „Основой высказывания чаще всего бывает подлежащее или обстоятельство, прежде всего места и времени — т. е. обычно вещи релятивно самые известны.“

²¹ Это, очевидно, привело Матезиуса к различению понятий „*východisko*“ и „*základ*“ (позже он от этого различения отказался) или В. Шмилауэра [197] к различению понятий „*východisko*“ и „*úvodní část*“. Шмилауэр указывает еще другой аспект, а именно, что „вводящие части“ вытекают из общих представлений, а не из контекста, как „исходный пункт“. Отчетливо различает эти понятия также Распопов [59—60]; предложения с т. наз. „интродуктивной основой“ представляют у него другой „коммуникативно-синтаксический тип“, чем предложения с „тематической (предметной) основой“. См. также работу Данеша [125].

темой и основой-ситуационной кулисой, имеется целая шкала промежуточных случаев, что препятствует точному разделению названных типов основ, ср., например, [*Мы шли, схватившись за руки, перед нами расступались прохожие*]. *На мокром асфальте отражались городские огни* (Тендр., 3. б. д., 284). Можно ли считать *асфальт* темой, или же перед нами только местная характеристика? Подобных случаев чрезвычайно много.

Сама личная форма глагола (V) бывает самостоятельной основой довольно редко, например, [*Ну, кто просит слова? — произнес он.*] *Вызвался Иван Поликарпович* (Тендр., 3. б. д., 208). Очевидно, что такая основа не является ни темой, ни ситуационной кулисой, а каким-то своеобразным особым типом.

Если основа составлена из нескольких компонентов, то возможны разные комбинации, например, подлежащее и дополнение, ср. *Постель Захарыча комендантша унесла* (Кузн., П. л., 197), подлежащее или дополнение и обстоятельственная характеристика, например, *Я сегодня уезжаю* (Роз., В. п. р., 69); *Последние два года комнаты пустовали* (Акс., К., 34) и т. п.

Если основа содержит глагол в комбинации с подлежащим, объектным дополнением или обстоятельственным дополнением, эти члены образуют комплексное целое. В таком случае надо говорить не о примарной и секундарной основе, а о т. наз. комплексной основе. В основе высказывания лежит тот или иной комплексный факт, который в том или ином отношении специфицируется ядром ср., например, *Бедра разразилась в конце дня* (Ник., Б. в. п., 65); *Мы простились перед моим домом* (Тендр., 3. б. д., 266); *Место для лагеря выбрал Петр Петрович* (Федин, з. п.) и т. п.

Наконец, существуют и предложения с нулевой основой (все предложение является ядром). Существование таких „односоставных“ предложений отмечается почти во всех работах об актуальном членении. Сюда относятся, во-первых, предложения типа *Раздался крик* (Ник., Б. в. п., 11), *Наступила тишина* (там же, 92), *Началась весна* (Пан., С., 92) и т. п., далее, предложения т. наз. односоставные — определенно-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные и безличные, например, *Поступлю на работу* (Ник., Б. в. п., 56), [*Досада какая...*] *Разъединили* (Бон., Т., 47), *Было тепло, сыро и душно* (Ник., Б. в. п., 8) и, наконец, просто разного рода эллипсисы.

Ядро²² — это та часть предложения, в соотнесении которой с основой заключается актуальная информация.

Обычно утверждается, что само ядро — новое, в коммуникативном отношении самое важное и т. д. Это до некоторой степени неточно: новым, самым важным и т. д. является не само ядро, как таковое, а именно соотнесение его с основой; именно в этом соотнесении заключается суть коммуникации — актуальная информация, причина реализации предложения. Так,

²² Кроме этого термина существует целый ряд других: *рема* (Боос и др.), *новое* (Крушельницкая и др.), *кульминация* (Иванчев), *психологическое сказуемое* или *психологический предикат* (целый ряд работ), *смысловый предикат* (Ильиш, Тукумцев), *лексическое сказуемое* (Смирницкий), *логический предикат* (Панфилов и др.), *предсказуемая часть* (Распопов [59, 60]), *предсказуемый член* (Рогова [68]) и т. п.

например, в предложении *План разработал коллектив завода* (Ник., Б. в. п., 99) ядром является компонент *коллектив завода*, т. е. нечто бесспорно данное, известное, не новое; новым, до сих пор неизвестным, а поэтому с коммуникативной точки зрения самым важным, является соотношение этого ядра с основой, т. е. с фактом разработки плана. При помощи этого соотношения передается актуальная информация.

Ядро также может состоять только из одного компонента, т. наз. простое ядро, например, *Мальчики ушли* (Горьк., К. С. I, 70), *Рабочие фрезе не приняли* (Ник., Б. в. п., 423), *Дверь открыл Касаткин* (Каз., Д. н. п., 686) и т. п., или же из нескольких компонентов, например, *Вера подняла воротник* (Гран., П. с., 9); *Пастухов зажег спичку* (Фед., Н. л., 16); *Телегин заложил руки за спину* (А. Толстой, С., 16); *В темной комнате тикали часики* (там же, 45); *В серой рассветной мари двигались к Дону бычачьи подводы* (Шол., Т. Д. 320) и т. п.

И ядро, конечно, имеет разный характер в зависимости от того, чем оно выражено. Если в ядре имеется только один компонент, им чаще всего бывает глагол, реже — подлежащее, дополнение или обстоятельство. Если единственным компонентом ядра, т. наз. самостоятельным ядром, является глагол, то в коммуникативном отношении может быть важной, прежде всего, а) сама констатация действия, например, *Вера улыбается* (Акс., К., 8), б) положительная или отрицательная модальность действия, например, [*Верите? ... Нет.*] *А я верю* (Тендр., Ч., 69), *Игорь не погиб* (Пан., С., 187), в) качество действия (в отличие от какого-либо подобного), например, *Брат в Москву полетит* (т. е. именно полетит, а не поедет, например, поездом).

Если ядро состоит из нескольких компонентов, то оно всегда содержит глагол и является комплексным, это значит, что ядром является сочетание глагола с остальными компонентами ядра как одно целое, один комплекс или, другими словами, ядром является развернутое, семантически развитое действие, например, *Мать всплеснула руками* (Шол., Т. Д. ..., 210), *Половцев сел на стул* (Шол., П. ц. II, 6) и т. п., или даже существенная часть целого факта, например, *Во дворе залаяла собака* (Бон., Т., 149), *По улицам продувал ветерок* (А. Толстой, С., 62) и т. п.

Если комплексное ядро состоит из глагола и двух распространяющих членов, то один из неглагольных компонентов, вместе с глаголом, образует собственное ядро, а другой имеет промежуточный характер, отчасти характер основы, отчасти ядра. Такой компонент назовем интраядерной основой. Если все ядро должно быть комплексным, то необходим следующий порядок: глагол — интраядерная основа — неглагольный собственно-ядерный компонент. Ср., например, *Даша показала письмо отцу* (А. Толстой, С., 101) (о письме уже была речь); *Василий Васильевич подвел Дашу к одной из стержениц* (Ник., Б. в. п., 64) и т. п. Несмотря на то, что интраядерная основа имеет, с определенной точки зрения, именно характер основы, она, с другой стороны, бесспорно включается в состав комплексного ядра и является его составной частью.

Из того, что было сказано выше, вытекает, что мы не будем выделять в качестве третьего компонента актуального членения, наряду с основой и ядром, т. наз. промежуточные

звенья (přechodové složky²³), к которым часто относят глагол и некоторые к нему относящиеся члены. В нашем понимании глагол всегда входит или в состав основы или в состав ядра.

Актуальное членение предложений и его формальное выражение при помощи линейно-динамической структуры мы будем в дальнейшем изображать особыми схемами. В этих схемах компоненты предложения будут приводиться в следующей последовательности; тот компонент, на который падает фразовое ударение, будет напечатан жирным шрифтом. Функции актуального членения будут обозначаться индексами из греческих букв (α = примарная основа, β = секундарная основа, γ = терциарная, ω = ядро). Комплексные компоненты заключаются в скобки и между их составными частями ставится знак +. Интра-ядерная основа (см. стр. 76) имеет индекс основы и попадает в скобки, охватывающие комплексное ядро. Предел между основой (основами) и ядром обозначается знаком —. Например: Юноша улыбнулся (Ник., Б. в. п., 41): $S^\alpha - V^\omega$; Доктор покачал головой (Пан., С., 60): $S^\alpha - (V + Co)^\omega$; В полночь Телегин ушел (А. Толстой, С., 224): $D^\alpha S^\beta - V^\omega$; План разработал коллектив завода (Ник., Б. в. п., 99): $(Co + V)^\alpha - S^\omega$; Даша показала письмо отцу (А. Толстой, С., 101): $S^\alpha - (V + Co^\beta + Cd)^\omega$ и т. д.

3.3. Вспомогательные средства выражения актуального членения

Главными формальными выразительными средствами актуального членения являются порядок слов и место фразового ударения. О взаимоотношениях между этими двумя слагаемыми линейно-динамической структуры мы уже говорили выше (стр. 7 — 9).

Кроме этих основных средств существуют еще другие, менее важные. Эти средства носят лишь вспомогательный характер. Они функционируют наряду с линейно-динамической структурой, усиливая сигнализацию актуального членения.²⁴

В русском языке к таким вспомогательным средствам выражения актуального членения относятся, например:

а) Т. наз. усилительно-выделительные частицы, которые, кроме своей специфичной усилительно-выделительной функции, помогают сигнализировать ядро.²⁵ Ср., например, [*Бахирев сидел окаменев, засунул сжатые кулаки в карманы и глядел на улицу сосредоточенным, неподвижным взглядом. Массивные плечи его темнели глыбой, и только трубка слабо по-пыхивала в полусвете* (Ник., Б. в. п., 6). Если бы не было частицы *только*, то наверно компонент *трубка* был бы основой. Частица меняет актуальное членение, придавая этому компоненту характер ядра.

б) Употребление и неупотребление личных местоимений в функции подлежащего. Там, где подлежащее выполняет функцию самостоятельного ядра, употребление

²³ О таких промежуточных звеньях говорят в своих работах, например, Данеш, Фирбас, Шмилауэр, и мн. др. Напротив, работы Распопова, Крушельницкой и др. в этом пункте сходятся с нашей.

²⁴ Обзор этих средств дает П. Новак [182]. См. также работу Панфилова [48].

²⁵ Подробно этим вопросом занимается Распопов [59], 146—148. Он делит частицы этого типа на такие, которые стоят обычно при основе (*и, даже* и др.) и такие, которые помогают выделять ядро (*только, лишь* и др.). См. также А. Mirowicz, *O partykulach, ich zakresie i funkcji*, Biuletyn PTJ VIII, Kraków 1948, 134—148.

местоимения совершенно необходимо, ср. *Завтра поеду в Москву* "я. Там, где субъект выполняет функцию первой основы, местоимение также обычно употребляется, например: *Я поеду завтра в Москву*. Но там, где субъект был бы только второй или третьей основой, он словесно выражается менее часто (хотя, конечно, это вполне возможно): *Завтра поеду в Москву* и *Завтра я поеду в Москву*. Редко субъект имеет словесное выражение, если он относится к основе, стоящей после интонационно выделенного ядра: *Завтра поеду в Москву* и т. п.²⁶

в) Употребление и неупотребление слова *есть* (в значении наличия). Глагол *быть* в значении наличия имеет две формы настоящего времени, форму *есть* и нулевую форму. Выбор той или другой формы бесспорно связан с актуальным членением. Ср. следующие предложения (для наглядности приведем те же предложения в прошедшем времени и их схему): *В холодильнике было пиво*, $Cd^a - (V + S)^{a0}$; *В холодильнике есть пиво*; *В холодильнике было пиво*, $(Cd + V)^a - S^{a0}$; *В холодильнике пиво*; *В холодильнике пиво было*, $Cd^a S^b - V^{a0}$; *В холодильнике пиво есть*; *Пиво было в холодильнике*, $(S + V)^a - Cd^{a0}$; *Пиво в холодильнике*. Аналогично употребляются и отрицательные варианты *нет* и *не* в отрицательных предложениях.²⁷

г) В тесной связи с актуальным членением бесспорно находится вообще употребление т. наз. общего и частичного отрицания, например, *Я не поеду в Москву* || *Я поеду не в Москву* и т. п. В общих чертах тут дело обстоит так, что общее отрицание употребляется в тех случаях, когда ядро содержит глагол — или один или в сочетании с другими компонентами (как комплексное ядро).

д) Опосредствованно, через категорию индивидуализованности (конкретности, определенности — см. ниже, стр. 36—39), в тесной связи с актуальным членением находится также употребление местоимений. Например, личные местоимения и существительные с указательными местоимениями бывают или основой или самостоятельным ядром, но, как правило, не входят в состав комплексного ядра. Подробнее об этом см. ниже, в разделе о категории индивидуализованности.

В других языках мы находим другие вспомогательные средства выражения актуального членения. Сюда относится, например, использование пассива в английском языке,²⁸ разные перифрастические обороты типа „*c'est M. XY qui ...*“, „*that's Mr. XY who ...*“, и т. п. во французском и в английском языках²⁹, артикли в немецком, английском, французском, болгарском и других языках,³⁰ удвоение дополнений в балканских языках и в испанском,³¹ во многих неиндоевропейских языках даже специальные аффиксы у существительных и глаголов³² и пр.

²⁶ Подробнее см. работу автора *Pronominální podmět a významová výstavba věty v ruštině a v češtině*, Bulletin VŠR JL III, Praha 1959, 23—39, где находится и библиография вопроса.

²⁷ Подробнее см. работу автора *K ekvivalentům sloves býti a míti v ruštině*, Rusko-české studie, Praha 1960, 191—213.

²⁸ См. работу Матезиуса [177] и работу Пассека [49].

²⁹ Ср., например, статью Ильиша [21], переводы русских предложений на английский язык в работе Эбелинга [130] и др.

³⁰ Ср., например, работы Фирбаса [134—136], Иванчева [20], О. И. Москальской (*Артикли в немецком языке*, Иностр. яз. в шк., 1956, № 5, 22) и др.

³¹ См. работу Иванчева [20], далее статью П. Новака *K zdvojení předmětu v albánštině*, Sborník slavistických prací věnovaných mezinárodnímu sjezdu slavistů v Moskvě, Praha 1958, 27—32 и работу Хэтчер [153] вторую часть.

³² Новак в указ. работе приводит японский суффикс *-ва*, сигнализирующий функцию основы; примеры из юкагирского языка приводит А. С. Мельничук в своей диссертации *Понятие предложения в советском языкознании*, Киев 1952 и Е. А. Крейнович в работе *Система морфологического выражения логического ударения в юкагирском языке*, Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, № 7; примеры из нивхского языка приводит В. З. Панфилов [48] на стр. 16—19.

3.4. Классификация предложений по типу актуальной информации

Выше мы определили понятие актуальной информации как тот аспект вещественной информации (т. е. констатации какого-то расчлененного факта объективной действительности), который говорящий намеревается сообщить собеседнику, поскольку он предполагает, что этот аспект собеседнику пока неизвестен.

Актуальная информация в разных предложениях может иметь разный характер. В некоторых случаях она охватывает всю вещественную информацию или большую часть ее, в других случаях она сосредоточивается лишь на одном узком аспекте вещественной информации. В ином плане, в некоторых случаях актуальная информация имеет характер нового сообщения, а в некоторых — характер реакции на мнение, предположение или сомнение собеседника. В связи с этим все предложения можно разделить на четыре большие группы:

1. Обще-информативные предложения:

Говорящий предполагает у собеседника незнание вещественной информации в целом, поэтому он видит необходимость передать вещественную информацию как целое. Ввиду этого в обще-информативных предложениях актуальная информация фактически совпадает с вещественной информацией. (Незнание вещественной информации нужно понимать как незнание факта, а не как незнание отдельных субстантивных или адverbиальных компонентов. Незнание касается включения этих компонентов в данный факт организующей силой глагола. Субстантивные элементы, как таковые, могут быть собеседнику заранее известны, они даже обычно бывают, хотя бы отчасти, известны, неизвестно только то, что они вступают в данный процесс или отношение.) Вследствие этого в обще-информативных предложениях глагол всегда находится в ядре (или один или в составе комплексного ядра), причем как единство своего лексического и модального значения.

Обще-информативными предложениями, следовательно, констатируется тот или иной факт объективной действительности как целое, без акцентирования какого-либо его аспекта. Из всех предложений они менее всех обусловлены окружающим контекстом, легче всех поддаются изоляции. Простотой и нейтральностью своей констатации они напоминают картину или кадр из фильма. Ср., например:

Тимоша улыбнулся (Акс., К., 70); Хлопнула дверь (Ник., Б. в. п., 57); Юноша остановил станок (там же, 41); Возле одного из бараков машина остановилась (Акс., К., 68); В это время раздался звонок на урок (Тендр., З. б. д., 222); Телегин заложил руки за спину (А. Толстой, С., 86); В серой рассветной мари двигались к Дону бычачьи подводы (Шол., Т. Д., 320) и т. п.

Хорошим примером обще-информативных предложений могут послужить авторские ремарки в пьесах. Ср., например:

Марина исчезла за окном. Лапшин пошел было к двери, но в это время из комнаты вышел Геннадий (Роз., В. п. р., 67); Входит Анастасья Ефремовна. Андрей инстинктивно отскакивает от чемодана (Роз., В. д. п., 303); Галя вдруг порывисто и крепко целует Андрея (там же, 289) и т. п.

2. Частно-информативные предложения:

Говорящий предполагает у собеседника частичное знание вещественной информации (или считает эту часть вещественной информации само собой разумеющейся) и неосведомленность собеседника только о каком-то частном аспекте вещественной информации; поэтому он считает необходимым сообщить собеседнику именно этот частный аспект и тем самым заполнить этот пробел в осведомленности собеседника. Ввиду этого в частно-информативных предложениях актуальная информация представляет собой один частный аспект информации вещественной.

Частичное знание вещественной информации предполагает, конечно, и знание (или очевидность, ожидаемость) глагола, т. к. без организующей силы глагола вообще нет никакой вещественной информации, даже частичной. Поэтому в частно-информативных предложениях глагол всегда входит в основу, а ядром (т. е. тем элементом, который до сих пор не включен в данный факт) является тот или иной компонент неглагольный, т. е. субстантивный, адвербиальный или адъективный.³³

Частно-информативные предложения, следовательно, уточняют в определенном частном аспекте в основном известный заранее факт. Они предполагают довольно определенную конситуацию (из которой вытекает частичная осведомленность о факте), в изоляции они обычно производят впечатление некоторой вырванности из контекста. Ср.:

Беда разразилась в конце дня (Ник., Б. в. п., 65); Любовь нашла Мишку на берегу Волги (Кон., И., 10); Трактор приведет Федя Кочкин и Сережа Скворцов (Тендр., 3. б. д., 274); Клим слушал эти речи внимательно (Горьк., К. С. I, 59); Я четыре года носил эту штуку (Бон., Т., 48); "Я за тебя волнуюсь! (Роз., В д. ч., 294) и т. п.

3. Обще-верификативные предложения:

В обоих предыдущих случаях говорящий не предполагал, что у собеседника есть какой-то свой взгляд на актуальную информацию, которую он хочет ему передать, какое-то свое мнение о событии, на которое нужно реагировать, он просто считал, что актуальная информация для собеседника нечто совершенно новое.

Однако процесс коммуникации предполагает и такие предложения, актуальная информация которых представляет собой не новое сообщение, а реакцию на мнение собеседника, верификацию или коррекцию этого мнения.³⁴ Назовем такие предложения верификативными. Если в предложении устанавливается реальность или нереальность целого предполагаемого факта, будем говорить о предложении обще-верификативном.

³³ Единственное исключение представляют, пожалуй, предложения типа *Завтра я в Москву полечу* (т. е. именно *полечу*, а не *поеду поездом*), где предполагается общая известность факта, но не точный характер действия. Такие предложения, однако, очень редки.

³⁴ Боулинджер [115] и вслед за ним Фирбас такие предложения называют предложениями „второй инстанции“.

Верификативный характер констатируем чаще всего в двух случаях:

а) Говорящий предполагает, что собеседник сомневается в реальности какого-то факта, а поэтому подчеркивает его реальность, его положительную модальность;

б) Говорящий предполагает, что у собеседника противоположное мнение о реальности какого-то факта, чем у него, и поэтому противопоставляет этому мнению предложение с противоположной модальностью.

Поскольку самым частым, очевидно, является такое положение вещей, что собеседник допускает какой-то факт, а говорящий отрицает его, большинство верификативных предложений содержит отрицание (обще-верификативные — т. наз. общее отрицание).

Ядром обще-верификативных предложений является всегда один глагол, причем фактически не глагол как единство лексического и модального значения, а только его модальность — положительная или отрицательная. Ср., например:

Игорь не погиб (Пан., С., 187); Кровать она мне добыла (Пан., С. р., 490); Вы мне этого пока не доказали (Тендр., З. б. д., 222); Но я не сд^ал документы (Бон., Т., 100); Но она спрашивать не стала (Грек., Д. М., 116) и т. п.

4. Частно-верификативные предложения:

Это такие предложения, где говорящий устанавливает не реальность факта в целом, а лишь реальность какого-то его аспекта. Ср., например:

Ну, я думаю, коллектив не за одни семейные доброд^етели ценит инженеров! (Ник., Б. в. п., 458); Не одни зл^ые люди ночью гуляют (Шол., П. ц., II, 14) и т. п.

По своим актуально-синтаксическим схемам частно-верификативные предложения полностью совпадают с частно-информативными. Поэтому при конкретном анализе типов предложений мы будем рассматривать оба названных типа вместе.

Взаимоотношения между названными четырьмя типами предложений по характеру актуальной информации можно изобразить в виде следующей таблицы:

	Факт в целом	Частный аспект факта
новые сообщения	обще-информативные	частно-информативные
реакции на предположение собеседника	обще-верификативные	частно-верификативные

бывает целая шкала промежуточных случаев. Однако такое положение вещей наблюдается в языке почти всегда между отдельными смежными категориями, что никак не снижает значение классификаций.

Вышеприведенное деление предложений находится в соответствии с классификацией вопросов. В грамматиках вопросы обычно делятся на два типа: общие (*zjštoovací*) с помощью которых спрашивают, произошло или произойдет что-либо или нет, например: *Ты пойдешь в театр? Будет завтра собрание?* и т. п., и частичные (*dopřiovací*), которыми уточняют какой-то факт, например: *Когда ты пойдешь в театр? Где будет это собрание? Кто принес эту книгу?* и т. д. Общие вопросы соответствуют нашим предложениям обще-верификативным, а частичные — частно-информативным. Но при такой классификации отсутствуют вопросы, соответствующие нашим предложениям обще-информативным и частно-верификативным. Этот пробел восполняет Балли,³⁵ который разделяет вопросы на четыре категории, параллельные выдвинутым нами категориям повествовательных предложений. Балли делит вопросы на а) частичные диктальные, например, *Кто вышел?* (соответствуют нашим частно-информативным предложениям), б) полные диктальные, например, *Что случилось?* (соответствуют нашим обще-информативным предложениям), в) полные модальные, например, *Павел здесь?* (соответствуют нашим обще-верификативным и г) частичные модальные, например, *Ты ли сделал это?* (соответствуют нашим частно-верификативным предложениям).

Классификацию предложений по актуальному членению дают в своих работах также Хэтчер и Располов. Хэтчер [144] взяла за основу для своей классификации то, какие компоненты данного предложения содержатся уже в вопросе, при помощи которого мы можем спрашивать о содержании данного предложения (т. наз. *underlying questions*). Она анализирует предложения, состоящие из трех компонентов — субъекта (S), объекта (O) и самого действия (V).

Автор устанавливает семь основных типов:

1. В вопросе не содержится ни один из компонентов — новыми являются все три компонента

2. В вопросе содержится S — новые V и O

3. В вопросе содержится O — новые V и S

4. В вопросе содержится V — новые S и O

5. В вопросе содержится S и O — ново V

6. В вопросе содержится S и V — ново O

7. В вопросе содержится V и O — ново S

Кроме этого существуют предложения, в которых все названные компоненты даны, а новую информацию приносит обстоятельство (т. наз. *adverbial variants*), и предложения, информирующие о том, соответствует ли что-то правде или нет (т. наз. *whether-or-not variants*). Хэтчер считает, что каждый из семи основных типов может иметь и свой a-variant и свой w-h-variant, так что окончательное число вариантов доходит до 42.

Между классификацией Хэтчер и нашей классификацией можно провести некоторые параллели: 1-ый, 2-ой, 3-ий и 5-ый тип Хэтчер — обще-информативные предложения; 6-ой и 7-ой типы и часть адвербиальных вариантов — частно-информативные предложения; т. наз. *whether-or-not variants* — обще-верификативные предложения.

³⁵ Ш. Балли, *Общая лингвистика и вопросы французского языка*, Москва 1955, 47—48.

Распопов [59—60] приводит шесть основных типов предложений по актуальному членению (т. наз. коммуникативно-синтаксических типов): 1. тип нерасчлененный, без основы, например, *Приближалась осень, Ласково веет навстречу ветер* и т. п., 2. тип, где основа является лишь описанием ситуации или условий, при которых происходит действие, например, *За окном / было холодно и мутно, На другой день утром рано / приехал Казбич* и т. п., 3. тип, где в основе называется какая-либо субстанция, на которой сосредоточивается внимание говорящего и собеседника, а ядро содержит какое-то высказывание об этой субстанции, например, *Грушицкий / целый вечер преследовал князюку, Больного / обступили доктора, княжны и слуги* и т. п., 4. тип, где в основе имеются два элемента: определение ситуации и предмет мысли, например, *После чаю дедушка / лег спать, На заре Гришку / разбудили удары грома* и т. п., 5. тип, где основа содержит какой-то факт, а ядро в определенном отношении уточняет этот факт, например: *Лиза ждала его / целый день; [Было решено:] Павел едет / завтра; Место для лагеря выбрал / Петр Петрович* и т. п., 6. тип, где в основе называется несколько субстанций, по крайней мере две, которые находятся в каком-то отношении, а ядро конкретно определяет это отношение, например, *Пондалевский / поб'авался / Рудина; Сначала мать / не тр'огали / эти звуки* и т. п.

И между классификацией Распопова и нашей имеются явные параллели. Так, например, полностью совпадают 5-ый тип Распопова и наши частно-информативные предложения. Другие типы Распопова относятся к разным подтипам наших обще-информативных. Типа, отвечающего нашим обще-верификативным, Распопов не выделяет.

4. ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРОЙ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И АКТУАЛЬНЫМ ЧЛЕНЕНИЕМ

Актуальное членение представляет собой некоторую надстройку над синтаксической структурой и лексическим наполнением предложения, находясь с ними в постоянных взаимоотношениях.³⁶ Отношения эти можно условно разделить на отношения актуального членения к синтаксической структуре, к лексическому наполнению и к степени индивидуализованности отдельных компонентов.

4.1. Отношения между синтаксической структурой предложения и актуальным членением

Это отношение можно исследовать по двум линиям: а) устанавливать, какие синтаксические члены принимают те или иные функции актуального членения и насколько эти функции типичны для данных синтаксических членов (это в значительной степени отношение статистическое), б) устанавливать, какое актуальное членение и, следовательно, линейно-динамическая структура, для данной синтаксической структуры является самой обычной (нейтральной, немаркированной), другими словами, при каком линейно-динамическом оформлении на-

³⁶ О характере этих взаимоотношений см. названные работы Распопова [59, 60], Миrowsича [179], Докулила - Данеша [126] и Матезиуса [177], далее статью Гавранска [155].

ступает максимальное устранение напряжения между синтаксической структурой и актуальным членением.³⁷

Отдельные члены синтаксической структуры в конкретных предложениях принимают на себя разные функции актуального членения или самостоятельно или объединяясь в комплексные единицы с другими членами. При этом некоторые функции актуального членения для тех или иных синтаксических членов более типичны, другие менее типичны, а некоторые совсем нетипичны.

Так, например, компонент **S** (подлежащее) может самостоятельно фигурировать как основа, причем или как первая основа, например: *Толпа хлынула во двор* (Ник., Б. в. п., 12), или вторая основа, например: *Последние два года комнаты пустовали* (Акс., К., 34), может объединяться с **V** в комплексную основу, например, *Уснул Григорий перед светом* (Шол., Т. Д., 225) или в комплексное ядро, например: *В темной комнате тикали часы* (А. Толст., С., 45), может быть самостоятельным ядром в частно-информативных предложениях, например, *Место для лагеря выбрал Петр Петрович* (Федин, з. п.) или, наконец, может быть интраядерной основой в составе комплексного ядра, например: *При Петре Первом похвалялись бояре бородами* (Ник., Б. в. п., 91). Использование компонента **S** в разных функциях актуального членения, следовательно, очень разнообразно. Во всех приведенных функциях подлежащее встречается довольно часто, однако, самой типичной функцией для него является, конечно, функция первой основы.

Компонент **Со** (объектное дополнение) может быть или самостоятельной основой, примарной, например: *Постель Захарыча комендантша унесла* (Кузн., П. л., 197) или секундарной, например: *Рабочие фрезе не приняли* (Ник., Б. в. п., 423), может объединяться с **V** в комплексную основу, например: *Дверь открыл Касаткин* (Каз., Д. н. п., 686) или в комплексное ядро, например: *Вера подняла воротник* (Гран., П. с., 9) и может быть интраядерной основой, например: *Анна схватила девочек за руки* (Ник., Б. в. п., 52); самостоятельным ядром компонент **Со** бывает редко, только при сильной индивидуализованности в частно-информативных предложениях, например: *Он выбрал Лену* (Пан., С., 125) или в предложениях частно-верификативных. Самой типичной из всех этих функций для **Со** является функция составной части комплексного ядра.

Так же ведет себя и компонент **Cd** (обстоятельственное дополнение).

Компонент **D** (обстоятельство) может фигурировать как самостоятельная примарная основа, например: *За этим шкафом Тоня утром одевалась* (Гран., П. с., 6, 1), секундарная основа, например: *Бессонов целыми днями валялся у моря* (А. Толст., С., 108) или терциарная, например, компонент

³⁷ Подробно этот вопрос разрабатывает Мирович [179], который говорит о „нейтральной модуляции“, вытекающей из „нейтральной конситуации“ (стр. 66—67) и Ф. Данеш в своей монографии о чешской интонации [123], который различает „нормальную форму высказывания“ и „актуализованную форму высказывания“. См. также работу Уорта [89] и работу автора [106].

утром в первом примере; он может быть интраядерной основой, например: *Григорий с Митькой дождались у моста хуторных ребят* (Шол., Т. Д., 166) или, наконец, самостоятельным ядром в частно-информативных или частно-верификативных предложениях, например: *Любовь нашла Мишку на берегу Волги* (Кон., И., 10). Объединяться в комплексную основу или в комплексное ядро компонент D не может. Самыми типичными для него являются, очевидно, функции основы и самостоятельного ядра.

Компонент Q (качественная характеристика) может объединяться с глаголом в комплексную единицу, образуя вместе с ним один компонент примарного порядка слов и не выполняя собственной функции актуального членения, например: *Зеленин задумчиво засвистел* (Акс., К., 11), *Тонко звучала скрипка* (Ник., Б. в. п., 10) и т. п. или может быть самостоятельным ядром, например: *Беглецы сидели молча* (А. Толст., С, 211).

Аналогично ведет себя и компонент A (определение), который в подавляющем большинстве случаев не имеет никакой функции актуального членения, образуя вместе с существительным один компонент порядка слов предложения. Лишь в очень редких случаях компонент A может получить самостоятельную функцию актуального членения, а именно, функцию самостоятельного ядра в частно-информативном предложении, например: *Да, за таким столом и мысли в голову должны приходить благородные* (Роз., В. п. р., 29).

Компонент V (глагол) бывает прежде всего самостоятельным ядром в предложениях обще-информативных, например: *Вера улыбается* (Акс., К., 8) и обще-верификативных, например: *Кровать она мне добыла* (Пан., С. р., 490), или составной частью комплексного ядра и, реже, комплексной основы (примеры см. выше). Самостоятельной основой V бывает редко, например: *Встал Степан Артемович* (Тендр., 3. б. д., 207).

Аналогично ведет себя и компонент P (предикативное имя), если он стоит при нулевой связке, или если он предварительно объединяется со связочным глаголом в одну комплексную единицу (V + P), функционально эквивалентную простому V. В таком случае он, как и V, может быть составной частью комплексного ядра, например: *Бульвар был полон студентами всех курсов* (Бон., Т., 175), составной частью комплексной основы, например: [Нам не нужна оригинальность.] *Нам нужен результат!* (Тендр., Ч., 97), самостоятельным ядром, например: *Карпов сегодня мрачен* (Акс., К., 7), или же, редко, и самостоятельной основой, например: *Интересен подсчет брака в тоннаже за месяц* (Ник., Б. в. п., 96).

Иначе обстоит дело в тех случаях, где P стоит в сочетании с несвязочным глаголом, или в тех случаях, где предварительное объединение со связочным глаголом разбивается. В таких случаях P может быть и самостоятельной основой, стоящей наряду с другими основами, например: *Раздраженным этот человек никогда не бывает*, и самостоятельным ядром в частно-информативных предложениях (это обычно уже компонент Pa — предикативный атрибут, doplněk), например: *Автобусы шли на Озерную переполненные*. (Гран., И. н. г., 108) и т. п.

32 Инфинитив, стоящий при чисто модальных и чисто фазисных глаголах, о-

бразует фактически один синтаксический член, выполняющий те же функции актуального членения, что и простое V. Иногда, в обще-верификативных предложениях, этот синтаксический член все же разделяется на две половины, причем инфинитивная часть попадает в основу, тогда как спрягаемая часть — в ядро. Ср., например, *В этом отказать Петр не может* (Тендр., 3. б. д., 228) и т. п. В других же случаях инфинитив фактически является своего рода заместителем субстантивных компонентов и может, следовательно, выполнять те же функции актуального членения, что и S, Co и Cd.

Поскольку синтаксический характер отдельных членов предложения, наряду с их лексическим наполнением и степенью индивидуализованности, оказывает определенное влияние на возможность образования комплексных компонентов актуального членения, синтаксическая структура, таким образом, до некоторой степени предопределяет (или ограничивает) возможности актуального членения. Однако при этом большую роль играет также лексическое наполнение; об этом см. ниже.

Как уже было сказано выше, каждая синтаксическая структура, при определенном лексическом наполнении, имеет одно актуальное членение, которое для этой структуры является наиболее нейтральным. Так, например, синтаксической структуре, состоящей из членов V, S, Co, соответствует в большинстве случаев наиболее нейтральное актуальное членение, которое можно изобразить схемой $S^a - (V + Co)^o$, например, *Сергей поднял воротник* (Бон., Т., 45), *Виктор покачал головой* (Пан., С., 60) и т. п. Напротив, синтаксическая структура, состоящая из членов V, S, D производит максимально нейтральное впечатление при другом актуальном членении, а именно при членении $S^a D^b - V^o$ или $D^a S^b - V^o$, например: *Балки и шланги при их приближении адели* (Ник., Б. в. п., 77), *В тот год зима запоздала* (Горьк., К. С. I, 81) и т. п. Однако, поскольку картину может коренным образом менять лексическое наполнение и степень индивидуализованности компонентов, все положения о взаимных отношениях синтаксической структуры и максимально нейтрального актуального членения (т. е. и максимально нейтрального порядка слов) должны учитывать и эти факторы.

4.2. Отношения между актуальным членением и лексическим наполнением предложения

Актуальное членение находится в тесной взаимосвязи не только с синтаксической структурой, но также и с лексическим наполнением конкретных предложений.³⁸ Конкретное лексическое наполнение, с одной стороны, тяготеет к определенному актуальному членению, с большей или меньшей вероятностью предопределяет его, с другой стороны, конкретное актуальное членение,

³⁸ Этому отношению большое внимание уделяется в работе Ахмановой - Микаэлян [6], 61—64 и 123—140. См. также [105].

в свою очередь, в известной степени оттеняет лексическое значение отдельных лексических единиц.

Наглядно это можно показать, например, на лексическом значении глагола. Общеизвестно, что глаголы определенного семантического класса (со значением наличия, проявления, появления и т. п.) гораздо чаще встречаются в препозиции по отношению к подлежащему, чем другие глаголы.³⁹ Ср., например: *Вдали виднелись печи* (Ник., Б. в п., 61); *Возле окна стояла лампа* (там же, 20); *В дверях появился Максимов* (Акс., К., 88); *В коридоре раздался телефонный звонок* (там же, 93); *Во дворе стукнула калитка* (Тендр., З. б. д., 370); *За моей спиной осторожно ходила Валентина Павловна* (там же, 229); *В окно густым клином входил пахучий портовый воздух* (Акс., К., 30) и т. п. Дело здесь, конечно, не в простой препозиции глагола по отношению к подлежащему, а в том, что данные глаголы чаще других появляются в актуально-синтаксических типах с комплексным ядром (V + S)^ω.

Как мы уже сказали, отношение лексической структуры и актуального членения можно рассматривать и в обратном порядке, т. е. исследовать, как конкретное актуальное членение оттеняет лексическое значение компонентов, в нашем случае глагола. Тот же глагол, употребляемый в предложениях с комплексным ядром (V + S)^ω, имеет оттенок наличия, присутствия, проявления, нахождения или „появления на сцене“, тогда как употребляемый в других предложениях, где не объединяется с подлежащим в комплексное ядро, имеет оттенок действия, процесса.⁴⁰ Ср., например: *Заиграл оркестр* (Ник., Б. в п., 36) — (V + S)^ω, оттенок проявления || *Оркестр заиграл* — S^z — V^ω, оттенок действия; аналогично: *В кухне возилась соседская бабушка* (Пан., С., 130) || *Соседская бабушка возилась в кухне*; На другой день к Степану Артемовичу пришла мать Ани (Тендр., З. б. д., 98) || *На другой день мать Ани пришла к Степану Артемовичу*; *И в этом пустом, безжизненном городе с утомленно горящими бледными фонарями звонко пели птицы* (Тендр., З. б. д., 295) || *Птицы в этом городе звонко пели* и т. п.

Интересный случай оттенения и изменения лексического значения приводит Ахманова и Микаэлян ([6], стр. 131—135). Качественные характеристики (Q), как мы уже показали, могут или вместе с глаголом образовать комплексную единицу атрибутивного характера (когда они стоят в контактном положении перед ним), или могут быть самостоятельным ядром, ср., например: *Он весело пел* || *Он пел весело* и т. п. Ахманова и Микаэлян показывают, что в первом

³⁹ Ср., например, Грамматика русского языка АН СССР II 1, 666; А. Н. Гвоздев, *Современный русский литературный язык I*, Москва 1958; В. Т. Коломиец [28]; Я. Фирбас (во многих своих раб.) говорит о глаголах „появления на сцене“; очень интересна в этом отношении работа Хэтчер [153], 1-ая глава.

⁴⁰ Очень удачно это формулирует Эбелинг [130], 20: „... in all these sentences the verbs appear with a special semantic variant: “idti” does not simply mean here “to go”, but rather “to be present, while going.” В подобном смысле высказывается и Рогова [68], 11: „Здесь встречаются глаголы действия и состояния, но благодаря контекстуальному окружению в них в первую очередь проявляется присущее вообще всем глаголам значение бытия, пребывания.“

случае некоторые наречия (например, *мягко, легко* и др.) могут получать оттенок количественный, которого в других случаях не бывает, ср. *Он легко вздохнул* (= слабо, незаметно) || *Он вздохнул легко, полной грудью* (= без затруднений, без препятствий). Очевидно, еще более значительным является приводимый также ими факт, что некоторые наречия в препозитивном контактном положении становятся частицами (или получастицами), например, *просто, положительно, решительно* и т. п., ср. *Он просто жил* || *Он жил просто* и т. п. Однако это можно объяснить и так, что *просто*₁ и *просто*₂ — омонимы, один из которых (частица) употребляется только в контактном препозитивном положении перед глаголом (и не только перед глаголом, ср. *Он просто дурак*).

Лексическое наполнение остальных компонентов нужно рассматривать в отношении к семантике глагола. Главную роль здесь играет то, позволяет ли взаимоотношение семантики данного компонента с семантикой глагола образование комплексной единицы или нет. Так, например, различие между обстоятельственным дополнением Cd, способным сочетаться с глаголом в комплексное ядро, и обстоятельством, лишенным такой способности, дано часто именно взаимоотношением между семантикой глагола и существительного. Одно и то же слово может в сочетании с одним глаголом быть обстоятельственным дополнением (Cd), в сочетании с другим глаголом — чистым обстоятельством (D); все зависит от того, есть между ними семантическая взаимосвязанность и отношение предикции или нет. Это различие затем влечет за собой последствия для актуального членения данных предложений. Так, например, в предложении типа $(S + V)^a - x^o$ на месте *x* гораздо более вероятно наличие компонента D, чем Cd; и напротив, замена Cd членом D в предложениях типа $S^a - (V + Cd)^o$ была бы совсем невозможна и т. д.

Предопределяющее влияние лексической структуры заходит в некоторых случаях так далеко, что лексическое наполнение прямо определяет то или иное актуальное членение и исключает другие. Так, например, в предложении *Олег Владимирович сосредоточенно накручивает правую бровь* (Тендр., 3. б. д., 204) лексическое наполнение фактически допускает лишь данное актуальное членение. Дело в том, что мы вряд ли нашли бы констатацию и цель сообщения, для которых подходили бы, например, предложения *Правую бровь сосредоточенно накручивает Олег Владимирович*, *Правую бровь Олег Владимирович накручивает сосредоточенно*, *Олег Владимирович правую бровь сосредоточенно накручивает* и т. д. Однако стоит лишь изменить лексическое наполнение компонентов, например, *Олег Владимирович внимательно проверяет Петину работу* — и сразу появляется возможность варьировать актуальное членение всевозможным образом. Ср. *Петину работу внимательно проверяет Олег Владимирович*, *Петину работу Олег Владимирович проверяет внимательно*, *Олег Владимирович Петину работу внимательно проверяет* и т. д.

Случаи, когда лексическое наполнение практически ограничивает возможности актуального членения одним его типом, правда, не очень многочисленны, но с другой стороны, и не единичны. Ср. несколько примеров:

На этом лугу росли мириады фиалок (Кузн., П. л., 134); Под глазами учителя набухли синеватые опухоли (Горьк., К. С. I, 49); Крупное и мягкое лицо Дмитрия обросло светлой бородкой (там же, 193); Лицо его напоминало икону святого (там же, 26); Доктор разлился радостным смехом (Пант., С., 56); Василий Васильевич усиленно зашевелил ушами (Ник., Б. в п., 90); Ваварка упрямо промывал какое-то тяжкое и незнакомое слово (Горьк., К. С. I, 96); В лесу гулко хлопнул выстрел (А. Толст., С., 148) и т. п.

Ограничение одной единственной возможностью актуального членения мы встречаем не очень часто. В большинстве случаев, однако, лексико-семантическая структура предложения допускает лишь некоторые типы актуального членения, а другие с большей или меньшей вероятностью (resp. категоричностью) исключает. Случаи, когда практически возможны все теоретически представимые типы актуального членения, особенно у многокомпонентных предложений, довольно редки. Все это уже выходит за рамки области языка, подчиняясь закономерностям внеязыковой действительности.

4.3. Отношения между актуальным членением и индивидуализованностью компонентов предложения

Актуальное членение бесспорно находится в теснейшей связи с индивидуализованностью (конкретностью, определенностью) компонентов данного предложения.

Поскольку в русском языке нет специализированного средства выражения, определенности, артиклей, как это имеет место во многих других языках⁴¹, эта категория выражается различными другими средствами, прежде всего местоимениями (указательными, притяжательными, определительными, неопределенными), далее, некоторыми частицами (например, постпозитивной частицей *-то* у существительных), и даже таким, казалось бы, отдаленным, средством, как употребление родительного падежа вместо винительного (ср., например, *Молоко я не допил* || *Молока я не пью* и т. п.) и пр. Определенная степень индивидуализованности бывает иногда автоматически присуща некоторым разрядам синтаксических существительных, например, собственным именам, личным местоимениям и пр.

Учитывая все это, можно у каждого компонента конкретного предложения определить степень индивидуализованности (определенности, конкретности, единичности). Высокую степень индивидуализованности имеют, например, собственные имена, существительные, определенные указательными местоимениями, личные местоимения и др.

Степень индивидуализованности имеет большое значение для актуального членения. Дело в том, что субстантивные компоненты с высокой степенью индивидуализованности гораздо менее часто объединяются с глаголами в комплексное ядро, чем существительные с низкой степенью индивидуализованности. Наиболее характерной для компонентов сильно определенных является функция основы или же функция самостоятель-

⁴¹ Об отношении артиклей к актуальному членению см., например, работы Фирбаса [134—136], Ильиша [21], Иванчева [20], Крушельницкой, *Смысловая функция артикля в современном немецком языке*, Труды военного ин-та иностр. языков, № 7, Москва 1955, 38—52, О. И. Москальской, *Грамматика немецкого языка*, Москва 1956, 113—153 и той же Артикль в немецком языке, Иностранные языки в школе, 1956, № 5, 22.

ного ядра в частно-информативных (или частно-верификативных) типах предложений.

Однако нельзя забывать, что и здесь перед нами отношение двустороннее, в том смысле, что определенная степень индивидуализованности отдельных компонентов тяготеет к определенному актуальному членению, и наоборот, определенное актуальное членение повышает или понижает степень индивидуализованности отдельных компонентов.

Компоненты с максимальной степенью индивидуализованности, например, собственные имена, личные местоимения, существительные с указательными местоимениями и т. п., чаще всего стоят в основе. Ср., например:

а) *Бахирев* взглянул на фрезу (Ник., Б. в п., 41); *Данилов* поднял голову (Пан., С., 20); *Шатрова Вальган* потихоньку отстранил (Ник., Б. а. п., 631); Главный инженер понравился *Зеленину* (Акс., К., 69) и т. п.

б) *Она* подняла голову (Ник., Б. в п., 78); *Я вас* отпущу (там же, 47); *Я тебе о нем* рассказывал (Бон., Т., 45); *Я не взял его* (Ник., Б. в п., 16) и т. п.

в) *Эти гудки* рвут сердце (Пан., С., 161); *Я этот разговор* забыл (Ник., Б. в п., 47); На *этом лугу* росли мириады фиалок (Кузн., П. л., 134); Игорь обожал *эту девочку* (Пан., С., 62) и т. п.

Мы видим, что функция основы у этих компонентов вполне очевидна даже в том случае, если они стоят не на обычном для основы месте. Это и является причиной того, что каждый автоматически прочитает даже изолированные предложения типа *Главный инженер понравился Зеленину, Я не взял его, Игорь обожал эту девочку* скорее всего с фразовым ударением на глаголе, выражая этим тематическую функцию этих индивидуализованных компонентов, поскольку это для данных предложений самый частый и самый естественный тип актуального членения.

Сильно индивидуализованные компоненты, однако, могут стоять и в ядре. В таком случае они бывают чаще всего самостоятельным ядром в предложениях частно-информативных и гораздо менее часто они становятся составной частью комплексного ядра в предложениях обще-информативных (у мало индивидуализованных компонентов дело обстоит как раз наоборот, т. е. обычно они объединяются с глаголом в комплексное ядро и лишь изредка представляют собой самостоятельное специфицирующее ядро). Ср.:

а) В частно-информативных предложениях с ядром-подлежащим:

[Я считаю, что] победил *Кочкин* (Тендр., З. б. д., 220); [кто-нибудь будет еще говорить? ...] Встал *представитель партийного бюро доктор Дампфер* (Акс., К., 178); [Тамара Константиновна все еще находилась в декретном отпуске.] школой управлял *Олег Владимирович* (Тендр., З. б. д., 277); [Мне магнитка не подчиняется.] Мне подчиняетесь *вы* (Ник., Б. в п., 31); [Ты отправил Василенко в штрафную.] А в штрафную должен был идти *ты* (Бон., Т., 38) и т. п.

б) В частно-информативных и частно-верификативных предложениях с ядром-дополнением:

[Сквозь плетень Макару было видно, как на крыльце показалась темная женская фигура, закутанная в темный платок.] Макар узнал *Лушку* (Шол., П. ц. II, 82); Он выбрал *Лену* (Пан., С., 125); [У тебя тут гость был. — Кто? Не Анатолий ли Акиндинович? — Нет ...]

Он приходил ко мне (Тендр., 3. б. д., 384); Ведь Илья прискал к нему! (Пан., С. р., 561) и т. п.

Вообще говоря, чем более индивидуализованным, более определенным является тот или иной компонент, тем менее он способен объединяться с глаголом в комплексное ядро, и следовательно, появляться в обще-информативных предложениях типа $S^a - (V + C)^o$ и $C/D^a - (V + S)^o$; зато тем более он склонен стать или основой или самостоятельным ядром в предложениях частно-информативных или же частно-верификативных. И наоборот, чем менее индивидуализованный, более общий, тот или иной компонент, тем больше его способность объединяться в комплексное ядро, и следовательно, появляться в вышеупомянутых обще-информативных предложениях. Ср., например, *Они звали гостей* (Ник., Б. в п., 71) и, с другой стороны, *Они звали Владимира, Они звали его, Они звали вот этого товарища; Даша мечтала о будущем* (там же, 61) и, с другой стороны *Даша мечтала о Сергее, Даша мечтала о нем, Даша мечтала о том самом парне, что и Вера; Дед Гришака сидел у окна* (Шол., Т. Д., 123) и *Дед Гришака сидел вон у того окна, Дед Гришака сидел у второго окна справа; В кабине сидела девушка* (Ник., Б. в п., 69) и, с другой стороны *В кабине сидела Ольга Орлова, В кабине сидела она, В кабине сидела та девушка, что я встретил утром в столовой* и т. д. Конечно, здесь можно говорить не о каком-то строгом правиле, а лишь о тенденции. Кроме степени индивидуализованности играют роль и другие факторы, грамматическая структура, лексическое наполнение и пр., и над всеми стоит фактор конситуации и коммуникативного задания (необходимости выразить ту или иную актуальную информацию), который в последней инстанции определяет тип актуального членения данного предложения.

Взаимоотношение между актуальным членением и степенями индивидуализованности действует и в обратном направлении, т. е. определенная функция актуального членения повышает или понижает степень индивидуализованности того или иного компонента. Если, например, определенный компонент принимает функцию основы или самостоятельного ядра, степень индивидуализованности его повышается, и наоборот, если он становится составной частью комплексного ядра, то его степень индивидуализованности понижается. Так, например, компонент *мальчик* бесспорно будет иметь гораздо более высокую степень индивидуализованности в предложении *Мальчик ушел* (основа) или *В этом споре победил мальчик* (самостоятельное ядро в частно-информативном предложении), чем в предложении *В комнату вошел мальчик*, где этот компонент является составной частью комплексного ядра. Ср. еще, несколько подобных примеров, где эксплицитно неиндивидуализованные существительные индивидуализуются, если они стоят в основе, и, наоборот, теряют индивидуализованность, если они стоят в комплексном ядре:

а) В основе (индивидуализованный характер):

38 Горы кончились (Пан., С. р., 468); Юноша улыбнулся (Ник., Б. в п., 41); Доктор просмотрел историю болезни (Пан., С., 139); За этот месяц товарищи от меня отвернулись, любящую жен-

цину я предал (Тендр., З. б. д., 381); Рабочие фрезе не приняли (Ник., В. в. п., 423); Беридзе взволновало письмо⁴² (Аж., Д. о. М., 396) и т. п.

б) В комплексном ядре (неиндивидуализованный, общий характер):

Хлопнула дверь (Ник., Б. в. п., 57); Гудели моторы (там же, 33); Приходили доктора (Пан., С., 120); В мокрых скверах появились нарочки и шумели группы с гитарами (Акс., К., 11); А у вас цветут акации (Пан., С. р., 564); Девушки подносили материал (Пан., С., 93); Он избегал девушек (Ник., Б. в. п., 72); Она не вызывала сомнений (там же, 40); Люди жевали бутерброды (там же, 40) и т. п.

Аналогично тому, как мы это наблюдали у лексического наполнения, степень индивидуализованности компонентов иногда может, с большей или меньшей категоричностью, предопределять тот или иной тип актуального членения и исключать остальные. Так, например, предложение *Вера подняла воротник* (Гран., П. с., 9), где в основе стоит компонент максимально индивидуализованный, тогда как в ядре компонент чисто нарицательный, который вряд ли мог бы индивидуализоваться, практически возможно лишь с приведенным актуальным членением. Трудно найти конситуацию, в которой нужно было бы сообщать, что „Воротник подняла Вера“ или „Воротник Вера подняла“ или „Вера воротник подняла“ (хотя, может быть, последние два предложения более вероятны, чем первое). Аналогична ситуация, например, у предложений *Мать всплеснула руками* (Шол., Т. Д., 210), *Телегин заложил руки за спину* (А. Толст., С., 86), *Максимова разобрала злость* (Акс., К., 13), *Даше представился парк с развесистыми деревьями* (Ник., Б. в. п., 49), *Ему пошел восемнадцатый год* (Пан., С., 149) и т. п. Наоборот, там, где оба субстантивных элемента сильно индивидуализованы, практически возможно лишь такое актуальное членение, где оба субстантивных компонента являются основами, а ядром является глагол. Ср. *Я не взъял его* (Ник., Б. в. п., 16), *Даша потрогала их* (там же, 59), *Старуха не оставляла ее* (там же, 54) и т. п. Во всех приведенных предложениях одновременно влияет как фактор, предопределяющий тип актуального членения, так и лексическое наполнение (в большинстве случаев же лексическое наполнение и степень индивидуализованности в большей или меньшей степени взаимосвязаны, а иногда их вообще трудно отделить друг от друга).

4.4. Взаимоотношения между актуальным членением и другими характеристиками предложения в целом

Из вышесказанного вытекает, что существует явное двустороннее отношение, взаимообусловленность между лексико-синтаксической структурой предложения (мы включаем в это понятие и степень индивидуализованности компонентов этой структуры) и его актуальным членением.

Отношение это можно описать приблизительно следующим образом: актуальное членение того или иного конкретного предложения примарно дано конкретной конситуацией и целью сообщения, иначе говоря, актуальной информацией, которую говорящий стремится передать, т. е. факторами, которые стоят вне самого предложения. Однако одновременно актуальное членение предопределя-

⁴² Интересно, что в чешском языке в таких случаях индивидуализованность выражается более эксплицитно, во многих из приведенных предложений нужно было бы при переводе на чешский язык добавить указательное местоимение.

ется, с большей или меньшей вероятностью, лексико-семантической структурой самого предложения, синтаксическим, лексическим характером компонентов и степенью их индивидуализованности, т. е. факторами, стоящими *внутри* самого предложения.

Это значит, что говорящий выбирает определенный тип актуального членения (а следовательно, и его формальное выражение, то или иное линейно-динамическое оформление) с учетом конкретной конситуации и предполагаемой цели сообщения и с учетом лексико-синтаксической структуры (со степенями индивидуализованности компонентов предполагаемого предложения). С другой стороны, адресат дешифрует тип актуального членения одновременно и на основании услышанной линейно-динамической структуры предложения, и на основании его лексико-синтаксической структуры с определенными степенями индивидуализованности компонентов. При письменной коммуникации сильно возрастает роль последнего аспекта, поскольку обычно отсутствует существенный признак линейно-динамической структуры предложения — фразовое ударение, и читатель часто восстанавливает его место прежде всего на основании лексико-синтаксической структуры и степеней индивидуализованности компонентов предложения.⁴³

Из всего сказанного, следовательно, вытекает, что при анализе конкретных предложений мы можем, с большей или меньшей вероятностью, устанавливать тип их актуального членения, даже не зная конситуации, другими словами, мы способны устанавливать актуальное членение предложений, вырванных из контекста, только на основании их линейно-динамического оформления и лексико-синтаксической структуры со степенями индивидуализованности компонентов. Таким образом, на основании этих данных (рассматриваемых в полной комплексности) мы можем с большей или меньшей вероятностью вторично восстанавливать его конситуацию и коммуникативное задание.⁴⁴

Выше мы уже указывали примеры взаимообусловленности отдельных сторон лексико-синтаксической структуры и актуального членения. Для наглядности приведем еще несколько примеров, где попробуем представить эти взаимоотношения в полной комплексности.

Возьмем, например, два предложения *Я ему напишу письмо* и *Я ему напишу завтра*. Оба эти предложения имеют аналогичную линейно-динамическую структуру, $S - Cd - V - X$. Различие между ними заключается, прежде всего, в синтаксическом характере члена, стоящего на месте X, и в степени семантической взаимообусловленности этого члена и глагола. В первом предложении после глагола стоит объектное дополнение (Co), находящееся в отношении т. наз. сильного управления по отношению к глаголу, между словами *писать* и *письмо* имеется сильная семантическая взаимообусловленность, отношение семантической предикции, компонент *письмо* имеет характер чисто нарицательный, неиндивидуализованный. Этим самым даны все условия для объединения названных компонентов (V и Co) в комплекс-

⁴³ См. по этому поводу некоторые работы Фирбаса, например, [136].

⁴⁴ К подобному выводу приходит и Распопов [59], 33.

ное ядро, и мы, следовательно, имеем все основания предполагать, что такое объединение имеет место в нашем случае и что, следовательно, перед нами предложение обще-информативное со схемой $S^2Cd^{\beta} \rightarrow (V + Co)^{\alpha}$, что актуальная информация заключается в сообщении целого факта как комплекса и что конситуация данного предложения содержала знание двух строго индивидуализованных лиц „я“ и „он“, но не содержала никакого намека на факт, который их будет касаться.

Правда, такая дедукция приводит к выводам, хоть и вероятным, но не абсолютно бесспорным. Дело в том, что в определенной конситуации, хотя и маловероятной, но возможной, могло бы предложение с данным линейно-динамическим оформлением и с данной лексико-синтаксической структурой стать частно-информативным предложением со схемой $(S + C + V)^{\alpha} \rightarrow Co^{\alpha}$. Это имело бы место, например, тогда, если бы заранее речь шла о том, пошлет ли человек А человеку Б *письмо* или *открытку*, или вообще в ситуации, где нужно было бы сообщить, что написано будет именно *письмо*, а не что-нибудь другое. Последним, решающим критерием, следовательно, всегда является конситуация и цель сообщения.

Напротив, во втором предложении членом, стоящим после V, является слово *завтра*, чистое обстоятельство, D, синтаксически автономное, между словами *писать* и *завтра* нет никакой семантической связанности, обусловленности, нет семантической предикции, компонент *завтра* является индивидуализованным (слово *завтра* при любом употреблении обозначает один конкретный день). Таким образом, налицо все препятствия для объединения названных компонентов (V и D) в комплексное ядро, и можно с уверенностью предполагать, что объединения в данном случае нет. Из этого вытекает, что данное предложение имеет схему $(S + Cd + V)^{\alpha} \rightarrow D^{\alpha}$, что в конситуации заранее содержалась большая часть вещественной информации и что актуальная информация заключается лишь в сообщении одного частного аспекта данного факта, что, словом, перед нами предложение частно-информативное.

Или другой пример. Возьмем предложения *Петра охватила скука* и *Это письмо писал Петр*. Эти предложения имеют тождественную синтаксическую и линейно-динамическую структуру, т. е. $Co - V - S$. Однако даже на основании изолированных этих предложений можно с большой степенью вероятности судить о разном их актуальном членении. В первом случае даны все условия для объединения компонентов V (*охватила*) и S (*скука*) в комплексное ядро: порядок слов, при котором V и S могут объединяться, семантическая связанность (отношение предикции), неиндивидуализованность S. В другом же случае таких условий для объединения V и S (кроме порядка) нет; между словами *писать* и *Петр* нет никакой семантической связанности (между тем, как семантическая связанность Co (*письмо*) и V (*писать*) вполне очевидна), компонент *Петр* имеет максимальную степень индивидуализованности. Учитывая все это, можно утверждать, что в первом случае перед нами обще-информативное предложение со схемой $Co^{\alpha} \rightarrow (V + S)^{\alpha}$, а во втором — частно-информативное предложение со схемой $(Co + V)^{\alpha} \rightarrow S^{\alpha}$.

Наконец, приведем в качестве примера еще одну пару предложений: *Брат это письмо разорвал* и *Брат это письмо читал*. Эти предложения имеют тождественную синтаксическую и линейно-динамическую структуру $S - Co - V$ и содержат два лексически тождественных компонента. Тем не менее между ними есть определенное различие, которое можно с большей или меньшей вероятностью вывести из самой лексической структуры каждого предложения. Между элементами *письмо* и *разорвать* имеется лишь очень слабая семантическая связанность и незначительная степень семантической предикции. Это дает возможность понимать актуальную информацию (т. е. сообщение о процессе, в котором участвуют данные компоненты S и O) как новое сообщение. Напротив, семантическая связанность и предикция между компонентами *письмо* и *читать* настолько сильна и очевидна, что простая констатация процесса (как ответ на вопрос *Что делал брат с письмом?*) почти лишена смысла. Остается, следовательно, возможность понимать актуальную информацию данного предложения как реакцию на мнение собеседника, коррекцию, констатацию положительной модальности. Исходя из всех приведенных соображений, можно, следовательно, судить, что первое предложение обще-информативное, а второе — обще-верификативное.

Правда, первое предложение может быть и обще-верификативным (как ответ на вопрос

Разорвал ли брат это письмо?, или реакция на предложение *Брат письмо не разорвал*), хотя это и менее правдоподобно. Зато второе предложение вряд ли могло бы быть информативным.

Правила о взаимоотношениях между актуальным членением и лексико-синтаксической структурой предложений можно использовать еще для другой операции: для каждой лексико-синтаксической структуры с данной индивидуализованностью компонентов можно с их помощью находить самое нейтральное актуальное членение, а следовательно, и самый нейтральный порядок слов.

Многие работы, пытающиеся найти нейтральный порядок слов, исходили исключительно из синтаксической структуры. В последнее время некоторые работы к этому критерию добавили критерий лексического значения.⁴⁵ Недостаточно в этой связи учитывался критерий индивидуализованности.

Оказывается, что самым нейтральным, самым основным для той или иной лексико-синтаксической структуры является такое актуальное членение, при котором все компоненты, которые могут, объединяются в комплексное ядро, а компоненты, у которых нет условий для такого объединения, стоят в основе. Самым нейтральным, обычным, немаркированным будет порядок слов, который соответствует такому актуальному членению при постановке фразового ударения на последнем слове предложения.

Условия для способности объединяться в комплексное ядро мы уже знаем: это, прежде всего, семантическая связанность, взаимообусловленность данного компонента и глагола (высокая степень семантической предикции) и низкая степень индивидуализованности; напротив, не объединяются обычно компоненты, семантически никак не связанные с глаголом, и компоненты с высокой степенью индивидуализованности.

Поэтому, например, набор компонентов *Петр, читает, газету*, связанный соответствующими синтаксическими отношениями, будет иметь нейтральное актуальное членение и нейтральный порядок слов в предложении *Петр читает газету*, $S^2 - (V + Co)^0$, по следующим причинам: компонент *Петр* семантически не связан с глаголом и максимально индивидуализован; он представляет поэтому основу и стоит перед глаголом. Компоненты *читает* и *газету* синтаксически и семантически тесно связаны, между ними имеется высокая степень семантической предикции, компонент *газету* не индивидуализован; эти компоненты поэтому объединяются в комплексное ядро и размещаются в характерном для комплексного ядра порядке $V - Co$.

Набор компонентов *Этот фильм, Петру, понравился* имеет нейтральное актуальное членение в предложениях *Этот фильм Петру понравился*, $S^2 Co^1 - V^0$, или *Петру этот фильм понравился*, $Co^2 S^1 - V^0$, поскольку оба субстантивных элемента в высшей степени индивидуализованы и стоят поэтому перед глаголом, являясь примарной и секундарной основой (взаимное их расположение с этой точки зрения нерелевантно).

Набор компонентов *Шаги, слышались, в коридоре* становится обще-информативным предложением (и, следовательно, имеет максимально нейтральное актуальное членение) в предложении *В коридоре слышались шаги*, $D^2 - (V + S)^0$. Дело в том, что глагол *слышались*

семантически беден и нуждается в пополнении подлежащим, между V и S имеется сильная взаимообусловленность, высокая степень семантической предикции; сочетание *послышались в коридоре*, напротив, случайное, элемент *в коридоре* представляет собой семантически автономное чистое обстоятельство (D). Компонент D поэтому, как основа, стоит перед V, компонент S, объединяясь с глаголом в комплексное ядро, стоит после V.

Набор компонентов *Петр, поедет, в горы, на следующей неделе* может образовать следующие обще-информативные предложения: *На следующей неделе Петр поедет в горы, Петр на следующей неделе поедет в горы, Петр поедет на следующей неделе в горы*. Все эти актуальные членения (и словорасположения) можно считать нейтральными, поскольку порядок основ перед глаголом и на месте интраядерной основы в этом отношении иррелевантен.

5. ОСОБЕННОСТИ СЛОВОПОРЯДКА В РАЗЛИЧНЫХ РЕЧЕВЫХ СТИЛЯХ

Для отдельных стилей русского языка характерны определенные различия в порядке слов. Немецкий славист К. Буттке [116] даже предлагает, чтобы различия в порядке слов, статистически обработанные, стали критерием для объективной классификации языковых стилей.

5.1. Разговорный стиль

Много своеобразных черт в словорасположении наблюдается в разговорном стиле русского языка.

Одной из самых типичных черт является расположение ядра высказывания, выделенного фразовым ударением, не в конце предложения, а в середине (чаще всего на предпоследнем месте), причем на последнем месте ставится неударяемый глагол. Это явление, которое характерно как для разговорного языка народного (диалектного⁴⁶), так и разговорного стиля литературного языка⁴⁷, настолько типично, что оно широко используется писателями в качестве средства, характеризующего разговорный стиль в диалогах произведений художественной литературы и в пьесах. Ср., например:

Женщина эта пр'авду сказала (Горьк., М., 557); Механик вон в том дом"у живет, во втором налево (Каз., Д. н. п., 546); Сережа! Тебя Г"уров ищет! (Ник., Б. в п., 546); Директорова жена сейчас с м"оста кинулась (там же, 895); Коля (Олегу): Я уж наврал маме, будто тебя с Геннадием на "улице видел. Где ты был? Олег: Нигд"е не был. Мы вокруг д"ома обошли, а потом через крыльцо — Геннадий меня в своей к"омнате запер, а сам куда-то ушел (Роз., В. п. р., 62) и т. п.

То, что это явление характерно для живого разговорного языка, полностью

⁴⁶ Это вытекает, например, из некоторых работ О. Б. Сиротининой [71—74].

⁴⁷ Имеется в виду разговорный язык людей, вполне владеющих литературной нормой.

подтверждают и магнитофонные записи естественных диалогов, где расположение ядра не в конце предложения вполне обычно. Например:

Так вот, Саша, в субботу карнав^{ал} будет; [Первый тайм там играл наш Морозов ...] А во втором тайме Лобан^{овский} вышел; [Я уже смотрел. Ты не видела еще?] Нет, я в субб^{оту} пойду; [Я кнедлики не ем, нет.] Ну, ну, я знаю, ты т^{алию} сохраняешь; [Больше всего мне понравился этот Кедал и Вашек.] Вашек изум^{ительно} пел и т. п.⁴⁸

Типичным для разговорного языка, далее, мы считаем явление, которое отметил (на материале чешского разговорного языка) еще В. Матезиус [163], — добавочное присоединение какого-то не очень важного в смысловом отношении компонента. Таким компонентом может быть, например, основа или ее часть (чаще всего обстоятельство места или времени), как, например, в предложениях:

[Вдруг здесь около Старой площади слышу русскую речь.] Я, конечно, остано^{вился} *сразу*; [А здесь Мерседес есть, в Праге? — Есть, я его видел.] Они его исп^{ытывали} *сейчас*; [Вот это и есть такой довольно своеобразный театр.] у нас такого не ув^{идишь} *еще* и т. п.⁴⁸

Другими такими компонентами, добавочно присоединяемыми в конце предложения, бывают разные обстоятельства меры, ограничения и т. п. Ср., например:

[— Послушай, а какое у них достоинство главное?] — Они эконо^{мичны} *очень*; [— Тогда вот я его видел ...] Эти уже игроки стали изв^{естны} *довольно*; Это же исключен^о *совершенно*; [Разве я, это самое, толкую там.] что фильм был бы хороший с технической сторон^ы *только?* и т. п. (Магн. зап.)

Очень часто в разговорном стиле мы находим, далее, своеобразный внутренний словопорядок в разных атрибутивных группах. Между тем как в стилистически нейтральном языке неакцентированные согласованные определения стоят непосредственно перед своим существительным, в разговорном языке довольно часто наблюдается расположение таких определений после существительного и отрыв их от своих существительных.

Расположение неударяемых определений после ударяемого существительного является проявлением общей тенденции высказать сначала элемент более важный и только после этого присоединить элемент менее важный (из этого вытекают, в конце концов, и все остальные своеобразные черты словопорядка в разговорном стиле).⁴⁹ Часто мы встречаемся с этим явлением в диалогах художественной литературы, например:

Был в Керчи евр^{ей} *молоденький*, писал он стихи (Горьк., М., 487); [Волосы у тебя дурнопахнущим пахнут.] Знаешь, таким *цветк^{ом} белым* (Шол., Т. Д., 35); Гляди, *трав^у чужую* быками не потрави! (Там же, 52); Ну, что ты дрожишь, глупенькая, как *реб^{енок} пятилетний* (Коп., Дерз., 25); [Куда спешат? Кто на танцульки.] кто в *шк^{олу} вечернюю*, кто в *т^{ехникум} вечерний*, а то и в институт (там же, 426).

⁴⁸ Из магнитофонных записей естественных диалогов, участниками которых были советские студенты и аспиранты.

⁴⁹ М. Браун [118] это явление называет „psychologische Staffellung”.

Еще чаще с указанным явлением встречаемся в записях естественных диалогов:

[Прочитай, такое объявление там написано.] Там будут *аттракционы* разные; [В консерваторию?] — В консерваторию или в какое-нибудь там *училище музыкальное*; [Его хорошо знает Чупин,] с ним начинал *карьеру свою боксерскую*; И с одной *скалы* *девятнадцатиметровой* сорвались сначала два Мерседеса; [Мне кажется, что вообще детские роли там сыграли все очень хорошо ...] Так эта *девчонка лохматая*, с косичками, прелесть; Ну, гуся с *кнедликами* да, это другое дело, или *свишина жареная* и т. п.

Постпозицию этого типа необходимо строго отличать от случаев противоположного характера, а именно, от постпозиции ударяемого определения, с которой мы встречаемся скорее в письменном стиле.

В разговорном стиле часто наблюдается отрыв определения, на этот раз ударяемого, от своего существительного (дистантное положение).⁵⁰ Причиной этого опять-таки является стремление как можно скорее высказать самый существенный элемент, в данном случае ударяемое определение, и только после этого присоединить все остальные элементы. Дистантное положение ударяемого определения — явление типично русское. Ср., например:

[На руках у матери осталось четверо, я был младший.] *Трудная* ей выпала жизнь (Тендр., Ч., 67); [Ну, а что они говорят?] *Разные* есть мнения (Грек., Д. м., 114); Но это тоже так, *слабые* были, *средние* фильмы (Магн. з.); Это *обычная* была кондитерская какая-то такая, даже, кажется, предместье (Магн. з.) и т. п.

В случаях этого типа характер определения меняется из чисто атрибутивного в предикативно-атрибутивный, но тем не менее это еще определение; доказательством является невозможность употребления творительного падежа.

Между адъективным определением и существительным в разговорном стиле часто ставится указательное или неопределенное местоимение, как, например, в следующих предложениях:

Я это говорю, что я человек, который страх не любит *острых этих самых блюд*, не терплю; Ну и причем это очень большая, очень *большая такая штука*; Вдруг из воды показывается *огромная такая морда*; Я говорю: это *кавказская такая-то пища*, сама еще тогда не ела и т. п. (Магн. зап.)

5.2. Авторская речь в художественной литературе

Авторская речь в художественной литературе является главным источником материала для нашей работы. Все разнообразие моделей словорасположения, встречающееся в ней, будет подробно описано ниже.

Здесь мы лишь заметим, что главная роль в выражении актуального членения в авторской речи принадлежит порядку слов, поскольку фразовое ударение в большинстве случаев фиксировано на последнем месте в предложении. Исключения составляют случаи с глаголом в функции самостоятельного ядра (как

⁵⁰ Ср. О. Б. Сиротина, [80], 20—21.

в типах обще-информативных, так и обще-верификативных). Ср. следующие примеры:

Унизительная процедура волнов'ала Григория (Шол., Т. Д., 230); Игорю льст'ило такое доверие (Гран., П. с., 6, 15); И отец не защит'ил Тину (Ник., Б. в п., 108) и т. п.,

Далее сюда относятся не очень частые, эмоционально окрашенные предложения с ядром на первом месте в предложении (матезиусовский „субъективный“ порядок), например:

Неистовый кр'ик поднялся в толпе (А. Толст., С., 212); *Безразл'ичие* оковало Григория (Шол., Т. Д., 104); *Непривычную опустошенность и уст'алость* почувствовал тогда Денис (Кон., И., 9, 14); *Что-то от давнего уважения к шк'оле, нежное сладостное волн'ение, навеленное мгновенным воспоминанием о далеких годах д'етства*, пробудилось в его душе в эти минуты (Шол., П. и П., 119) и т. п.

Других случаев постановки фразового ударения не на последнем месте сравнительно мало.

В области внутреннего словопорядка атрибутивных словосочетаний здесь встречается довольно много случаев т. наз. „обмыкания“, т. е. такого порядка, когда между согласованным определением и определяемым существительным ставится член, распространяющий определение. Это явление присуще письменному языку в целом, т. е. широко используется и в научном и в публицистическом стиле, но совершенно чуждо стилю разговорному. Несколько примеров:

Разнеженная теплом кошка дремала возле постреливающей печи (Бон., Т., 53); *На пыльных от вчерашнего снегопада липах* каркали вороны, сбивали снег (там же, 15); *Уже нагруженная, увязанная, накрытая брезентом* машина снова разгружалась (Тендр., 3. 6. д., 332); Они шли вдоль воды по светлосжелтому, *мягкому, как бархат, песку* из плоских, обтертых приборами раковин (А. Толст., С., 106) и т. п.

Авторская речь художественной литературы отнюдь не представляет собой нечто однородное. Наоборот, здесь очень много разнообразия, вызванного, с одной стороны, различиями между разными „подстилями“, например, между повествованием о событиях и описанием природы и т. п., с другой стороны, различием в „авторском почерке“ отдельных авторов и их стилистическом мастерстве. Все это, естественно, отражается и на порядке слов.

Так, например, у некоторых авторов встречаются в сравнительно большом количестве предложения с глаголом в начале предложения и интра-ядерной основой между компонентами комплексного ядра. Такие предложения придают речи характер эпического, фольклорно окрашенного повествования, поскольку они широко встречаются в фольклорном жанре, начиная уже с древнерусских былин.⁵¹ Широко они представлены, например, у Шолохова:

Пахла выветренная, истощенная земля пылью, солнцем (Шол., Т. Д., 30); Лоснится земля непитанной влагой (там же, 33); [Григорий побледнел:] тронул отец незарубцованную болячку (там же, 227); Плясал по Дону ветер (там же, 126); Чувствовал Гришка после встречи

⁵¹ Интересную статистику в этом отношении приводит М. И. Воскресенский [13]. Из этой статистики видно, что наибольший процент подобных случаев мы находим в былинах, на втором месте стоят сказки.

с ней сосущую тоску (там же, 99); Поднял Коршунов на него в мутной слизи глаза (там же, 91) и т. п.

Другие авторы используют такое словорасположение в меньшей степени, чаще всего в разных описаниях природы и ситуации. Ср., например:

Хрустели под ногами тонкие плески льда (А. Толст., С., 252); Играл вдалеке рожок, собирая стадо (А. Толст., С., 128); Звенели на перроне звонки (Коп., Дерз., 256); Горели на улицах реденькие огни (Пан., С. р., 521).

5.3. Книжный стиль

И книжный, т. е. научный и публицистический стиль имеет свои особые черты в области словорасположения. Инвентарь линейно-динамических моделей здесь гораздо менее разнообразен, чем в стиле беллетристическом или разговорном, модели в значительной степени типизованы. Это вытекает из самой природы этого стиля, из его неэмоциональности и логической проработанности, из абстрактности его тематики. Актуальное членение здесь обусловлено только контекстом, поскольку конкретных внеязыковых ситуаций здесь обычно нет. В подавляющем большинстве случаев предложения этого стиля имеют самое нейтральное актуальное членение, а следовательно и нейтральную линейно-динамическую структуру; сильно преобладают предложения обще-информативные, в которых наблюдается фактическое совпадение вещественной и актуальной информации. Фразовое ударение здесь почти всегда падает на последний компонент предложения, за исключением сравнительно редких случаев с глаголом в функции самостоятельного ядра, который может стоять под ударением и не на последнем месте.

В области внутреннего расположения компонентов атрибутивных групп, наблюдается здесь очень широкое использование „обмыкания“. Ср., например:

Предсказанный Лениным крах колониальной системы становится свершившимся фактом (Научн. ст.); *Противоположным идеализму направлением в философии является материализм* (Научн. ст.); *Необходимо еще привести в действие заложенные в модель правила преобразования информации* (Научн. ст.) и т. п.

Исключительно научному и публицистическому стилю присущ другой тип „обмыкания“, а именно, такой внутренний словопорядок, когда между несогласованным определением в родительном падеже и определяемым существительным ставится какой-нибудь другой распространяющий член, как в примерах:

Сравнительно недавно появление на улицах людей с лыжами или клюшками означало приход зимы (Публ. ст.); *Буржуазной науке, считавшей аксиомой отсталость африканских народов, трудно было примириться с существовавшим в XV—XVIII веках в Нигерии, среди болот и тропических лесов, блестящей цивилизации* (Публ. ст.); *Универсальность здесь означает принципиальную возможность реализации в мозгу производных информационных моделей* (Научн. ст.); *В такой универсальности мозга заключается одна из важнейших сторон способности к безграничному познанию человеком окружающего его объективного мира* (Научн. ст.) и т. п.

II. КЛАССИФИКАЦИЯ И АНАЛИЗ ВАЖНЕЙШИХ ЛИНЕЙНО-ДИНАМИЧЕСКИХ СТРУКТУР И АКТУАЛЬНО-СИНТАКСИЧЕСКИХ ТИПОВ

1. ПОНЯТИЕ ЛИНЕЙНО-ДИНАМИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ И АКТУАЛЬНО-СИНТАКСИЧЕСКОГО ТИПА

За основные единицы для систематического описания порядка слов повествовательных предложений мы возьмем т. наз. линейно-динамические структуры и т. наз. актуально-синтаксические типы предложений.

Понятие линейно-динамической структуры мы уже затронули выше (см. стр. 8). Линейно-динамическая структура представляет собой обобщение целого ряда конкретных предложений с одинаковым составом синтаксических членов, с одинаковым порядком слов и местом фразового ударения. Например, линейно-динамическую структуру $S - V - C$ имеют предложения *Отец читает газету*, *Мы поедем в Москву*, *Брат обратился ко мне*, *Книга лежит в шкафу* и т. д., структуру $D - S - V - C$ предложения *Завтра брат напишет ему*, *Поэтому он не поедет туда*, *Уже несколько месяцев Петр не видел свою сестру* и т. д., структуру $S - V - D$ предложения *Дядя придет завтра*, *Лини заехали на нашей улице*, *Большая ошибка произошла в этом отношении* и т. д.

Понятие актуально-синтаксического типа предложения несколько сложнее. В основе каждого актуально-синтаксического типа лежит определенная линейно-динамическая структура. Но кроме того у каждого актуально-синтаксического типа указаны актуально-синтаксические функции отдельных компонентов и общая коммуникативная функция целого типа. На базе каждой линейно-динамической структуры возникает, таким образом, несколько актуально-синтаксических типов (чаще всего два или три). Так, например, на базе линейно-динамической структуры $S - V - C$ возникает, во-первых, актуально-синтаксический тип $S^x - (V + C)^o$, где компонент S выполняет функцию основы, компоненты V и C функцию комплексного ядра, а весь тип имеет характер обще-информативный, например, *Отец читает газету*, *Дети идут в школу* и т. д., во-вторых, актуально-синтаксический тип $(S + V)^x - C^o$, где компоненты S и V выполняют функцию комплексной основы, компонент C функцию самостоятельного ядра, а весь тип имеет характер частно-информативный, например, *Они избрали Сергея*, *Этот товарищ пришел к тебе* и т. д., или частно-верификативный, например, *Да, этот товарищ пришел к тебе*, *Нет, этот товарищ пришел не к тебе* и т. д.

Каждый актуально-синтаксический тип является, таким образом, некоторым схематическим обобщением множества конкретных предложений с одинаковым

составом синтаксических компонентов, с одинаковой линейно-динамической структурой, с одинаковым актуальным членением и одинаковой общей коммуникативной функцией.

В дальнейшем изложении мы распределим материал по отдельным линейно-динамическим структурам и актуально-синтаксическим типам и сделаем анализ их значений и функций, причем особое внимание будем уделять порядку слов. Будем придерживаться при этом следующего порядка изложения материала: Линейно-динамические структуры будут делиться сначала по количеству и характеру своих компонентов, причем сначала будут приведены структуры простые, а потом сложные. Далее, линейно-динамические структуры будут классифицироваться по месту фразового ударения (сначала будут приводиться структуры с фразовым ударением на последнем компоненте) и по расположению компонентов.

Внутри каждой линейно-динамической структуры будут выделяться отдельные актуально-синтаксические типы, причем сначала всегда будет приводиться тип обще-информативный, а только затем другие типы (частно-информативный, обще-верификативный, частично-верификативный).

2. ЛИНЕЙНО-ДИНАМИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ С КОМПОНЕНТАМИ S И V

2.1. Структуры с фразовым ударением на последнем компоненте

2.1.1. Структура S — V

2.1.1.1. Актуально-синтаксический тип $S^a - V^o$ с функцией обще-информативной.

Брат занимается. Дети поют.

Основой высказывания в данном типе является подлежащее, ядром — глагольное сказуемое. Глаголы, встречающиеся в этом типе предложений, относятся к широкому классу глаголов действия (процессуальных)⁵², существительные к классу субстанций, способных стать носителем действия. Подлежащее может быть развито неограниченным количеством определений, составляющих вместе с ним один компонент порядка слов предложения.

Данный актуально-синтаксический тип может появиться в максимально нейтральной конситуации (когда можно спросить: *Что случилось? Что происходит?* и т. п.), или в конситуации, содержащей S (можно спросить: *Что делает*

⁵² Слова *действие, процесс* нужно понимать в самом широком смысле этого слова.

(делал, будет делать) данный S?). Конечно и в первом случае необходимым условием является конкретность S, а также его идентичность для говорящего и собеседника. Фразовое ударение слабое, невыразительное. Предложения данного типа могут потенциально делиться на два речевых такта (*Брат / занимается*), но обычно такое деление не реализуется.

Частотность этого типа сравнительно высока, это один из самых обычных актуально-синтаксических типов предложений, встречающийся в большом количестве в любом стиле языка. Ср., например:

Мальчики ушли (Горьк., К. С. I, 70); Владимир остановился (Шол., Т. Д., 117); Бахирев молчал (Ник., Б. в п., 47); Даша вздохнула (там же, 62); Наш дом спал (Тендр., З. б. д., 149); Человеческая лавина дрогнула (Ник., Б. в п., 12) и т. п.

2.1.1.2. Актуально-синтаксический тип $S^a - V^{w'}$ с функцией обще-верификативной

Его надежда не сбыл'ась. Вечеринка б'удет. Дядя при'едет! Дядя все-таки при'едет.

Данный актуально-синтаксический тип отличается от предыдущего своей общей коммуникативной функцией. Предложения данного типа являются обще-верификативными (см. стр. 27), т. к. они представляют собой реакцию на какое-то заранее существовавшее суждение или предположение, которое ими подтверждается или отрицается. Это т. наз. предложения 2-ой инстанции (по терминологии Боулинджера и Фирбаса).

Ядром высказывания в таких предложениях, строго говоря, является не весь глагол как сочетание лексического, грамматического и модального значений, а лишь его модальность, положительная или отрицательная. Предложения такого типа, следовательно, могут встречаться только в определенной, довольно специфической конситуации, в которой уже заранее содержится весь факт, но только его положительная или отрицательная модальность не выяснена.

На внутренней структуре таких предложений принадлежность к данному актуально-синтаксическому типу отражается несколькими способами:

а) При определенном лексическом наполнении компонента V, принадлежность к обще-верификативному типу обусловлена уже самой семантикой глагола. Это бывает в тех случаях, когда V явно относится к классу глаголов существования или наличия, как например, *быть, встречаться, существовать, произойти, осуществиться* и т. п. Ср. *Вечеринка будет. Таких случаев не бывает. Такие характеры встречаются. Его планы не осуществились. Взрыва не произошло* и т. п.

б) Если V относится к классу глаголов процессуальных или к классу глаголов, способных приобретать как характер действия, так и наличия, то принадлежность к обще-верификативному типу обычно сигнализируется в самом предложении разными дополнительными средствами. К таковым относятся интенсивное (контрастное) фразовое ударение, некоторые частицы, т. наз. модальные слова и т. п. Так, например, между тем как предложение

Брат ушел (со слабым, невыразительным фразовым ударением) будет, по всей вероятности, обычным обще-информативным предложением, то предложения *Брат уш"ел* (с сильным, контрастным фразовым ударением), *Брат в с"агом деле ушел*, *Брат вс"е-таки ушел* и т. п. будут скорее относиться к обще-верификативным. Во всяком случае решающим критерием является конкретная конситуация.

Частотность данного типа в нашем материале сравнительно невелика.

Примеры:

[Ты ждешь указа, который сразу отменит всю человеческую подлость?...] Такого указа не будет (Бон., Т., 160); [Верите? ... нет] А я в"ерю (Тендр., Ч., 69); Я не "еду, сказал же тебе, не "еду (Роз., В д. ч., 304); [Зайдите. Я буду ждать. — Благодарю вас.] Я не прид"у (Бонд., Т., 277) и т. п.

2.1.2. Линейно-динамическая структура V — S

2.1.2.1. Актуально-синтаксический тип (V + S)^ω с функцией обще-информативной

Раздался выстрел. Наступила зима. Приехал дядя.

Данный тип не расчленен с точки зрения актуального членения, все предложение является ядром высказывания.⁵³

Глагол относится к широкому классу глаголов наличия или существования (экзистенциальных) или способных приобретать такое значение (ср. стр. 34). Существительные тоже относятся к определенным классам,⁵⁴ но не так четко выделенным, как класс V.

Между V и S, выступающими в данном типе, наблюдается некоторая семантическая связанность или взаимообусловленность. После каждого глагола данного класса может следовать определенное множество существительных, семантически в большей или меньшей степени вытекающих из него. Например, после *раздаться* может следовать *выстрел, крик, голос, гром* и т. д., после *наступить* — *зима, весна, день, ночь, момент, этап* и т. д. Подлежащее в этих случаях фактически является обязательным пополнением глагола.⁵⁵ Такая семантическая связанность и взаимообусловленность и делает возможным слияние этих двух членов предложения в один компонент актуального членения — комплексное ядро.

Указанный актуально-синтаксический тип может функционировать без вся-

⁵³ Существование предложений без основы признается во многих работах, например, у Крушельницкой [30], Распопова [59, 60], Эбелинга [130], Матезиуса [172] и пр. Не признает их Ф. Травничек [203].

⁵⁴ См. работу Уорта [89].

⁵⁵ Это подтверждается, кроме прочего, таким фактом, что данные глаголы не могут выступать в т. наз. неопределенно-личных предложениях. Ср., например, невозможность таких (не эллиптических) предложений как **На углу появились*, **В коридоре раздалось* и т. п.

кого эксплицитно выраженного контекста, в максимально нейтральной конситуации. Потенциальные вопросы будут: *Что происходит? Что случилось?* и т. п. Все предложение образует один речевой такт, без потенциальной паузы. Частотность типа сравнительно велика. Ср., например:

Наступила тишина (Ник., Б. в п., 92); Началась весна (Пан., С., 92); Произошла ошибка (Бон., Т., 239); Грянула засуха из засух (Ник., Б. в п., 50); Шла большая перемена (Тендр., 3. 6. д., 152) и т. п.

Если глагол может иметь только характер глагола наличия или существования, т. е. если он не может переходить в класс глаголов процессуальных, то при изменении линейно-динамической структуры в $S - V$ возникает обще-верификативный тип $S^z - V^{\omega'}$ (см. выше), например: *Раздался выстрел || Выстрел раздался, Появились трудности || Трудности появились, Произошла ошибка || Ошибка произошла* и т. п. Иначе дело обстоит у таких глаголов, которые могут приобретать как значение действия, так и наличия. Попад в актуально-синтаксический тип $S^z - V^{\omega}$, они присоединяются к глаголам процессуальным; и наоборот, если они попадают в тип $(V - S)^{\omega}$, то в них преобладает значение проявления, наличия. Ср.: *Гудели моторы* (Ник., Б. в п., 33) || *Моторы гудели; Кричали гудки* (Пан., С., 160) || *Гудки кричали; Бегут рабочие* (Ник., Б. в п., 35) || *Рабочие бегут; Потерялся мальчик* (там же, 16) || *Мальчик потерялся; Заиграл оркестр* (там же, 36) || *Оркестр заиграл; [В отделе шел обычный трудовой процесс.] Стучали пишущие машинки, звонили телефоны, кричали и смеялись сотрудники* (Акс., К., 129) || *Пишущие машинки стучали, телефоны звонили, сотрудники кричали и смеялись* и т. п.

В некоторых случаях данный тип употребляется прежде всего по соображениям стилистическим: *[И сейчас же ружейный зал рванул воздух.] Шарахнулись лошади, затрепали телеги, завывли, завизжали женские, детские голоса* (А. Толст., С., 214).

2.1.2.2. Актуально-синтаксический тип $V^z - S^{\omega}$ с функцией частно-информативной или частно-верификативной

Победил Петр. Уступил я. Это пахнут розы. Поедет не он.

Данный тип предложений отличается от предыдущего тем, что он расчленяется на основу — глагольное сказуемое и ядро — подлежащее, и тем, что имеет другую общую коммуникативную функцию. Между тем как в предложениях предыдущего типа комплексно сообщался какой-то факт в целом, в данном типе факт, отчасти уже известный, только уточняется. В предыдущем типе актуальная информация фактически совпадала с вещественной, здесь актуальная информация заключается в том, что известное действие соотносится с тем или иным его субъектом.

С этим, конечно, связано и существенное различие в конситуациях, в которых фигурирует тот и другой актуально-синтаксический тип. В то время как тип $(V + S)^{\omega}$ встречается в нулевой конситуации (где из предложения ничего заранее не дано), тип $V^z - S^{\omega}$ может возникнуть лишь при условии, что V дано. Тогда

как предложения типа (V + S)^о отвечали на вопрос типа *Что происходит?*, *Что случилось?*, предложения настоящего типа отвечают на вопрос типа *Кто это делает?* (т. е. по классификации Балли, „частичный диктальный вопрос“), или *Делает это ХУ* (или кто-нибудь другой)? (т. е. „частичный модальный вопрос“).

Во внутренней структуре самих предложений принадлежность к данному актуально-синтаксическому типу, а не к обще-информативному (V + S)^о отражается в следующем:

а) В употреблении глагола однозначно процессуального характера, который не может фигурировать в обще-информативном типе (V + S)^о, например: *Кашляет д'едушка Курит н'ана. Проиграл бр'ат* и т. п.

б) В высокой степени индивидуализованности S (собственное имя, личное местоимение, существительное с указательным местоимением и т. п., см. стр. 36—39). Глагол в таких случаях как будто ставит вопрос (по Боосту — „устанавливает напряжение“), на который отвечает название подлежащего. Ср.: *Победил Петр.* (Победил кто? — Петр.). *Читает Игорь Ильинский.* (Читает кто? — Игорь Ильинский). *Играет Давид Ойстрах. Пишет моя сестра. Заговорил тот, от кого этого никто не ожидал* и т. п.

в) Частно-верификативный характер имеют обычно предложения с т. наз. частичным отрицанием (у подлежащего): *Поедешь не ты. Победил не Петр* и т. п.

г) Там, где нет условий, приведенных под а), б) и в) (или даже при наличии их, но тогда, когда нужно частно-информативный или частно-верификативный характер предложения подчеркнуть), употребляются специальные дополнительные средства. К таковым относятся:

аа) Контрастное ударение, ср.: *Гудит ветер* || *Гудит в'етер* (а не...); *Пришли мальчики* || *Пришли м'альчики* (а не...);

бб) Усилительно-выделительные слова типа *только, лишь, и, даже, ведь, прежде всего, главным образом* и т. д. и модальные слова, как *несомненно, очевидно* и т. п. Например: *Пришли только мальчики, Пришли даже мальчики, Врет, наверно, мальчик, Свистит, очевидно, ветер* и т. п.

вв) Слово *это*, стоящее перед глаголом, как в примерах *Это вздохнула сестра, Это пахнут липы под окном, Это трещат старые трамваи* и т. д.

Предложения актуально-синтаксического типа V^а — S^о потенциально делятся на два речевых такта, но ввиду краткости предложения такое деление обычно не реализуется.

Частотность данного типа в нашем материале невелика. Вот несколько примеров:

[Ну, кто просит слова? — произнес он.] Вызвался Иван Поликарпович (Тендр., 3. б. д., 208); [— Я считаю, что] победил Кочкин (там же, 220); [Не лезьте не в свое дело,] разберется милиция! (Бон., Т., 40); [До слуха Ильина донеслась чья-то речь. Ее услышали все... Кошу-

баров прижался к земле и застыл.] Говорили немцы (В. Некр., з. п.); [Уезжаем, — проговорил Подгорный и замолчал.] Молчал и Сергей (Бон., Т., 292) и т. п.

Таким образом мы пока установили, что на базе синтаксической структуры $S + V$ образуется четыре актуально-синтаксических типа предложений с фразовым ударением в конце, два из которых имеют функцию обще-информативную ($S^x - V^{\omega}$ и $(V + S)^{\omega}$), один частно-информативную или частно-верификативную ($V^x - S^{\omega}$) и один обще-верификативную ($S^x - V^{\omega'}$). Оба обще-информативных типа имеют высокую частотность и принадлежат к самым обычным и распространенным. Частно-информативный, частно-верификативный и обще-верификативный типы встречаются в нашем материале гораздо реже. Можно сказать, что типы $S^x - V^{\omega}$ (обще-информативный) и $(V + S)^{\omega}$ (обще-информативный) носят немаркированный характер, а $S^x - V^{\omega'}$ (обще-верификативный) и $V^x - S^{\omega}$ (частно-информативный или частно-верификативный) — маркированный. Следовательно, вопреки распространенному мнению, согласно которому немаркированным является всегда расположение $S - V$, мы приходим к выводу, что у некоторых наборов лексем (resp. классов лексем) немаркированным является порядок $S - V$, а маркированным — $V - S$, тогда как у других это наоборот. Кроме того, есть и такие наборы лексем, для которых немаркированным словорасположением является и то и другое. Ср.:

- а) *Игорь читает* (немарк.) || *Читает Игорь* (марк.)
- б) *Произошла ошибка* (немарк.) || *Ошибка произошла* (марк.)
- в) *Оркестр заиграл* (немарк.) || *Заиграл оркестр* (немарк.)

Немаркированные, однако, могут переходить в маркированные при наличии дополнительных выделительных средств, как, например, контрастного ударения, усилительно-выделительных слов и модальных слов.

2.2. Фразовое ударение в начале предложения

Теперь мы рассмотрим типы предложений с фразовым ударением в начале предложения. По нашему мнению такие типы являются стилистическими вариантами типов с фразовым ударением на последнем компоненте, поскольку они встречаются в одинаковых конситуациях и передают одинаковую актуальную информацию. С точки зрения актуального членения, следовательно, они синонимичны типам с ударением в конце, отличаясь от последних лишь повышенной экспрессивностью или эмоциональностью.⁵⁶

Обще-информативный тип $S^x - V^{\omega}$ имеет, таким образом, синонимичный,

⁵⁶ Другое мнение высказывает Бельский [8] и вслед за ним Эбелинг [130]. Они считают, что эти типы различаются не только по своей эмфатичности и стилистической окраске, но также и по своей чисто коммуникативной функции (resp. по актуальному членению). Так, например, по Эбелингу, предложения *Лают соб"аки* и *Соб"аки лают* отличаются друг от друга тем, что между тем как в первом случае компонент *собаки* является новым, то во втором случае в нем есть как элементы нового, так и данного; этот тип как будто занимает промежуточное положение между *Лают соб"аки* и *Собаки л"ают*.

экспрессивно (эмоционально, эмфатично) окрашенный вариант $V^{\omega} - S^{\omega}$, обще-информативный тип $(V + S)^{\omega}$ — вариант $(S + V)^{\omega}$, обще-верификативный тип $S^{\alpha} - V^{\omega'}$ — вариант $V^{\omega'} - S^{\alpha}$ и частно-информативный тип $V^{\alpha} - S^{\omega}$ — вариант $S^{\omega} - V^{\alpha}$. В первых, более нейтральных и более распространенных вариантах актуальное членение сигнализируется прежде всего порядком слов (так как динамическая структура является типизованной, нейтральной). Во вторых же вариантах основную функцию сигнализации актуального членения принимает на себя фразовое ударение, находящееся в маркированном положении.

2.2.1. Линейно-динамическая структура $V - S$

2.2.1.1. Актуально-синтаксический тип $V^{\omega} - S^{\alpha}$ с функцией обще-информативной

Удив"ился старик. Ушл"и твои товарищи.

Этот тип в коммуникативном отношении синонимичен с обще-информативным типом $S^{\alpha} - V^{\omega}$, отличаясь от последнего, с одной стороны, повышенной экспрессивностью, с другой стороны, принадлежностью к определенному стилю (или к разговорному или к фольклорно окрашенному эпическому, повествовательному). Ср., например:

Об"иделась Фаина (Пан., С., 92); Гм, разбогат"ел Иван (Горьк., К. С., 129); Качн"улась Аксинья (Шол., Т. Д., 82); Промолч"ал Григорий (там же, 18); [Мне Нину Александровну. — Нету ее, голубчик, нету ...] Ушл"а Нина Александровна (Бон., Т., 78); [Клешнев вызвал меня, вынул из стола статью, сказал: — Сами понимаете,] устар"ела ваша статья (Тендр., З. б. д., 266) и т. п.

1.2.1.2. Актуально-синтаксический тип $V^{\omega'} - S^{\alpha}$ с функцией обще-верификативной

Не "выполнилась его надежда. Б"удет вечеринка. При"едет дядя! Все-таки при"едет дядя.

По своей общей коммуникативной функции этот тип синонимичен типу $S^{\alpha} - V^{\omega'}$. Отличается от последнего повышенной экспрессивностью (категоричностью). Ср.:

Но н"е было звучных оркестров (Ник., Б. в п., 10); [Изворачиваетесь! Хватит волнить!] Не жд"ет время! (Тендр., Ч., 92) и т. п.

2.2.2. Линейно-динамическая структура $S - V$

2.2.2.1. Актуально-синтаксический тип $(S + V)^{\omega}$ с функцией обще-информативной

Д"ядя приехал(!) Весн"а наступает(!) Телеф"он звонит(!) Ош"ибка произошла(!)

Этот тип в коммуникативном отношении синонимичен с обще-информативным типом $(V + S)^o$, поэтому он тоже без основы. От типа $(V + S)^o$ он отличается большей экспрессивностью. Говорящий как будто увлекается появлением или проявлением какой-то субстанции, и поэтому он стремится как можно раньше назвать эту субстанцию. Ср.:

Нат"алья пришла, Григорич! (Шол., Т. Д., 182); Т"оля приехал (Тендр., 3. б. д., 109); Губерн"атор приехал (Горьк., М., 549); Ал"еша исчез (Поз., В. д. ч., 285); Леон"ид пришел (Роз., В. п. р., 41) и т. п.⁵⁷

2.2.2.2. Актуально-синтаксический тип $S^o - V^z$ с функцией частно-информативной или частно-верификативной

П"етр победил. "Я уступил. И П"етр согласился. Не "он поедет.

Указанный тип в коммуникативном отношении синонимичен с частно-информативным типом $V^z - S^o$, отличаясь от последнего лишь повышенной экспрессивностью, большей подчеркнутостью. Ср., например:

[Так не я же диктую.] Произв"одство диктует (Ник., Б. в. п., 688); [Чем же она тебя оскорбила? — Не она ...] В"ы оскорбили (Тендр., Ч., 27) и т. п.

Во многих случаях настоящего типа подлежащее выделено или усилено частицами типа *и, даже* и т. п., как в примерах:

И "я победжал! (Ник., Б. в. п., 29); Даже Вальг"ан растерялся (там же, 9); Даже звонок секретаря райк"ома не помог (Тендр., 3. б. д., 234) и т. п.

В таких частицах имплицитно содержится информация о том, что данное V касается или может касаться и других S ; в предложении *И "я победжал* имплицитно содержится *Друг"ие победжали, Вс"е победжали* и т. д., хотя эксплицитно это заранее не было сказано.

3. ЛИНЕЙНО-ДИНАМИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ С КОМПОНЕНТАМИ S, V, C (Co или Cd)

Из трех элементов можно образовать шесть пермутаций.⁵⁸ Это число нужно умножить на три (поскольку фразовое ударение может стоять на любом из

⁵⁷ Во всех приведенных примерах в самом деле речь идет о лицах, хорошо знакомых говорящему, что как будто подтверждает мысль Бельского (см. прим. 56). Однако, кажется, что выбор данной линейно-динамической структуры определяется прежде всего не известностью подлежащего, а повышенной эмфатичностью, которая, конечно, в свою очередь вызвана тем, что данное лицо говорящему хорошо знакомо.

⁵⁸ Пермутации вычисляются по формуле $n! (= n \cdot n - 1 \cdot n - 2 \dots 1)$. Для трех элементов, следовательно, число пермутаций будет $3 \cdot 2 \cdot 1 = 6$, для четырех $4 \cdot 3 \cdot 2 \cdot 1 = 24$, для пяти уже $5 \cdot 4 \cdot 3 \cdot 2 \cdot 1 = 120$ и т. д.

трех компонентов). Таким образом, получается восемнадцать линейно-динамических структур. Каждая линейно-динамическая структура обычно отвечает двум актуально-синтаксическим типам — одному обще-информативному и одному частно-информативному или обще-верификативному. Таким образом мы теоретически получаем тридцать шесть возможных актуально-синтаксических типов, построенных на базе трехчленной синтаксической структуры $S + V + C$.

Эти 36 типов, однако, используются в языке далеко не в одинаковой мере. Есть типы с очень высокой частотностью, а есть и такие, которые почти вовсе не встречается. Так, например, типы с фразовым ударением на конце в беллетристическом стиле представляют 93% всех случаев, а типы с фразовым ударением в середине и в начале только 7% (в чисто разговорном стиле мы бы нашли, конечно, другую картину — типов с фразовым ударением не на конце было бы безусловно больше). Один только самый частый тип $S^z - (V + C)^o$ составляет около 60% всех случаев, тогда как все остальные 35 типов — только около 40% случаев; из этих 40% случаев опять-таки подавляющее большинство представляют несколько самых распространенных типов. Многие типы в исследуемых текстах вовсе не встретились.

3.1. Фразовое ударение в конце предложения

3.1.1. Линейно-динамическая структура $S - V - C$

3.1.1.1. Актуально-синтаксический тип $S^z - (V + C)^o$ с функцией обще-информативной

Отец читает газету. Мать всплеснула руками. Сестра сидит у окна. Брат пошел в школу.

Основой высказывания здесь является подлежащее, ядром глагол вместе с дополнением (объектным или обстоятельственным).

Глагол с дополнением сливаются в один компонент актуального членения — комплексное ядро.⁵⁹ Как уже указывалось выше (см. стр. 40), предпосылкой для такого слияния является определенный синтаксический характер приглагольного члена (т. е. именно C (дополнение), а не D (обстоятельство) или Q (качественная характеристика)), стоящего в синтаксическом отношении сильного управления (Co) или слабого управления (Cd), и семантическая связанность,

⁵⁹ Этим вопросом подробно занимается Браун [118], который говорит о т. наз. „редукции предложения“, которая заключается в том, что предложение проявляет тенденцию к сокращению своих членов тем, что отдельные члены предложения (например, сказуемое и дополнение) вследствие т. наз. „семантической аффинитности“ объединяются в комплексные члены предложения.

взаимообусловленность V и C. Без этих условий возникновение комплексного ядра было бы невозможно, и перед нами был бы не тип $S^z - (V + C)^w$, а $(S + V)^z - D^w$ (см. стр. 82).

Чаще всего в функции C выступает объектное дополнение (Co) в винительном падеже. Ср.:

Юноша остановил станок (Ник., Б. в п., 41); Катя чистила маслята (там же, 75); Девушки стелили постели (Пан., С., 22); Сергей поднял воротник (Бон., Т., 45) и т. п.

Часты и объектные дополнения в других падежных и предложно-падежных формах:

Доктор покачал головой (Пан., С., 60); Даша мечтала о будущем (Ник., Б. в п., 61); Данилов поговорил со своими людьми (Пан., С., 92); Он привязался к старику и девушке (Ник., Б. в п., 74) и т. п.

На полпути между Co и Cd стоят объектные дополнения с оттенком направления:

Сергей посмотрел на Константина (Бон., Т., 219); Бахирев взглянул на фрезу (Ник., Б. в п., 41); Максимов повернулся к другу (Акс., К., 18) и т. п.

Из обстоятельственных дополнений (Cd) самыми частыми являются обстоятельственные дополнения со значением направления. Ср.:

Катя бросилась в прихожую (Ник., Б. в п., 25); Сергей вышел из ванной (Бон., Т., 245); Половцев сел на стул (Шол., П. и П., 6); Данилов пошел домой (Пан., С., 152) и т. п.

Местная характеристика является обстоятельственным дополнением и способна входить в состав комплексного ядра лишь тогда, если она стоит при глаголах с широким значением „нахождения“ или при глаголах, в которых такое значение потенциально содержится:

Дед Гришака сидел у окна (Шол., Т. Д., 123); Данилов похаживал около поезда (Пан., С., 191); Максимов стоял на причале возле нефтебаков (Акс., К., 51); Узкие и длинные карие глаза прятались за веками (там же, 69) и т. п.

Обстоятельственные дополнения со значением причины, цели и т. п. встречаются довольно редко, только при глаголах, предполагающих такое семантическое пополнение:

Даша онемела от удивления (Ник., Б. в п., 56); Усы Василия Васильевича дрогнули от негодования (там же, 80); Универмаг закрылся на ремонт (там же, 75) и т. п.

И наконец, очень редко в функции Cd могут выступать также выражения со значением образа действия (только падежные и предложно-падежные формы существительных, но не качественные и количественные наречия), если глагол предполагает такое семантическое пополнение:

Но глаза матери светились радостным светом (Ник., Б. в п., 52); Твой костюм пахнет отвратительными духами (Бон., Т., 61); Люди объяснялись жестами (Ник., Б. в п., 42); Даша смотрела во все глаза (там же, 65) и т. п.

Фразовое ударение слабое, невыразительное. Предложения данного типа потенциально могут делиться на два речевых такта, с паузой после S, но такое деление реализуется лишь при большой распространенности S.

Частотность типа чрезвычайно высока, это, наверно, самый частый актуально-синтаксический тип в русском языке.

Актуально-синтаксический тип $S^z - (V + C)^{\omega}$ может функционировать в максимально нейтральной конситуации (тогда можно спросить *Что происходит?*, *Что случилось*, *Что произойдет?*), ср.: [*Ты знаешь новость?*] *Наш сосед купил автомашину* и т. п., или в конситуации, эксплицитно содержащей S (вопрос: *Что делает (делал, будет делать) данный S?*), например: [*Я давно не видел твоего брата. Что с ним?*] — *Он поехал за границу* и т. п. Между первым и вторым случаем фактически нет существенной разницы, в обоих случаях необходимым условием является известность S.

Особый случай представляют такие предложения данного актуально-синтаксического типа, где подлежащее в функции основы по крайней мере так же ново, как и ядро, вследствие чего оно фактически теряет характер явной основы, хотя формально ею остается. Ср., например:

[Первой мартовской ростепелью омывало асфальт проходов.] Сосульки свисали с крыш (Ник., Б. в п., 36); [Люди, уставшие хорониться от стужи, радуясь весеннему солнцу, распахивали пальто, ветер тут прохватывал насквозь, и] гриппы свирепствовали в городе (там же, 69); [Девушка в мужской меховой шапке ... исчезла в вестибюле метро.] Морозный пар вылетел из махнувших дверей (Бон., Т., 46); [Пойдем, пошляемся по Серпуховке, может, что-нибудь придумаем ...] Капли падали с темных лип (там же, 163) и т. п.

Все приведенные предложения можно было бы легко преобразовать в актуально-синтаксический тип $C^z - (V + S)^{\omega}$ (см. стр. 65), который полностью соответствует данной конситуации. Ср.: С крыш свисали сосульки; В городе свирепствовали гриппы; Из махнувших дверей вылетел морозный пар; С темных лип падали капли. Перед нами преднамеренная стилизация и одновременно и доказательство некоторой субъективной свободы при выборе актуально-синтаксического типа.

3.1.1.2. Актуально-синтаксический тип $(S + V)^z - C^{\omega}$ с функцией частично-информативной или частично-верификативной

[Все ждали, что брат выберет.] *Он выбрал часы. Я спрашивал пиво* [а не вино].
Отец курит только трубку.

Данный актуально-синтаксический тип отличается от предыдущего иным распределением компонентов между основой и ядром, он членится на комплексную основу $(S + V)^z$ и простое ядро — C^{ω} , и общей коммуникативной функцией: сообщается уже не целый диктум, а только его часть, известный заранее факт в том или ином отношении уточняется.

Данный актуально-синтаксический тип может встретиться только в определенной, довольно специфичной, конситуации, в которой даны все компоненты, кроме С (следовательно, можно спрашивать, например: *Что выбрал брат?* *Что вы спрашивали?* *Что курит отец?* *Куда пошла сестра?* *Где лежит эта книга?* — т. е. т. наз. частично-диктальными вопросами, или *Выбрал ли брат часы?* *Спрашивали ли вы пиво?* *В школу ли пошла сестра?* и т. п., т. е. т. наз. частично-модальными вопросами).

Как же проявляется отнесенность к данному типу (т. е. к $(S + V)^z - C^{\omega}$, а не $S^z - (V + C)^{\omega}$) в самом лексико-синтаксическом составе предложений?

Если налицо достаточно показательная конситуация (например, если были 59

в предыдущем контексте эксплицитно или имплицитно приведены компоненты S и V), то особых отличий от типа $S^a - (V + C)^o$ во внутренней структуре предложения нет:

[Хочу спросить тебя, тихонько сказала мать, — что ты все читаешь?] — Я читаю запрещенные книги (Горьк., М., 420); [Я не сказал, куда мы едем.] Мы едем на Братскую ГЭС (Кузн., П. л., 32); [Вы далеко живете? — отрывисто спросил Сергей...] — Ну, положим, я живу на Ордынке (Бонд., Т., 49); [Таких, которым жена нужна как витрина для драгоценностей, у нас, прямо сказать, маловато!...] Мужчина ищет подругу жизни (Ник., Б. в п., 313) и т. п.

Часто отнесенность к данному типу сигнализируется высокой степенью индивидуализованности С (им является собственное имя, личное местоимение и т. п.) Ср.:

[Сквозь плетень Макару было видно, как на крыльце показалась темная женская фигура, закутанная в темный платок.] Макар узнал Лушку (Шол., П. ц. II, 82; [— У тебя тут гость был. — Кто? Не Акиндин ли Акиндинович? — Нет ...] Он приходил ко мне (Тендр., З. б. д., 384); [— Партия — это не Уваров и Свиридов, леший бы задрал совсем! — крикнул Косов, — Партия — это миллионы! Сам знаешь! Таких, как ты и я!] — Но в райкоме верят Свиридову (Бон., Т., 296) и т. п.

Иногда принадлежность к данному типу проявляется в самой семантике глагола (класс глаголов типа *выбрать*, *избрать*, *предпочесть* и т. п.), ср.: *Я предпочитаю конфеты. Он выбрал грузинский коньяк* и т. д. Ср. *Он выбрал Лену* (Пан., С., 125).

Если нет вышеприведенных сигнализаторов частно-информативного характера высказывания, или если этот характер надо подчеркнуть, то можно применить дополнительные средства, т. е. контрастное ударение или выделяющее слово, например: *Он курит сиг^ары* (а не сигареты), *Она пьет только молоко*, *Он пошел, наверно, к брату* и т. д.

Частно-информативный характер предложения иногда сигнализируется или подчеркивается и реализацией членения на речевые такты (делается пауза выжидания). Например: *Он пошел — в театр. Мы купили — яблоки* и т. п.

Частотность этого актуально-синтаксического типа сравнительно невелика.

3.1.2. Линейно-динамическая структура S — C — V

3.1.2.1. Актуально-синтаксический тип $S^a C^b - V^o$ с функцией обще-информативной

Автор статью сократил. Он его ненавидит. Мы об этом случае уже забыли.

Данный тип предложений членится на три компонента актуального членения — примарную основу — подлежащее, секундарную основу — дополнение и ядро — глагол.

Такое членение предполагает конситуацию, в которой даны два компонента,

S и C; предложениям этого типа соответствуют вопросы типа *Что делает S с C?*, *Как относится S к C?* и т. д.⁶⁰

Во внутреннем лексико-синтаксическом составе данных предложений отношение к настоящему типу отражается прежде всего в высокой степени индивидуализованности компонентов S и C (чаще всего ими бывают собственные имена, личные местоимения, сочетания с притяжательными и указательными местоимениями).

Глаголы, выступающие в данном типе предложений, относятся к классу глаголов действия или к классу со значением отношения (*любить, ненавидеть, уважать* и т. п.).

Между V и C нет заранее данной семантической взаимообусловленности, предикции; если бы это было так, то данное предложение было бы обще-верификативным (см. ниже).

Теоретически предложения данного типа могут делиться на три речевых такта, но это деление обычно не реализуется, или реализуется только деление на два такта.

Частотность данного актуально-синтаксического типа в русском языке сравнительно невелика. Это вызвано отчасти и тем, что для передачи данной актуальной информации в русском языке гораздо чаще используется синонимный тип $S^a - V^o - C^b$ с фразовым ударением в середине (см. стр. 70). Чаще всего тип $S^a C^b - V^o$ бывает у предложений с личным местоимением в функции C.⁶¹

Примеры:

Я этот разговор забыл (Ник., Б. в п., 47); Ну, так я вам помогу (там же, 31); Вы меня запугиваете (Бон., Т., 115); Я тебе звонила! (там же, 249); Пушкин свою няню просто любил (Роз., В. д. ч., 257); Таня ему нравится (Роз., В. п. р., 21); Он ее целует! (там же, 69) и т. п.

3.1.2.2. Актуально-синтаксический тип $S^a C^b - V^o$ с функцией обще-верификативной

Я эту статью читал. Его работа данный вопрос не решает. Мы в горы поехали! Я его в самом деле не видел!

Данный тип, по своей структуре очень похожий на предыдущий, отличается от него своей общей коммуникативной функцией. Между тем как там приноси-

⁶⁰ Балли в своей классификации не выделяет данный тип вопросов, он отнес бы их, очевидно, к „полным диктальным“, но нужно иметь в виду различия между вопросами типа *Что сделал брат?* (Брат переработал свою статью) || *Что сделал брат со своей статьей?* (Брат свою статью переработал).

⁶¹ Этому способствует как фактор ритмический (местоимения склонны к энклитичности), так и сильная степень индивидуализованности этих местоимений. Различия в постановке существительных и местоимений подробно описывает Рогова [65]. По отношению к словацкому языку над этим вопросом задумывается Мистрик [180], который задает себе вопрос, что было примарным фактором при фиксировании положения местоимений на втором месте в предложении (энклитичность местоимений или актуальное членение) и приходит к заключению, что им было актуальное членение.

лась новая информация о действии, касающемся двух субстанций, или об отношении между ними, здесь только подтверждается или отрицается заранее высказанное или предполагаемое мнение о действии или отношении, так что новая информация заключается лишь в положительной или отрицательной модальности.

Такой тип предложений, конечно, возможен лишь в специальной конситуации, где содержится вопрос о реальности или нереальности какой-то мысли, или где было высказано мнение, которое говорящий считает неправильным. К предложениям данного типа относятся т. наз. „полные модальные вопросы“ (по терминологии Балли). Вместе с Боулинджером и Фирбасом эти предложения можно характеризовать как предложения „2-ой инстанции“.

Как же отражается обще-верификативный характер предложений данного типа в их внутреннем лексико-грамматическом составе?

Во многих предложениях этот характер явно вытекает из самих лексем, расположенных в указанном порядке. Так это в следующих двух случаях:

а) Когда глагол относится к классу глаголов наличия и не может переходить в класс глаголов процессуальных, как в примерах: *Ошибка в работе есть, Никаких новых мыслей в работе не имеется* и т. п.

б) Когда между V и С есть заранее данная семантическая связанность, отношение взаимообусловленности, предикции: *читать газету, писать письмо, идти в школу, лежать на столе, находиться в комнате* и т. д. Ср.: *Отец газету читал, Брат письмо не написал, Дети в школу пошли, Книги на столе не лежали* и т. д. Это, в конце концов, совершенно понятно, т. к. ясно, что, например, после компонентов *Отец газету* глагол *читать* уже не может приносить новую информацию о самом действии, а следовательно, может приносить лишь информацию, о положительной или отрицательной модальности: *Отец газету читал, Отец газету не читал*. Ср., например, следующие пары предложений: *Ученый статью написал* (тип обще-верификативный) || *Ученый статью сократил* (предложение может носить как обще-информативный, так и обще-верификативный характер, в зависимости от конситуации). Аналогично: *Брат это письмо читал* || *Брат это письмо разорвал; Книги на столе лежали* || *Книги на столе мешали* и т. д.

Там где обще-верификативный характер предложения не вытекает из самого лексического склада предложения, он может сигнализироваться разными дополнительными средствами, например, контрастным фразовым ударением, разными усилительно-выделительными словами и т. д.

Частотность данного типа, как вообще частотность всех верификативных типов, в языке сравнительно невелика. Несколько примеров:

[Семен Петрович... ваше право ругать. Ругайте, но отпустите...] — Я вас отпущу (Ник., Б. в п., 47); [Я искала целый день...] Я его нашла (Бон., Т., 70); [Дампфер ошибался.] Алексей ничего не забыл (Акс., К., 134); [— Но рано хороните моего отца и меня.] — Мы никого не хороним (Бон., Т., 272) и т. п.

К обще-верификативной функции в большей или меньшей степени практически тяготеют все предложения с отрицательным глаголом в функции ядра. Это естественно, т. к. если мы возьмем, например, предложение *Ты никуда не пойдешь* (Пан., С. р., 570), или *Она об тебе не сохнет, не горюй* (Шол., Т. Д., 214), то нам ясно, что в предшествующей конситуации должен был возникнуть вопрос, *пойдет или нет, сохнет или нет*, а данные предложения представляют собой реакцию на эти вопросы. Правда, не всегда ситуация бывает столь однозначна. Предложения часто стоят на границе между типом информативным и верификативным, как в примерах:

Я с заводом не справлюсь (Ник., Б. в п., 46); [Ты забыл о коллективе.] А коллектив про тебя не забыл (там же, 607); [Степан Артемович вышел из игры.] Но эта победа меня не радовала (Тендр., З. б. д., 266) и т. п.

3.1.3. Линейно-динамическая структура $C - S - V$

Об актуально-синтаксических типах, возникающих на базе указанной линейно-динамической структуры, обще-информативном $C^a S^b - V^{\omega}$ и обще-верификативном $C^a S^b - V^{\omega'}$, можно повторить почти все, что было сказано выше о типах на базе структуры $S - C - V$. Единственное различие между ними заключается в выборе первой основы: *Ученый статью сократил.* || *Статью ученый сократил.* Ограничимся поэтому только иллюстративными примерами:

3.1.3.1. Обще-информативный тип $C^a S^b - V^{\omega}$

Статью ученый сократил. Машину мы продали. К этому все привыкли.
Ср.:

Постель Захарыча комендантша унесла (Кузн., П. л., 197); Частную практику отца она презирала (Пан., С. р., 69); К неожиданным поступкам Самгина все привыкли (Горьк., К. С. I, 10); О Даше они забыли (А. Толст., С., 74); От чая мы отказались (Пауст., з. п.) и т. п.

3.1.3.2. Обще-верификативный тип $C^a S^b - V^{\omega'}$

Статью ученый написал. В Москву Сергей не поехал. План мы в"ыполним!
План мы обя"ательно выполним! Ср.:

[Если что, стукни телеграмму, и я брошу все и явлюсь перед светлыми очами твоими. Хотя знаю, что] телеграмму ты не стукнешь (Бон., Т., 278); [Я на Лубянку пойду, к министру пойду — все узнаю ...] До министра ты не дойдешь (там же, 222) и т. п.

Есть, однако, одно различие между типами со структурой $S - C - V$ и $C - S - V$. Между тем как первые в русском языке чаще всего заменяются синонимичными типами с фразовым ударением в середине см. стр. 70), то о последних этого сказать нельзя. Поэтому их частотность несколько выше.

3.1.4. Линейно-динамическая структура $C - V - S$

В актуально-синтаксических типах, возникающих на базе указанной линейно-динамической структуры, подлежащее или входит в состав комплексного ядра,

или само является ядром, чем данные типы довольно существенно отличаются от предыдущих типов.

3.1.4.1. Актуально-синтаксический тип $C^x - (V + S)^o$ с функцией обще-информативной

В данном случае нужно будет отдельно рассмотреть случаи с Co (объектным дополнением) и с Cd (обстоятельственным дополнением), поскольку в зависимости от этого различия предложения получают довольно разный характер.

3.1.4.1.1. Разновидность с Co

Петра укусила собака. Людей охватила паника. Меня интересует живопись.

Основой в этом типе является объектное дополнение, глагол вместе с подлежащим образует комплексное ядро.

В функции Co выступают те же существительные, что и в функции S в типе $S^x - (V + C)^o$, т. е. очень широкий класс существительных со значением лиц и конкретных предметов. Степень индивидуализованности Co обычно очень высока (им бывают собственные имена, личные местоимения и т. д.). Глагол относится к классу глаголов в широком смысле процессуальных. Подлежащее семантически связано с глаголом и отличается низкой степенью индивидуализованности. Семантическая связанность V и S заключается в том, что семантикой глагола детерминируется круг существительных, которые будут следовать после него. Так, например, после сегмента *Петра укусила...* можно ожидать существительное класса названий животных, как, например, *собака, змея, кошка, лошадь* и т. д., после *Людей охватила...* — существительное, обозначающее психическое состояние, например: *злость, ярость, паника* и т. д.

Можно сказать, что S здесь фактически входит в точное название какого-то действия, теряя до некоторой степени характер логического субъекта данного факта. Ср.:

Хутор потрясали события (Шол., 3. п.); Старуху одолевала сон (Горьк., 3. п.); Максимова разобрала злость (Акс., К., 13); Зорные сумерки гасила густая мгла (Ник., Б. в п., 44); Слова Степана Артемовича перебил возмущенный гул голосов (Тендр., 3. б. д., 212) и т. п.

Данный актуально-синтаксический тип функционирует в конситуациях, эксплицитно или имплицитно содержащих Co (можно спрашивать *Что происходит с данным объектом?* или просто *Что происходит?*)

Во многих других языках, например, в английском или французском, в такой конситуации нужно воспользоваться пассивом.⁶² И в русском языке в данных предложениях чувствуется некоторое пассивное значение, и их легко можно трансформировать в пассивные. Ср. *Слова Степана Артемовича перебил возмущенный гул голосов* → *Слова Степана Артемовича были перебиты возмущенным гулом голосов* и т. д.

К данному типу можно, с некоторой оговоркой, отнести и такие случаи, где *Со* имеет вовсе не объектный характер, а характер неактивного субъекта действия⁶³ (чаще всего в такой функции выступает дательный падеж и родительный с предлогом *у*). Для таких случаев данный актуальный тип является самым нейтральным. Ср.:

Ему послышались негромкие голоса за дверями (Никул., С н. с., 159); *Ему* вдруг вспомнилась Женья (Гран., И. п. г., 75); *Даше* представился парк с развесистыми деревьями (Ник., Б. в п., 49); *У Максимова* погасла сигарета (Акс., К., 15); *У вас* есть дочь (Тендр., 3. б. д., 111) и т. п.

3.1.4.1.2. Разновидность с *Cd*

На столе стояла ваза. В углу валялись книги. В комнату вошли люди. К Петровым пришли гости.

Основой здесь является обстоятельственное дополнение, *Cd*, т. е. компонент, в котором сочетается значение субстанции со значением места или направления и который семантически связан с глаголом. Данный тип употребляется тогда, когда нужно сообщить комплексный факт, имеющий отношение к данному месту-субстанции.

Конситуация мало специфицирована, почти нейтральна: дано (известно) только *Cd*. Возможный вопрос: *Что происходит (произошло, будет происходить) на данном месте? Что можно сказать о данном месте?* и т. п.

Характеристика лексико-грамматического состава: *Cd* — место-субстанция, т. е. место или направление, обозначенное через субстанцию; *V* — глагол, относящийся к классу глаголов, способных относиться и к процессуальным и к экзистенциальным; в данном типе преобладает значение второе, т. е. значение наличия, присутствия, проявления: *На диване сидел мальчик* (= „присутствовал, сидя“), *По парку гуляли влюбленные* („присутствовали, гуляя“) и т. п. Между *Cd* и *V* имеется грамматическая связь и семантическая взаимообусловленность. *S* — предмет, способный наличествовать данным способом в данном месте, т. е. также семантически связанный с глаголом. *S* представлен существительным с низкой степенью индивидуализованности (иначе он не мог бы объединяться с глаголом в комплексное ядро).

Фразовое ударение слабое. Потенциальная пауза между *C* и *V + S* реализуется лишь при большой распространенности компонентов. Частотность данного типа очень высока, это один из самых обычных типов. Ср.:

На площадке стояли люди (Ник., Б. в п., 12); На столе лежало письмо (Пан., С., 137); У стенда толпились рабочие (Ник., Б. в п., 68); Из кино выходили люди (там же, 7); К причалу бегут женщины (Акс., К., 31) и т. п.

⁶³ Это можно объяснить так, что такие предложения являются трансформами предложений с именительным падежом. См. по этому поводу статью И. Заичковой *Transformační analýza bezpředložkového adverbálního dativu v ruštině*, Čsl. rusistika IX, 1964, 202—207, и статью автора *К вопросу о трансформационном анализе предложений без номинатива и с нейдерным номинативом в современном русском языке*, Slavica Pragensia VII, Praha 1965, 63—75.

3.1.4.2. Актуально-синтаксический тип $(C + V)^{\alpha} - S^{\omega}$ с функцией частно-информативной или частно-верификативной

Это письмо писала Ольга. В Прагу поедет Сергей. Об этом говорил даже товарищ директор.

Этот тип имеет место тогда, когда актуальная информация заключается в названии одного только S. Он делится на комплексную основу $(C + V)^{\alpha}$ и самостоятельное ядро S^{ω} .

Такое актуальное членение предполагает конситуацию, в которой содержится C и V, т. е. заранее известна большая часть вещественной информации. Здесь возможен вопрос типа: *Кто писал это письмо? Кто поедет в Прагу?* и т. д., т. е. т. наз. „частичный диктальный вопрос.“

Отнесенность к частно-информативному (частно-верификативному) типу отражается также во внутреннем лексико-грамматическом составе предложения. Между V и S нет семантической взаимообусловленности, между C и V она бывает. S в большинстве случаев сильно индивидуализовано:

Место для лагеря выбрал Петр Петрович (Федин, з. п.); Вот этот омлет из яичного порошка жарила моя сестра (Бон., Т., 9); [Это была первая похвала за все дни моей работы на стройке.] И ее сказала она, Тоня (Кузн., П. л., 141); [Мне магнитка не подчиняется.] Мне подчиняетесь вы! (Ник., Б. в п., 31) и т. п.

Там, где семантическая структура предложения допускала бы и отнесение к обще-информативному типу, или там, где нужно подчеркнуть частно-информативный или частно-верификативный характер предложения, могут употребляться дополнительные средства, как-то: контрастное ударение, выделяющие слова, подчеркнутая пауза перед S. Например: *Петра укусила собака* || *Петра укусила соб"ака. Петра укусила именно собака. Петра укусила — собака.* Ср.:

Ее пугал только Василий Васильевич (Ник., Б. в п., 63); В московской квартире оставались лишь мать и домашняя работница (там же, 12) и т. п.

3.1.5. Линейно-динамическая структура $V - S - C$

При этом линейно-динамическом оформлении нужно различать случаи, представляющие собой только стилистические варианты типов с линейно-динамической структурой $S - V - C$, от случаев, где данное словорасположение вызвано тем, что глагол является примарной основой. Первая ситуация бывает у обще-информативного типа $(V - S^{\alpha} - C)^{\omega}$, вторая у частно-информативного $V^{\alpha}S^{\beta} - C^{\omega}$.

3.1.5.1. Актуально-синтаксический тип $(V - S^{\alpha} - C)^{\omega}$ с функцией обще-информативной

Увидела девочка волка. Пошел старик в лес. Встретил я друга.

Этот тип является лишь стилистическим вариантом типа $S^{\alpha} - (V + C)^{\omega}$, ср.
66 *Старик пошел в лес* || *Пошел старик в лес.* Членится на основу S^{α} и комплексное

ядро ($V - C$)⁰; основа включена в ядро, находится между его компонентами; назовем ее поэтому интраядерной основой.

Предложения этого типа ярко стилистически окрашены, относятся к эпическому, повествовательному стилю с народной и типично русской окраской.

Это, по всей вероятности, древний славянский тип. Он в большом количестве встречается в русских былинах и сказках, в былинах даже более распространен, чем $S^2 - (V + C)^0$, как вытекает из статистики М. И. Воскресенского [13]. Этот тип довольно обычен и в чешских сказках, пословицах и поговорках, как, например, *Trefila kosa na kámen* и т. п.

В современном русском языке этот тип имеет небольшую частотность. В художественной прозе он встречается лишь у некоторых авторов, например, у Шолохова:

Пахла выветренная, истощенная земля пылью, солнцем (Шол., Т. Д., 80); Лоснится земля невпитанной влагой (там же, 33); [Григорий побледнел:] тронул отец незарубцованную болячку (там же, 227) и т. п.

У других авторов этот тип встречается редко, причем чаще всего в речи персонажей:

— Нарушает Богданов порядки (Кон., И., 10, 47); «Сорвала бабенка собрание» — подумал Бахирев (Ник., Б. в п., 459).

Сравнительно чаще этот тип встречается лишь тогда, если S выражено личным местоимением:

Докладывал я директору (Ник., Б. в п., 80); Попрошался я с товарищами (Шол., С. ч., 66); Иду я по лагерному двору (там же, 66); Сел я на землю (там же, 59); Сели мы в эту лодочку, взяли удочки (Магн. з.) Вспомнил он свое детство (Тургенев, з. п.) и т. п.

3.1.5.2. Актуально-синтаксический тип $(V + S)^2 - C^0$ с функцией частно-информативной или частно-верификативной

Любит Павел Нину. Выбрали они Сергея. Заказывал я другую книгу. Пошел он, наверно, в кино.

По своему значению и по своей функции этот тип очень близок частно-информативному типу $(S + V)^2 - C^0$ (см. стр. 59), но он не тождественен ему. Он отличается от последнего тем, что самой существенной составной частью основы здесь является глагол, а не подлежащее, которое, как несущественное и само собой разумеющееся, отодвигается на задний план. Порядок слов здесь, следовательно, дается актуальным членением, а не только факторами стилистическими, как это было у предыдущего обще-информативного типа. При данной линейно-динамической структуре более ярко выступает частно-информативный характер предложения, чем при структуре $S - V - C$. Ср.:

Говорила Лидия что-то глупенькое и детское (Горьк., К. С. I, 182); Жил Прейс на тихой улице во втором этаже небольшого особняка (там же, 123); Ведь любит-то он только Веру Веселину (Акс., К., 22) и т. п.

3.1.6. Линейно-динамическая структура $V - C - S$

Типы с этой линейно-динамической структурой представляют собой своего рода видоизменения типов со структурой $C - V - S$. Об их стилистической окраске можно сказать приблизительно то же самое, что и об окраске типов со структурой $V - S - C$.

3.1.6.1. Обще-информативный тип $(V + C^x + S)^o$

Укусила Петра собака. Вернулись с каникул школьники. Пришли к Петровым гости. Стоял недалеко от дома одинокий дуб.

Этот тип представляет собой лишь стилистический вариант типа $C^x - (V + S)^o$; выполняет те же актуально-синтаксические функции, имеет то же комплексное ядро, содержащее компоненты $V + S$, но основа C^x помещена между компонентами комплексного ядра, становясь таким образом т. наз. интраядерной основой.

О стилистической окраске этого типа можно сказать приблизительно то же самое, что и об окраске типа $(V + S^x + C)^o$: он присущ эпическому, несколько фольклорно окрашенному стилю. В художественной литературе относительно часто встречается лишь у некоторых авторов, например, у Шолохова и некоторых других:

Приехали с рубки казаки (Шол., Т. Д., 58); Плясал по Дону ветер (там же, 126); Подскакал на косматой лошади сотник (Кон., И., 9, 2); Шныряли в толпе продавцы папирос, спичек и краденых вещей (А. Толстой, з. п.); Точили змлю невидимые ручьи (Тендр., Ч., 75) и т. п.

3.1.6.2. Частно-информативный (или частно-верификативный) тип $(V + C)^x - S^o$

Писала это письмо Ольга. Поедет в Прагу Сергей. Говорил об этом даже товарищ директор.

Этот тип близок частно-информативному типу $(C + V)^x - S^o$, отличаясь от него только тем, что на первое место в предложении выдвигается глагол, который приобретает таким образом большую значимость. Ср.:

Вел собрание Чубасов (Ник., Б. в. п., 429); Провожал Лизу Виктор (А. Островский, з. п.); Разбудили ее тяжелые шаги и беготня по палубе (А. Н. Толстой, з. п.); Руководит построением учитель физкультуры Кузьма Демьянович (Тендр., З. б. д., 270) и т. п.

Как и у других частно-информативных типов, и здесь часто стоит перед ядром какое-нибудь усилительно-выделительное слово:

Потерял спокойствие один Чубасов (Ник., Б. в. п., 495); Знала об этом только школа (Тендр., З. б. д., 273); Заразился этим мистическим энтузиазмом и старик Гаген (Кон., И., 10, 66); Держит и непонятная жалость к Тоне (Тендр., З. б. д., 323) и т. п.

3.1.7. Подведем некоторые итоги главе 3.1. Шесть линейно-динамических структур, которые там описаны, можно разделить на три группы: 1. $S - V - C$ и $V - S - C$; 2. $C - V - S$ и $V - C - S$; 3. $S - C - V$ и $C - S - V$. На базе

структур первой группы возникает два обще-информативных актуально-синтаксических типа с комплексным ядром $(V + C)^{\omega}$, с одинаковой актуально-синтаксической функцией, но с разной стилистической окраской, и два частно-информативных (или же частно-верификативных) типа с простым ядром C , с аналогичной актуально-синтаксической функцией (в типе $(V + S)^{\alpha} - C^{\omega}$ эта функция более ярко выражена). На базе структур второй группы аналогично возникают два обще-информативных типа с комплексным ядром $(V + S)^{\omega}$ и два частно-информативных типа с простым ядром S . На базе структур третьей группы возникают актуально-синтаксические типы с простым ядром V ; они могут выполнять актуально-синтаксическую функцию обще-информативную или обще-верификативную.

3.2. Фразовое ударение в середине предложения

Линейно-динамические структуры с фразовым ударением в середине в целом намного малочисленнее, чем структуры с фразовым ударением в конце. Частотность этих структур в значительной степени зависит от стиля. В разговорном, и вообще в устном, языке они намного чаще, чем в письменных стилях (см. выше стр. 43–45). В целом можно сказать, что они более экспрессивны (эмфатичны), чем структуры с акцентировкой в конце предложения. Это общее положение, однако, не касается структур с акцентированным глаголом в середине ($S - V - C$ и $C - V - S$), которые совершенно нейтральны в стилистическом и эмфатическом отношении.

С точки зрения актуально-синтаксической функции данные структуры представляют собой функциональные эквиваленты (синонимы) соответствующих структур с ударением в конце. С каждой структурой с динамической кульминацией в конце можно сопоставить одну структуру с динамической кульминацией в середине; то же самое относится и к актуально-синтаксическим типам. Например, с линейно-динамической структурой $C - V - S$ можно сопоставить функционально эквивалентную структуру $C - S - V$, причем с обще-информативным типом $C^{\alpha} - (V + S)^{\omega}$ соотносится синонимичный тип $C^{\alpha} - (S + V)^{\omega}$, а с частно-информативным или частно-верификативным $(C + V)^{\alpha} - S^{\omega}$ синонимичный тип $C^{\alpha} - S - V^{\alpha'}$. Ср., например *К нам приехал дядя* || *К нам д'ядя приехал; Вам поможет Павел* || *Вам П'авел поможет* и т. п.

С точки зрения стилистической окраски можно все линейно-динамические структуры с динамической кульминацией в середине разделить на три группы: 1. стилистически нейтральные структуры $S - V - C$ и $C - V - S$, 2. выразительно разговорные структуры $S - C - V$ и $C - S - V$ и 3. стилистически окрашенные, но не разговорные структуры $V - C - S$ и $V - S - C$, встречающиеся чаще всего в авторской речи художественной литературы.

3.2.1. Стилистически нейтральные структуры $S - V - C$ и $C - V - S$.

3.2.1.1. Линейно-динамическая структура $S - V - C$

Данная линейно-динамическая структура в русском языке употребляется чаще, чем соответствующая ей структура $S - C - V$ (см. стр. 60–63). Стилистически она вполне нейтральна, можно даже сказать, что она нейтральнее, чем структура с ударяемым глаголом в конце. На базе этой структуры основаны два актуально-синтаксических типа, обще-информативный и обще-верификативный.

3.2.1.1.1. Обще-информативный тип $S^a - V^{\omega} - C^{\beta}$ очень распространен в русском языке. Чаще всего в нем фигурирует глагол, обозначающий отношение между субъектом и объектом или влияние субъекта на объект (в сфере психической, эмоциональной и т. п.):

Унизительная процедура волновала Григория (Шол., Т. Д., 230); Общий добродушный смех успокоил Анну (Пол., Г. т., 6); Семка Городничий привык к своей болезни (Пан., С. р., 558); Главный инженер понравился Зеленину (Акс., К., 69); Игорь обожал эту девочку (Пан., С., 62) и т. п.

Реже в этом типе встречается глагол, обозначающий какое-то конкретное действие (там обычнее структура $S - C - V$, кроме случаев, где C представлено личным местоимением):

Катя увела сына (Ник., Б. в п., 20); Даша потрогала их [серёжки] (там же, 49); Катя благодарила его (там же, 19) и т. п.

3.2.1.1.2. Обще-верификативный тип $S^z - V^{\omega'} - C^{\beta}$ также вполне обычный и распространенный. Ср.:

[Тогда прошу вас выйти немедленно! И взять у секретаря документы. Если вы их сдали! — Спасибо.] Но я не сдал документы (Бон., Т., 100); [Ты действительно меня любишь?...] Я люблю тебя (там же, 191); [Когда пришел отец, Власьева бросилась к нему с жалобами.] И отец не защитил Тину (Ник., Б. в п., 108); [Нехаева часто нашептывала такие болезненные чувственные стихи, и она всегда будила в Климе вполне определенные эмоции.] Алина не будила таких эмоций (Горьк., К. С. I, 74); [... или вы можете приходить к нам.] — Нет, я не придую к вам (Роз., В. п. р., 93) и т. п.

3.2.1.2. Линейно-динамическая структура $C - V - S$

Данная линейно-динамическая структура употребляется приблизительно одинаково часто, как и функционально эквивалентная структура $C - S - V$ (см. стр. 63). Кажется, что настоящая структура преобладает, если C представлено личным местоимением.

3.2.1.2.1. Обще-информативный тип $C^a - V^{\omega'} - S^{\beta}$:

Беридзе взволновало письмо (Аж., Д. о. М., 396); Игорю льстило такое доверие (Гран., П. с., 6, 15); Матери понравилась картина (Горьк., з. п.); Ей мешали посторонние (Ник., Б. в п., 285); Ей нравились эти ребята (Акс., К., 24); Ее любили раненые (Пан., С., 104) и т. п.

3.2.1.2.2. Обще-верификативный тип $S^{\alpha} - V^{\omega'} - S^{\beta}$:

Вас, мамаша, не измен⁷ила литература: [вы остались доброй пожилой женщиной, полной и высокого роста.] (Горьк., М., 481); [Она подурнела за лето, но] статной фигуры ее почти не по⁸ртила беременность (Шол., Т. Д., 215) и т. п.

3.2.2. Выразительно разговорные структуры $S - C - V$ и $C - S - V$

Широкое распространение этих линейно-динамических структур (и им подобных с бóльшим количеством компонентов) является одним из самых характерных признаков разговорного стиля русского языка. В письменных стилях они почти не встречаются, зато для разговорного языка людей всех социальных групп они необычайно типичны.

3.2.2.1. Линейно-динамическая структура $S - C - V$

Данная структура представляет собой стилистически окрашенный функциональный эквивалент структуры $S - V - C$ (см. стр. 57–60). На базе этой структуры возникает два актуально-синтаксических типа:

3.2.2.1.1. Обще-информативный тип $S^{\alpha} - (C + V)^{\omega}$:

Я самов⁹ар поставила (Горьк., М., 245); Я люб¹⁰овницу заведу (там же, 414); Тетя Настя котл¹¹еты жарит (Роз., в д. ч. 232); [Сидишь, сукин сын,] а немец к Москв¹²е прорывается (Аж., Д. о. М., 390); Григорий по гастрон¹³омам бегают (Бон., Т., 291) и т. п.

То, что авторы хорошо отражают живой разговорный язык, доказывают, магнитофонные записи естественных диалогов:

[Я кнедлики не ем, нет. — Нет, ну я знаю] ты т¹⁴алию сохраняешь; [Ну потом мы рассказали что] он по рек¹⁵е плыл и т. п.

В данном типе имеется комплексное ядро, но компоненты его расположены в инверсивном, маркированном порядке.⁶⁴

3.2.2.1.2. Частно-информативный (или частно-верификативный) тип

$S^{\alpha} - C^{\omega} - V^{\alpha'}$:

[Олег: Ты знаешь, мне даже кажется, что он тебя бьет. Геннадий: Конечно, бьет ...] Он и м¹⁶ать бьет (Роз., В п. р., 22); [Они подошли к машине, Воробйцев открыл дверцы, но Чохов сказал:] Я п¹⁷оездом поеду (Каз., Д. н. п., 402); [За что ж ты?] Я за сов¹⁸етом пришла (Шол., Т. Д., 80); [Я же не хулиганить бегал!] Я же к Ст¹⁹алину бегал! (Ник., Б. в п., 20); Я не на вокз²⁰ал еду, [а совсем, с ним, к тете Оле.] (Роз., В п. р., 303) и т. п.

⁶⁴ Здесь, очевидно, проявляется упомянутая уже тенденция разговорного языка, высказывать как можно раньше то, что в данном предложении считается самым существенным, и только потом присоединять элементы менее существенные (т. е. то, что Браун [118] называет „psychologische Staffellung“ и А. С. Мельничук [42] „инверсивным порядком внутри синтагмы“).

3.2.2.2. Линейно-динамическая структура $C - S - V$ (функциональный эквивалент структуры $C - V - S$, см. стр. 63–66)

3.2.2.2.1. Обще-информативный тип $C^z - (S + V)^o$:

— Сережа! Тебя Г"уров ищет! (Ник., Б. в п., 546); [А что там все-таки случилось?] Лесника медв"едь задрал (Акс., К., 119); Ко мне бр"ат приехал (Роз., В д. ч., 232); [Я вижу: светлые глазастые дома отражаются в теплой воде, пальмы качаются,] по бетонированным магистралям стеклянные автомоб"или летят (Акс., К., 86); [Как-то идем раз в общежитие] и как раз на углу Полонского какие-то две д"евушки идут (Магн. з.) и т. п.

3.2.2.2.2. Частно-информативный (или частно-верификативный) тип $C^z - S^o - V^z$:

Это Лев Толст"ой внушает (Горьк., К. С., I, 258); Это "я сказала, [я первая, а не он!] (там же, 18); [Денег с меня больше не спрашивай,] тебя П"ашка прокормит (Горьк., М., 414); Тут на кровати Х"олмин спал (Бон., Т., 293) [Я коньком не распоряжаюсь.] У него хоз"яйка есть (Ник., Б. в п., 55); [Первый тайм там играл наш Морозов...] А во втором тайме Лобан"овский вышел (Магн. з.) и т. п.

3.2.3. Стилистически окрашенные, но не разговорные структуры $V - C - S$ и $V - S - C$

Такие линейно-динамические структуры в современном русском языке встречаются крайне редко. Предложения с этими структурами относятся к стилистически окрашенному эпическому стилю. Ср.:

Повернула г"олову Радда (Горьк., М. Ч., 11); Прянул в ст"орону Лойко (там же, 14); Дрожали ус"ы у старого Данилы (там же, 16) и т. п.

3.3. Фразовое ударение в начале предложения

Предложения с фразовым ударением в начале (по терминологии Матезиуса с „субъективным“ порядком) отличаются большой экспрессивностью.

Ядро в таких предложениях стоит перед основой. Тем самым основа до некоторой степени меняет свой характер,⁶⁵ т. к. она перестает быть исходным пунктом, отправной точкой. Однако основной признак основы, ее данность, остается и здесь.

В стилистическом отношении рассматриваемые предложения относятся к двум областям: 1. к разговорному языку, особенно взволнованному и эмоционально окрашенному, и 2. к авторской речи художественной литературы, особенно в эмоционально окрашенных местах. Степень экспрессивности (эмфатичности, эмоциональности), однако, не во всех случаях одинаково высокая.

⁶⁵ Именно поэтому Мельничук различает понятия „исходная синтагма“ (фактически основа, предшествующая ядру) и „дополнительная синтагма“ (фактически основа, следующая за ядром).

С точки зрения своих актуально-синтаксических функций данные предложения являются функциональными эквивалентами (синонимами) предложений с динамической кульминацией в конце и в середине предложения. Ср.: *Он пошел в те"атр* || *Он в те"атр пошел* || *В те"атр он пошел*; *Его охватило волн"ение* || *Его волн"ение охватило* || *Волн"ение охватило его*; *Петр Павла не л"юбит* || *Петр не л"юбит Павла* || *Не л"юбит Петр Павла* и т. д.

Такие варианты могут функционировать в одинаковых конситуациях, приносят одинаковую актуальную информацию, но отличаются по своей стилистической окраске, экспрессивности, эмоциональности и вообще интенсивности.⁶⁶

Предложения с фразовым ударением в начале не отличаются большой частотностью. Больше всего предложений с подлежащим на первом месте, меньше — с глаголом, а предложения с дополнением на первом месте встречаются лишь в порядке исключения.

Расположение членов, находящихся после фразового ударения, т. е. второго и третьего компонента, с точки зрения актуального членения более или менее irrelevantно и зависит в основном от факторов ритмического характера: тот компонент, который короче (больше склонен к энклитичности), стоит на втором месте в предложении.

3.3.1. Линейно-динамическая структура S — V — C

Эта линейно-динамическая структура самая распространенная из всех структур с фразовым ударением на первом компоненте.

Довольно правдоподобно, что причиной этого обстоятельства является то, что порядок S — V — C, независимо от акцентировки, больше других отвечает грамматическому характеру этих компонентов (S тяготеет к начальному положению, V к среднему и т. д.), а кроме того, он из всех расположений S, V, C самый частый (главным образом благодаря самому частотному типу S² — (V + C)⁰). Поэтому говорящие предпочитают выражать актуальное членение акцентировкой, вместо того чтобы менять этот типичный порядок слов. Этой гипотезе вполне соответствует также большая распространенность в русском языке типа S² — V⁰ — C^β, чем S²C^β — V⁰.

Степень экспрессивности может быть и не очень высокой. Ср.:

3.3.1.1. Обще-информативный тип:

Теплая р"адость захлестнула сердце Алексея (Акс., К., 153); Безразл"ичие оковало Григория (Шол., Т. Д., 104); Неистовый кр"ик поднялся в толпе (А. Толст., С., 252); Тишин"а была в квартире (Бон., Т., 160); Гигантский "опыт стоял позади (Ник., Б. в п., 24) и т. п.

⁶⁶ Об этом пишет, например, В. К. Чичагов [97], 46, который различает т. наз. „усилительные структуры“ (с фразовым ударением в конце), „убывающие“ (с ф. уд. в начале) и „смешанные“ (с ф. уд. в середине) и говорит, что усилительные звучат „тише всех“, смешанные „громче“ и убывающие „громче всех“. Он считает, что при продвижении ф. уд. к началу не всегда повышается эмоциональность, но всегда повышается „громкость“. Приблизительно в том же духе пишет и В. С. Юрченко [101], 141, который, сравнивая предложения с ф. уд. в конце, в середине и в начале предложения, замечает, что „сила интонационного акцента во втором предложении выше, чем в первом, а в третьем выше, чем во втором.“

3.3.1.2. Частно-информативный (или частно-верификативный) тип:

[Анатолий Матвеевич, это вы ко мне Короткова подослали? ... Нет, не я ...] Весь кл"асс послал его (Тендр., Ч., 31); [Катя уехала с компанией к знакомым в Заречье ... Мир неожиданно опустел для Дмитрия ...] Душ"а ушла из дома (Ник., Б. в п., 75); Только тр"усы боятся чужих ушей! (Роз., Б. п. р., 89) и т. п.

3.3.2. Линейно-динамическая структура S — C — V

Поскольку порядок компонентов после ударения практически irrelevant, эта структура мало чем отличается от предыдущей. Но она намного менее распространена и используется чаще всего, если C — личное местоимение. Ср.:

3.3.2.1. Обще-информативный тип:

Ток"а меня взяла (Роз., В. д. ч., 284); [Тяжело сложилась жизнь у парня.] Пяти"о на нем есть (Акс., К., 82) и т. п.

3.3.2.2. Частно-информативный (частно-верификативный) тип:

[Что тебе понравилось?] Сер"ежка мне понравился (Магн. з.); [Люди тут с ума сходят. — Кто это?] — Я! "Я за тебя волнуюсь! (Роз., В. д. ч., 294); И т"ы этот пустой вопрос задаешь (Роз., В. д. ч., 284) и т. п.

3.3.3.—4. Линейно-динамические структуры V — S — C и V — C — S

Обе эти линейно-динамические структуры функционально эквивалентны структуре S — C — V (или C — S — V, различие между примарной и секундарной основой после ударения нейтрализуется). Предложения с этими структурами отличаются обычно высокой степенью эмфатичности. Ср.:

3.3.3. V — S — C:

Бо"юсь я его! (Горьк., М., 509); Надо"ели вы мне, и всё! (Роз., В. д. ч., 254); Любл"ю я этого дурака Сашку Зеленина (Акс., К., 186); Не любл"ю я тебя, Наташка (Шол., Г. Д., 146); Не зн"ают они России, эти профессора (А. Толст., С., 285) и т. д.

3.3.4. V — C — S:

Пов"ел их Данко (Горький, з. п.); Бо"ятся тебя наши девушки (Горьк., з. п.); Побь"ют нас большевики, [видит бог, побьют!] (Шол., П. ц. II, 39); Нет, не лъст"ила мужскому самолюбию Давыдова эта простенькая девичья любовь (там же, 39) и т. п.

3.3.5.—6. Линейно-динамическая структура C — V — S и C — S — V

Обе эти структуры функционально эквивалентны структуре S — V — C, но отличаются большей эмфатичностью и очень малой частотностью. Ср.:

3.3.5. C — V — S:

Пр'авду чувствуют дети (Кон., И., 10, 27); Не на пр'аздность жаловался Иудушка (С.-Щедрин, з. п.).

3.3.6. C — S — V:

О стр'ашном он думает (Горьк., М., 505);

4. ЛИНЕЙНО-ДИНАМИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ

С ЧЕТЫРЬМЯ КОМПОНЕНТАМИ — S, V, C₁, C₂

Такие структуры возникают тогда, когда глагол имеет трехместную валентность — подлежащее и два дополнения (комплемента): *Брат положил книгу на стол, Петр подарил Ольге цветы, Из коридора мы вошли в большой зал* и т. п.

Из четырех компонентов можно образовать 24 пермутации словорасположения. Однако, если учесть, что два компонента имеют одинаковый характер, то это число сокращается на 12. Поскольку фразовое ударение может быть на любом месте структуры, то в общей сложности получается 48 линейно-динамических структур. Так как на базе каждой линейно-динамической структуры возникают обычно два актуально-синтаксических типа, то количество актуально-синтаксических типов будет 96.

Эти 96 актуально-синтаксических типов употребляются далеко не в одинаковой мере. Подавляющее большинство всех предложений, содержащих указанные компоненты, относится к нескольким самым распространенным типам с фразовым ударением в конце; многие из 96 актуально-синтаксических типов встречаются лишь sporadически, а некоторые в нашем материале даже вовсе не представлены.

Закономерности функционирования четырехкомпонентных актуально-синтаксических типов во многом аналогичны закономерностям, которые мы уже рассматривали выше. Поэтому в этой главе мы обратим наше внимание в основном только на то, что здесь является новым.

4.1. Линейно-динамические структуры с фразовым ударением в конце предложения

4.1.1. Линейно-динамическая структура S — V — C₁ — C₂

Из двух компонентов C один бывает обычно более индивидуализованным и менее семантически связанным с глаголом, другой — менее индивидуализованным и более семантически связанным с глаголом. Если в позиции C₁ находится компонент более индивидуализованный, то возникает обще-информатив-

ный тип $S^{\alpha} - (V + C_1^{\beta} + C_2)^{\omega}$, если наоборот, то возникает частно-информативный (или частно-верификативный) тип $(S + V + C_1)^{\alpha} - C_2^{\omega}$.

4.1.1.1. Обще-информативный тип $S^{\alpha} - (V + C_1^{\beta} + C_2)^{\omega}$

Брат положил книгу на стол. Петр подарил Ольге цветы. Я поговорю об этом с товарищами.

Данный тип предложений состоит из основы и комплексного ядра. Комплексное ядро состоит из глагола (V) и его семантического пополнения (C_2), между которыми находится т. наз. интраядерная основа, т. е. компонент, который по одним признакам (данность, индивидуализованность) приближается к основе, по другим же (включенность в комплексное ядро, участие в назывании действия) — к составной части ядра.

Конситуация содержит понятие о S и C_1 . Актуальная информация заключается в сообщении комплексного действия, касающегося этих двух субстанций, но при этом C_1 как будто включается в само называние действия (в этом заключается различие между данным типом и типом $S^{\alpha}C_1^{\beta} - (V + C_2)^{\omega}$, где компонент C_1 имеет выраженный тематический характер, ср.: *Брат положил книгу на стол* || *Брат книгу положил на стол*).

Актуально-синтаксический тип $S^{\alpha} - (V + C_1^{\beta} + C_2)^{\omega}$ является одним из самых распространенных типов в русском языке. Ср.:

Константин кинул плащ на диван (Бон., Т., 145); Егоров разлил вино по рюмкам (Акс., К., 81); Даша показала письмо отцу (А. Толст., С., 101); Косов протянул Сергею пачку „Беломора“ (Бон., Т., 171); Бахирев обвел всех медленным тяжелым взглядом (Ник., Б. в п., 91) и т. п.

4.1.1.2. Частно-информативный (или частно-верификативный) тип $(S + V + C_1)^{\alpha} - C_2^{\omega}$

Петр подарил цветы Ольге. Он принес эту книгу мне. Мы послали в Москву Ивана. Мы послали его в Москву (а не в Ленинград).

Данный актуально-синтаксический тип функционирует в конситуациях, где существенная часть вещественной информации заранее известна, и нужно лишь уточнить один ее аспект. Во внутренней структуре предложения принадлежность к данному типу сигнализируется высокой индивидуализованностью компонента C_2 . Ср.:

Вы приносите вред не мне, [а тем ученикам, которые ждут сейчас вашего Уварова!] (Тендр., 3. б. д., 233); [Должна же Тоня в ком-то найти сочувствие.] Она нашла его в Акидине Акиндиновиче (Тендр., 3. б. д., 383); Любовь нашла Мишку на берегу Волги (Кон., И., 10) и т. п.

4.1.2. Линейно-динамическая структура $S - C_1 - V - C_2$

По своим функциям данная структура довольно близка предыдущей, отличаясь от нее лишь тем, что компонент C_1 имеет характер бесспорной тематической основы. Ср.:

4.1.2.1. Обще-информативный тип $S^2C_1^\beta - (V + C_1)^\omega$, например:

Брат эту книгу положил на стол. Петр Ольге подарил цветы. Я об этом поговорю с товарищами. Ср.:

Мы нашу жизнь подыдем на должную высоту! (Пан., С. р., 555); Никеша на двойняшек и Дашу не обращал внимания (Ник., Б. в п., 55); Эти речи у одних возбуждали слепое раздражение, [у других смутную тревогу.] (Горьк., М., 412) и т. п.

4.1.2.2. Частно-информативный (или частно-верификативный) тип

$S^2 + (C_1 + V)^\beta - C_2^\omega$, например:

Брат эту книгу подарил мне. Мы в Москву пошлем Петра. Мы его пошлем в Москву"у (а не в Ленинград).

4.1.3. Линейно-динамическая структура $C_1 - S - V - C_2$

По своим функциям данная структура близка двум предыдущим, отличаясь от них тем, что компонент C_1 выдвигается на место примарной основы, становясь таким образом отправной точкой всего сообщения. Ср.:

4.1.3.1. Обще-информативный тип $C_1^\alpha S^\beta - (V + C_2)^\omega$, например:

Эту книгу брат положил на стол. Ольге Петр подарил цветы. Меня товарищи послали домой. Ср.:

Григория горничная провела в дом (Шол., Т. Д., 175); Коньяк яростный борец с алкоголизмом поставил на подоконник (Акс., К., 118); На Кушзлю его поправка произвела неожиданное впечатление (Пан., С. р., 520); Из Главного штаба Арнольдов вышел на Дворцовую площадь (А. Толст., С., 124) и т. п.

4.1.3.2. Частно-информативный (или частно-верификативный) тип

$C_1^\alpha (S + V)^\beta - C_2^\omega$, например:

Эту книгу брат принес мне. Эти цветы брат подарил Ольге (а не тебе). *Его мы послали в Москву*"у (а не в Ленинград.) Ср.:

[Вот, говорят моряки, на корабле женщины приносят несчастье.] А в цех женщина принесла счастье! (Ник., Б. в п., 283).

4.1.4. Линейно-динамическая структура $C_1 - V - S - C_2$

встречается в современном русском языке только спорадически, поэтому можно ее не рассматривать.

4.1.5.—6. Линейно-динамические структуры

$V - S - C_1 - C_2$ и $V - C_1 - S - C_2$

Об этих, сравнительно редких, структурах можно сказать то же самое, что уже было выше сказано о структуре $V - S - C$ (см. стр. 66—67): выдвигание

глагола на первое место является или определенной стилизацией (у типов обще-информативных), или этим подчеркивается частно-информативный или частно-верификативный характер предложений. Примеров в нашем материале очень мало:

Поднял Коршунов на него в мутной слизи глаза (Шол., Т. Д., 91); Возил я на „Оплель-адмирале“ немца-инженера в чине майора армии (Шол., С. ч., 64); Женил его Прокофий на казачке — дочери соседа (Шол., Т. Д., 12); Завезла к нам в район стройконтора подушки для общежития лесозаготовителей (Ник., Б. в п., 193).

4.1.7.—9. Линейно-динамические структуры $S - C_1 - C_2 - V$,

$$C_1 - S - C_2 - V, C_1 - C_2 - S - V$$

Данные структуры выполняют функции аналогичные функциям структур $S - C - V$ и $C - S - V$ (см. стр. 60—63), отличаясь от последних лишь тем, что они содержат на один компонент больше. Как и там, здесь различаются актуально-синтаксические типы обще-информативные и обще-верификативные. Обще-верификативная функция наблюдается чаще. В общем предложений на базе данных структур довольно мало. Ср.:

4.1.7.1. Обще-информативный тип $S^a C_1^b C_2^c - V^w$, например:

Я тебя с ним познакомлю. Он нам обо всем рассказывал. Ср.:

Ну ладно, я тебе это припомню! (Роз., В п. р., 71); Я вот об этом Галине скажу (Роз., В д. ч., 245).

4.1.7.2. Обще-верификативный тип $S^a C_1^b C_2^c - V^{w'}$, например:

Брат книгу на стол положил. Сестра брату письмо не написала. Ср.:

[Это Коротков счастлив, ждет, что профессором станет ...] А я счастья в них не вижу (Тендр., Ч., 15); [А кто его знает? — с неохотой проговорил Константин] Я с ним чай не пил (Бон., Т., 221); Они ничего друг другу не сказали (Пан., С. р., 481); Никто тебя к нам в хутор не приглашал (Шол., П. ц., II, 93) и т. п.

4.1.8.1. Обще-информативный тип $C_1^a S^b C_2^c - V^w$:

Обо всем я тебе расскажу. Книжку я у него забыл.

4.1.8.2. Обще-верификативный тип $C_1^a S^b C_2^c - V^{w'}$, например:

Письмо сестра брату послала. Эту книгу ты домой не принес. Ср.:

Кровать она мне добыла (Пан., С. р., 490); Зла мы дитю своему не желаем (Шол., Т. Д., 74); Никакой рекомендации я тебе не дам, никогда не дам! (Бон., Т., 59); Коммуниста Уварова мы в обиду не дадим! (там же, 272) и т. п.

4.1.9. Структура $C_1 - C_2 - S - V$ в нашем материале не встретилась.

4.1.10. Линейно-динамическая структура $C_1 - C_2 - V - S$

Эта структура используется прежде всего для частно-информативного типа $(C_1 + C_2 + V)^\alpha - S^\omega$:

Дверь им открыла мама Зеленина (Акс., К., 153); [Два дня Давыдов проработал от зари до зари, не выходя из кузницы.] Обед ему приносила хозяйка (Шол., П. ц. II, 12);

4.1.11. Линейно-динамическая структура $C_1 - V - C_2 - S$

Эта структура выполняет аналогичные функции, как и структура $C - V - S$, с тем лишь различием, что здесь имеется на одну спецификацию глагольного действия больше. Встречаются здесь как обще-информативные, так и частно-информативные типы, но частотность этой структуры невелика.

4.1.11.1. Обще информативный тип $C_1^\alpha - (V + C_2^\beta + S)^\omega$:

Антошку Ариольдова схватила за плечо полная дама в пенсне (А. Толст., С., 25); Ему доставили наслаждение строгая логичность параграфов и умение выделить основное (Ник., Б. в п., 82); Из-под зубных щеток выглянули на свет два неожиданно ясных и даже наивных глаза (там же, 33).

4.1.11.2. Частно-информативный тип $C_1^\alpha (V + C_2)^\beta - S^\omega$:

[Упади здесь случайно самолет ...] летчикам и пассажирам окажет помощь он, Александр Зеленин (Акс., К., 50); [Я не утверждаю, что идеалисты не могут обладать личной дерзостью и активностью.] Но все-таки мир двигали вперед материалисты (Тендр., Ч., 71).

4.1.12. Примера на линейно-динамическую структуру $V - C_1 - C_2 - S$ в нашем материале не встретилось.

4.2. ЛДС с фразовым ударением не на последнем компоненте

Компоненты S , V , C_1 и C_2 могут организоваться в целый ряд линейно-динамических структур с фразовым ударением на втором месте с конца, например:

Она с твоего отца д'еньги потребует (Роз., В д. ч., 277); Даша почувствовала н'ежность к этому человеку (А. Толст., С., 35); За хорошее в жизни я советскую вл'ась благодарю (Конт., Д., 31); Университет ничем не удивил и не привл'ек Самгина (Горьк., К. С. I, 35), на третьем месте с конца, например:

Ты посл'еднее у меня отнимаешь! (Тендр., З. б. д., 330); [А контрреволюцию он тебе читал, ну? ... Какую контрреволюцию?] Он про прир'оду стихи писал (Бон., Т., 294); Один мой батальон почти тысячу человек в Россию отправил (Шол., Т. Д., 383); Я не выби-р'ал себе отца (Пан., С. р., 473); Из дворовых задних ворот сотник с взв'одом стремится к нам (Шол., Т. Д., 163)

и в начале, например:

По всей стране и далеко за ее пределы раскидала судьба Крупновых (Коп., И., 9, 3); "Ужас на него нагнала эта яма (Акс., К., 82); Жар ударил в лицо Бахиреву (Ник., Б. в п., 97):

Но, поскольку, во-первых, эти структуры отличаются очень небольшой частотностью, во-вторых, к ним относится то же самое, что мы уже сказали выше о стилистической характеристике и функциональной эквивалентности структур с фразовым ударением не в конце (см. стр. 69–75), мы не будем подробно разбирать эти структуры.

5. ЛИНЕЙНО-ДИНАМИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ, СОДЕРЖАЩИЕ КОМПОНЕНТ D

Компонент D, обстоятельство, ситуационная характеристика, не вытекающая из валентности глагола, относящаяся не прямо к глаголу, а ко всему предложению, встречается очень часто в линейно-динамических структурах.

Линейно-динамические структуры и актуально-синтаксические типы, содержащие компонент D, можно анализировать на фоне тех же структур и типов без этого компонента.

Будем исходить из предположения, что в начале, в конце и между отдельными компонентами структур и типов, которые мы описали выше, имеются пустые места, на которые можно поставить компонент D, и попытаемся установить, к каким это приведет результатам.

Так, например, возьмем трехкомпонентную структуру S – V – C, представленную обще-информативным типом $S^a - (V + C)^a$, например, *Брат принес книгу, Отец читает газету, Сестра поедет в Москву*; ставя на разные места этой структуры компонент D (например, *вчера, у окна, завтра*), мы получаем следующие предложения:

(1) *Вчера брат принес книгу, У окна отец читает газету, Завтра сестра поедет в Москву*

(2) *Брат вчера принес книгу, Отец у окна читает газету, Сестра завтра поедет в Москву*

(3) *Брат принес вчера книгу, Отец читает у окна газету, Сестра поедет завтра в Москву*

(4) *Брат принес книгу вчера, Отец читает газету у окна, Сестра поедет в Москву завтра*

Мы видим, что в случаях (1)–(3) характер прежнего актуально-синтаксического типа в целом не меняется; высказывание только уточняется, относится к определенной ситуации, снабжается определенными временными или пространственными кулисами; зато в случае (4) актуально-синтаксический

тип резко меняется, из обще-информативного он становится частно-информативным, куда весь прежний тип входит в качестве основы, а компонент D в качестве ядра.

5.1. Предложения (1)–(3) не очень отличаются друг от друга, поскольку компонент D остается все время в рамках основы. В случае (1) компонент D становится отправной точкой всего высказывания, **примарной основой** вводящего (интродуктивного) или ситуативного характера, к которой как будто относится все дальнейшее высказывание, начинающееся с секундарной основы тематического характера. Таким образом возникает целый ряд обще-информативных актуально-синтаксических типов с интродуктивной (ситуативной) примарной основой. Например:

$D^2S^{\beta} - V^{\omega}$, ср.:

В тот год зима запоздала (Горьк., К. С. I, 21); *После обеда Тоня гладила* (Гран., П. С., 6/5); *У железнодорожного переезда Вера остановилась* (там же, 6/5); *От этого обычая деловая и напряженная атмосфера рапорта исчезла* (Ник., Б. в п., 88) и т. п.

$D^2S^{\beta} - (V + C)^{\omega}$, ср.:

После завтрака Даша пошла на курсы (А. Толст., С., 50); *В этот момент буфетчиша включила радио* (Акс., К., 99); *У печки знаменитый писатель Чернобылин ел рыбу с брусникой* (А. Толст., С., 13); *В хлопотах о Наташке все забыли о Степане Артемовиче* (Тендр., З. б. д., 238) и т. п.

$D^2C^{\beta} - (V + S)^{\omega}$, ср.:

Позавчера всю бригаду фотографировал корреспондент из Москвы (Кузн., П. л., 122); *На одной станции поезд осаждали бродячие цыгане* (там же, 122); *Ночью Сергея разбудил телефонный звонок* (Бон., Т., 248); *В приемной Лубенцова ожидал Ланггейнрих* (Каз., Д. н. п., 716) и т. п.

$D^2S^{\beta} - (V + C_1^{\gamma} + C_2)^{\omega}$, ср.:

В воскресенье Зеленин потащил Инну в клуб (Акс., К., 170); *Вечером Бахирев вызвал к себе Уханова* (Ник., Б. в п., 98); *Дорогой Тоня прятала свое заплаканное лицо от встречных* (Тендр., З. б. д., 253) и т. п.

5.2. Если ситуативная основа, выраженная компонентом D, ставится на место **секундарной основы**, то она теряет характер отправной точки, и все высказывание становится более сплоченным (теряется тот „двухступенчатый“ характер, который мы наблюдали выше). Ср., например:

$S^2D^{\beta} - V^{\omega}$:

Балки и шланги при их приближении алели (Ник., Б. в п., 77); *Я сегодня уезжаю* (Роз., В. п. р., 79); *Колонны людей здесь, в помещении, разрослись* (Ник., Б. в п., 10); *Даша в страхе отскочила* (там же, 65) и т. п.

$S^2D^{\beta} - (V + C)^{\omega}$:

Бессонов целыми днями валялся у моря (А. Толст., С., 108); *Она весь день бродила в лесу*

(Ник., Б. в п., 47); Даша и Вера с утра отправились на завод (там же, 60); Серые сугробы снега через несколько шагов от меня сливались с черным небом (Тендр., З. б. д., 193) и т. п.

$$S^z D^{\beta} - (V + C_1^{\gamma} + C_2)^{\omega}:$$

Бахирев от удовольствия дернул себя за вихор (Ник., В. в п., 41); Он каждый день встречался с Уваровым в институтских коридорах (Бон., Т., 180); Запах свежей щепы и стружки всегда вызывал в нем смутное волнение (Тендр., З. б. д., 345) и т. п. и т. д.

5.3. Наконец, если ситуативная основа, выраженная компонентом **D**, попадает на место т. наз. **интраядерной основы**, то она как будто участвует в назывании самого действия, и высказывание достигает наиболее сплоченного характера. Ср.:

$$(V + D^z + S)^{\omega}, \text{ например:}$$

Хрустели под ногами тонкие пленки льда (А. Толст., С., 252); Шелестела под колесами грязь (Шол., Т. Д., 26); Звенели на перроне звонки (Копт., Дерз., 256); Горели на улицах реденькие огни (Пан., С. р., 521) и т. п.

5.4. Совершенно другая ситуация настает, когда компонент **D** попадает в позицию **ядра** (т. е. на последнее место в предложении с акцентировкой в конце, или вообще на то место, на которое падает фразовое ударение). В таком случае всегда возникает частно-информативный или частно-верификативный тип. Например: *Павел поедет в Ленинград* (обще-информативный $S^z - (V + C)^{\omega}$) || *Павел поедет в Ленинград на следующей неделе* (частно-информативный $(S + V + C)^z - D^{\omega}$); *Эту работу я не закончил* (обще-информативный $C^z S^{\beta} - V^{\omega}$, гесп., в другой конситуации, обще-верификативный $C^z S^{\beta} - V^{\omega}$) || *Эту работу я не закончил из-за недостатка времени* (частно-информативный, гесп. частно-верификативный $(C + S + V)^z - D^{\omega}$) и т. д. Ср.:

$$(S + V)^z - D^{\omega}, \text{ например:}$$

Беда разразилась в конце дня (Ник., Б. в п., 65); Инспектор появился перед самыми экзаменами (Тендр., З. б. д., 281); Мы простились перед моим домом (там же, 266); Я пришел вот по этой повестке (Бон., Т., 82) и т. п.

$$(V + S)^z - D^{\omega}, \text{ например:}$$

Уснул Григорий перед светом (Шол., Т. Д., 225)

$$(S + V + C)^z - D^{\omega}, \text{ например:}$$

Степан Артемович вызвал меня в конце дня (Тендр., З. б. д., 182); Любовь нашла Мишку на берегу Волги (Коп., И., 10); Тина любила Дмитрия за цельность натуры (Ник., Б. в п., 610); Супругов вернулось в поезд вместе с Даниловым (Пан., С., 86) и т. п.

$$(C + S + V)^z - D^{\omega}, \text{ например:}$$

82 С обеими Зоями Севастьянов познакомился еще в двадцатом году (Пан., С. р., 498); До чугунолитейного цеха Бахирев добрался к вечеру (Ник., Б. в п., 42); [Только багажа нет

у Лешки вовсе, если не считать того, что в карманах.] Впрочем, багажом он обзаводится в пути (Кузн., П. л., 19) т. п.
и т. д.

5.5. В одном предложении, конечно, может быть и несколько **обстоятельных характеристик (D)**, которые попадают в разные позиции, указанные под 4.1—4.4. Таким образом возникает огромное количество разных комбинаций. Ср., например:

5.5.1. **Обще-информативные типы:**

$D_1^{\alpha} D_2^{\beta} - (V + S)^{\omega}$, например:

В эту минуту за моей спиной раздавалось шарканье валенок (Тендр., З. б. д., 132); За зеленым столом в это время появился новый человек (А. Толст., С., 12); В это время в толпе у дверей послышался гогот (Акс., К., 109); За спиной его в вечернем свете золотились кремновые панели (Ник., Б. в п., 93) и т. п.

$D_1^{\alpha} S^{\beta} D_2^{\gamma} - V^{\omega}$, например:

За этим шкафом Тоня утром одевалась (Гран., П. с., 61); В аллее почта она опять оглянулась (Ник., Б. в п., 68); Однажды Варавка вдруг рассердился (Горьк., К. С. I, 27) и т. п.

$D_1^{\alpha} S^{\beta} - (V + D_2^{\gamma} + C)^{\omega}$, например:

Минут через десять Дампфер увидел в окне обоих друзей (Акс., К., 134);

$D_1^{\alpha} C^{\beta} D_2^{\gamma} - (V + S)^{\omega}$, например:

Через несколько дней после этого разговора Разметнова на улице остановила толпа ребятишек (Шол., П. ц. II, 150);

$D_1^{\alpha} C^{\beta} - (V + D_2^{\gamma} + S)^{\omega}$, например:

Однажды Власову остановил на улице трактирщик Бегунов (Горьк., М., 440);

$D_1^{\alpha} S^{\beta} D_2^{\gamma} (V + D_3^{\delta} + C)^{\omega}$, например:

*В оттаивающий кружок стекла Акси́ня на минуту увидела при свете пламенеющей цыгарки полукруг придавившей хрящеватое ухо папахи, смуглую щеку (Шол., Т. Д., 179)
и т. д.*

5.5.2. **Частно-информативные или частно-верификативные типы с одной обстоятельной характеристикой в функции ядра:**

$(S + D_1 + V)^{\alpha} - D_2^{\omega}$, например:

Степан в эту ночь вернулся, как всегда, в полночь (Шол., Т. Д., 180);

$D_1^{\alpha} (C + S + V)^{\beta} - D_2^{\omega}$, например:

*До сих пор первого секретаря райкома партии, Петра Петровича Вашенкова, я видел только на партконференциях, расширенных семинарах лекторов и случайно на улице (Тендр., З. б. д., 127)
и т. д.*

Таким образом, число возможных линейно-динамических структур и актуально-синтаксических типов возрастает до огромных размеров. То, что их актуально-синтаксические функции понятны для носителей языка, возможно лишь благодаря сравнительной простоте правил о функционировании компонента D в разных позициях линейно-динамических структур.

6. ЛИНЕЙНО-ДИНАМИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ, СОДЕРЖАЩИЕ КОМПОНЕНТ Q

Компонент Q, качественная или количественная характеристика, может стоять только в двух позициях и выполнять две функции:

6.1. В позиции непосредственно перед глаголом он не выполняет самостоятельной функции, образуя вместе с глаголом фактически один компонент с точки зрения порядка слов предложения, функционирующий аналогично, как и простое V. Таким образом, например, предложения, как *Максимов резко обернулся* (Акс., К, 52), *Моряки молча улыбались* (там же, 52), *Даша тихо всхлинула* (Ник., Б. в п., 62), *Чубасов по-девичьи покраснел* (там же, 94) и т. п., можно отнести просто к типу $S^a - V^o$, предложения как *Тонко звучала скрипка* (Ник., Б. в п., 56), *Звонко тикал будильник* (Бон., Т., 56), *Остро пекло солнце* (там же, 269) и т. п. — к типу $(V + S)^o$, предложения как *Девушка смущенно взглянула на Сергея* (Бон., Т., 188), *Карпов тихо перебирал струны* (Акс., К., 93), *Вера быстро поцеловала Алексея* (там же, 103), *Василенков расстроено развел руками* (Тендр., З. б. д., 291) и т. п. — к типу $S^a - (V + C)^o$ и т. д.

6.2. Если компонент Q стоит в кульминационном пункте линейно-динамической структуры (т. е. в конце предложения или в другом месте под фразовым ударением), то он выполняет функцию самостоятельного ядра, а предложение имеет характер частно-информативный или частно-верификативный. Ср., например:

$(S + V)^a - Q^o$:

Они бежали бесшумно и быстро (Ник., Б. в п., 7); Нифонов слушал безучастно (Пан., С. р., 121); Распухшие пальцы ее шевелились с трудом (Ник., Б. в п., 66) и т. д.

$(V + S)^a - Q^o$:

Переводила Албина быстро, толково (Каз., Д. н. п., 447); Говорил Дмитрий задумчиво и затрудненно (Горьк., К. С. I, 244); Работала старуха с величайшей тщательностью (Пол., В. г. т., 44) и т. п.

$(S + V + C)^{\alpha} - Q^{\omega}$:

Старик встретил Дмитрия сурово (Ник., Б. в п., 76); Клим слушал эти речи внимательно (Горьк., К. С., I, 59); Лена смотрела на нее с удивлением (Пан., С., 131); Она бежала от стенда в слезах (Ник., Б. в п., 63) и т. п.

$Q^{\omega} - (V + S)^{\alpha}$:

Молча и невесело окончилось собрание (А. Толст., С., 122); [Тоня усмехнулась:] б"ыстро кончился их медовый месяц (Гран., П. с., 6, 6); Неорганизов"ованно проходит партбюро! (Бон., Т., 269) и т. п.

Таким образом, правила функционирования компонента Q в актуально-синтаксических типах еще проще, чем правила функционирования компонента D.

СПИСОК СИМВОЛОВ И СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ

- С дополнение, doplnění, complementum, см. стр. 5, 6
 Co объектное дополнение, objektové doplnění, předmět, 5, 6
 Cd обстоятельственное дополнение, adverbialní doplnění, 5, 6
 D обстоятельство, okolnostní určení, 6
 I инфинитив, infinitiv
 P предикативное существительное или прилагательное, именная часть сказуемого, predikativní jméno, jmenná část přísudku
 Pa предикативный атрибут, doplněk
 Q качественная или количественная характеристика глагола, trad. обстоятельство образа действия и меры, inherentní způsobové resp. měrové určení, 6
 S подлежащее, podmět
 V глагол в спрягаемой форме, verbum finitum

* *

- актуальная информация, aktuální informace, 20
 актуально-синтаксический тип, aktuálně-syntaktický typ, 48
 вещественная информация, věcná informace, 19
 конситуация, konsituace (kontext + situace), 20
 линейно-динамическая структура, slovosledně-důrazová struktura, 8, 48
 обще-верификативный, celkově verifikační, 27
 обще-информативный, celkově informační, 26
 основа, východisko, základ, 20
 примарная о., primární v., α, 21
 секундарная о., sekundární v., β, 21
 терциарная о., terciární v., γ, 21
 простая о., jednoduché v., 21
 комплексная о., komplexní v., 22
 интраядерная о., intrajádrové v., 76
 промежуточные звенья, přechodové složky, 24
 фразовое ударение, větný důraz, 7
 частно-верификативный, speciálně verifikační, 28
 частно-информативный speciálně informační, 27
 ядро, jádro, ω, 22
 простое я., jednoduché j., 23
 комплексное я., komplexní j., 23

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони, В. Г.: *К проблеме порядка слов*, Известия АН СССР, ОЛЯ 1949, т. 8, в. 4., 373—381.
2. Андриєвська, О. О.: *Смислові чинники порядку слів у реченні*, Наукові записки Київського держ. ун-ту т. XI, в. IX., филолог. зб. № 4, 77—83.
3. Андропова, Р. П.: *Порядок слов в простом предложении* (на мат. памяти. XVII в.), Херсон 1958. (Автореферат.)
4. — *К вопросу о стилистической функции порядка слов в прозе А. С. Пушкина*, Доповіді наукової конференції 1960, Херсон 1961, 72—73.
5. Артеменко, Е. Б.: *О некоторых особенностях порядка слов в русской народной песне*, Труды Воронеж. ун-та, 1961, т. 63, 153—165.
6. Ахманова, О. С. - Микаэлян, Г. Б.: *Современные синтаксические теории*, Москва 1963.
7. Белецкий - Григорян - Заславский: *Аксиоматическое описание порядка слов и управления в некоторых типах предложений*, Математические вопросы кибернетики и вычислительной техники, Ереван 1963.
8. Бельский, А. Б.: *Интонация как средство детерминирования и предсказания в русском литературном языке*, Исслед. по синт. русск. лит. яз., Москва 1956, 188—199.
9. Беседина-Невзорова, В. П.: *Порядок слов и его место в грамматическом строе славянских языков*, Уч. зап. Харьков. ун-та, т. LXX, труды филолог. фак. 1956, т. 3, 73—84.
10. Виллер, М. А.: *Об интонации простого нераспространенного предложения в русском языке*, Вопросы фонетики, Уч. зап. Ленинград. ун-та № 237, серия филолог., 1960, в. 40, 26—38.
11. Войнов, В. К. - Кравчук, И. С. - Крупаткин, Я. Б.: *Порядок слов при независимом синтезе русского предложения*, Машинный перевод и прикладная лингвистика 5, Москва 1961, 66—71.
12. Воробьев, В. П.: *К вопросу об общности некоторых синтаксических явлений в славянских языках (Порядок слов в предложении)*, Вопросы русского языкознания, Саратов 1961, 127—136.
13. Воскресенский, М. И.: *К вопросу о словорасположении в русском языке*, Русск. яз. в школе 1936, № 4, 3 — 17.
14. *Грамматика русского языка АН СССР*, II 1, Москва 1954.
15. Давыдов, И. И.: *Опыт о порядке слов*, Труды общества любителей российской словесности, 1816, V, 1817, VII, 1819, XIV.
16. Данилов, В. В.: *Постпозитивные определения*, Русск. яз. в шк., 1947, № 2, 30—34.
17. Деменисова, Н. Х.: *К вопросу о функциях порядка слов в простых предложениях русского и казахского языка*, Известия АН Казахской ССР, серия филологии и искусства, 1957, в. 1, 3—13.
18. — *Порядок слов в простом предложении русского и казахского языков*, Алма-Ата 1958. (Автореферат.)
19. Засорина, Л. Н.: „Порядок слов“ при синтезе русского предложения, Материалы по математической лингвистике и машинному переводу, сб. II, Ленинград 1963, 113—121.

20. Иванчев, С.: *Наблюдения върху употребата на члена в български език*, Български език VII, 1957, № 6, 499—524.
21. Ильиш, Б. А.: *Развитие способов выражения смыслового предиката в английском языке*, Вопросы германского языкознания, Москва—Ленинград, 1961, 194—215.
22. Кардашевский, С. М.: *Порядок слов в Повести временных лет*, Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та, Москва 1948, 33—52.
23. Ключкова, Э. А.: *К вопросу о порядке слов (о месте прямого дополнения) в современном русском языке*, Вопросы русского языкознания, Саратов 1961, 145—156.
24. Кобков, В. П., *Порядок слов как средство выражения коммуникативного смысла предложения в современном английском языке*, В помощь преподавателям иностранных языков, Новосибирск 1964, 66—107.
25. Кобленц, Т. М.: *О месте прямого дополнения к глагольному сказуемому в современном английском языке*, Иностр. яз. в шк. 1948, № 4, 19—27.
26. — *О порядке следования подлежащего и сказуемого в английском языке*, Иностр. яз. в шк. 1948, № 5, 16—19.
27. Ковтунова, И. И.: *О понятии инверсии*, Проблемы современной филологии, Москва 1965, 167—171.
28. Коломиец, В. Т.: *Порядок слов в чешской прозе первой половины XIX века*, Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР, Москва 1952, № 7, 67—74.
29. — *Порядок слов в чешской прозе первой половины XIX ст.*, сб. Вопросы славянского языкознания, кн. 3, Львов-Харьков 1953.
30. Коробчинская, Л. А.: *К вопросу о порядке слов в древнерусском языке*, Львов 1950. (Диссертация.)
31. — *Функции порядка слов в древнерусском языке*, Вопросы языкознания, Львов 1955, 73—85.
32. Крушельницкая, К. Г.: *Смысловая функция порядка слов в немецком языке (сравнительно с русским)*, Уч. зап. Военного ин-та иностр. яз. 1948, в. 5, 21—36.
33. — *К вопросу о смысловом членении предложения*, ВЯ 1956, № 5, 55—67.
34. — *О порядке слов в немецком языке*, Иностр. яз. в шк., 1957, № 1, 8—20.
35. Курбанов, М.: *Учение о порядке слов в трудах русских лингвистов*, Труды Азербайджанского пед. ин-та, т. 7, Баку 1959, 49—59.
36. Кузнецова, Г. М.: *Методика простого повествовательного предложения в современном русском языке*, Вопросы фонетики (Уч. зап. ЛГУ, № 237, с филол. в. 40), Ленинград 1960, 39—71.
37. Кърджиев, К.: *Строеж на българската реч*, Известия на Института за български език, кн. V, София 1957.
38. Лаптева, О. А.: *Расположение компонентов устойчивого словосочетания как элемент его структуры*, ВЯ VIII, 1959, № 3, стр. 74.
39. — *Чехословацкие работы последних лет по вопросам актуального членения предложения*, ВЯ XII, 1963, № 4, 120—127.
40. Литвиненко, А. С.: *Порядок слов в переводе на русский язык*, Уч. зап. 1-ого Московск. пед. ин-та иностр. яз. 1953, т. 6, 277.
41. Маловицкий, Л. Я.: *Место прямого дополнения, выраженного личным местоимением в древнерусском языке*, Уч. зап. Черновиц. гос. пед. ин-та, Вологда 1962, 55—70.
42. Мельничук, А. С.: *Порядок слов и синтагматическое членение предложений в славянских языках*, Киев 1958.
43. Милых, М. К.: *Порядок слов в русском языке*, Уч. зап. Ростов н./Д. пед. и уч. ин-та, 1948, в. 3, 71—142.
44. Неропова, Ю. П.: *Порядок слов в самостоятельном повествовательном предложении современного немецкого языка*, Ленинград 1954. (Диссертация.)
45. Никитина, М. М.: *Порядок слов в современном русском языке*, Уч. зап. Кабардино-Балкар. пед. ин-та, фак. яз. и лит., вып. 1, Нальчик 1940, 98—103.
46. Озаровский, О.: *Заметки о фразовом ударении в связи с порядком слов*, Тезисы докладов конференции, посвящ. 100-летию со дня рожд. А. П. Чехова, Фрунзе 1960, 29—32.

47. Орлова, В. Г.: *Порядок слов в русском языке*, Русск. яз. в шк. 1939, № 1, 31—38.
48. Панфилов, В. З.: *Грамматика и логика*, Москва—Ленинград 1963.
49. Пассек, В. В.: *К вопросу о соотношении между редуцией окончаний и выдвижением синтаксических средств в английском языке*, Вопросы грамматики, Москва 1955, 461—480.
50. Петерсон, М. П.: *Очерк синтаксиса русского языка*, Москва—Петроград 1923.
51. — *Синтаксис русского языка*, Москва 1930.
52. Пешковский, А. М.: *Интонация и грамматика*, Избранные труды, Москва 1959, 177—191.
53. Попов, П. С.: *О логическом ударении*, ВЯ 1961, № 3, 87—97.
54. Попова, З. Д.: *О принципах расположения слов в повествовательных предложениях русского литературного языка*, Труды Воронеж. ун-та, 1957, т. 59, 43—57.
55. — *Порядок слов в синтаксических единствах, оборотах и группах, находящихся в составе предложения*, Русск. яз. в шк., 1958, № 1, 38—41.
56. Посвянская, А. С.: *Место одиночного определения, выраженного относительным прилагательным в польском языке*, Славянская филология, 1960, в. 3, 45—69.
57. Почепцов, Г. Г.: *О месте в предложении наречий, определяющих глагол*, Русск. яз. в шк., 1957, № 1, 25—28.
58. — *Порядок слов как средство выражения синтаксических отношений в современном русском языке*, Русск. яз. в нац. шк., 1961, № 5, 8—12.
59. Распопов, И. П.: *Актуальное членение предложения*, Уфа 1961.
60. — *Актуальное членение и коммуникативно-синтаксические типы повествовательных предложений в русском языке*, Москва 1964. (Автореферат.)
61. — *Смысловые и стилистические функции логического ударения*, Русск. яз. в шк., 1957, № 4.
62. — *Вариантность синтаксических конструкций и коммуникативных единиц языка*, НДВШ — Филолог. н. 1962, № 4, 198—202.
63. — *Коммуникативно-синтаксический аспект структуры сложноподчиненных предложений*, Уч. зап. Башк. пед. ин-та, Вопросы лексикологии и синтаксиса, Уфа 1964, 137—174.
64. Рогова, К. А.: *Место приглагольного дополнения в простом повествовательном предложении*, Jezyk gosyjski, 1960, № 2, 6—11.
65. — *Место прямого дополнения в простом повествовательном предложении*, Уч. зап. Ленинград. ун-та, № 302, серия филол., 1962, в. 61, 40—49.
66. — *Об изучении порядка слов в простом предложении*, Русский язык для иностранцев, Москва 1963.
67. — *О порядке слов в описательных предложениях*, Исследования по грамматике русского языка 5, Уч. зап. Ленинград. ун-та.
68. — *О порядке слов в современном русском литературном языке (положение дополнения и обстоятельства места в простом предложении)*, Ленинград 1964. (Автореферат.)
69. Санжаров, Л. Н.: *О порядке слов в номинативном предложении*, Уч. зап. Уссурийск. пед. ин-та, Владивосток 1960, с. филол., т. 3, в. 1.
70. Санников, В. З.: *Место распространенного определения по отношению к определяемому слову в русском языке*, ВЯ XII, 1963, № 1, 124—130.
71. Сиротинина, О. Б.: *К вопросу о порядке слов в русском языке*, Уч. зап. Саратов. ун-та, 1959, т. 67, 237—244.
72. — *Порядок слов живой разговорной речи*, Мат. 4-ой межобл. конф. языковедов Поволжья, Сталинград 1960, 76—78.
73. — *Место косвенного дополнения и обстоятельства в современном русском языке*, Вопросы русского языкознания, Саратов 1961, 157—179.
74. — *О порядке слов в русском языке*, Вопросы теории и методики изучения русск. яз., Куйбышев 1961, 195—212.
75. — *К вопросу о словосочетании (о роли порядка слов в организации словосочетаний)*, Мат. 5-ой межобл. конф. языковедов Поволжья, Мелекесс 1961.
76. — *Порядок частей в составном именном сказуемом*, Мат. 6-ой межобл. конф. языковедов Поволжья, Челябинск 1962, 64—65.

77. — *Порядок частей в составном глагольном сказуемом*, Вопросы стилистики, Саратов 1962, 3—14.
78. — *Об ошибках в порядке слов*, В помощь учителю русского языка, Саратов 1963, 14—25.
79. — *О месте прямого дополнения в русском и украинском языке*, Вопросы славянской филологии, Саратов 1963, 205—224.
80. — *Порядок слов в русском языке*, Саратов 1965.
81. Скороглядова, О. В.: *О порядке слов в современном русском языке*, Język gosyjski, 1959, № 6, 1—5.
82. Смирницкий, А. В.: *Синтаксис английского языка*, Ленинград 1941.
83. Стеблин-Каменский, М. И.: *Порядок слов в скандинавских языках*, Уч. зап. Ленинград. ун-та, 1952.
84. Строева, Т. В.: *О прямом и обратном порядке слов в современном немецком языке*, сб. Памяти акад. Щербы, Ленинград 1951, 255—261.
85. Текучева, Н. В.: *Порядок слов именного предложения в современном русском литературном языке*, Ростов-на-Дону 1955. (Автореферат.)
86. Тукумцев, Г. Р.: *Порядок слов в русском языке*, Таллин, 1960. (Конспект лекций.)
87. — *Речевые звенья*. (Рукопись.)
88. — *Место смыслового акцента в речевых звеньях*. (Рукопись.)
89. Уорт, Д. С.: *Об отображении линейных отношений в порождающих моделях языка*, ВЯ XIII, 1964, № 5, 46—58.
90. Фигуровский, И. А.: *От синтаксиса отдельного предложения к синтаксису целого текста*, Русск. яз. в шк., 1948., 1948, № 3.
91. Фомина, М. П.: *Место второстепенных членов в главном предложении в современном немецком языке*, Ленинград 1954. (Диссертация.)
92. Фортунатов, Ф. Ф.: *О преподавании грамматики русского языка в средней школе*, Избранные труды, Москва 1957, т. 2.
93. Цихун, Г.: *Местоименная энклитика и словоряд в болгарском изречении*, Български език, 12, 1962, кн 4, 283—291.
94. Чантуришвили, Л.: *К вопросу о порядке слов в русском языке*, Труды Батум. пед. ин-та, т. 5, 1956, 105—116.
95. Чистякова, А. Л.: *Место подлежащего и сказуемого в различных типах повествовательного предложения (наблюдения над порядком слов в романе М. Горького „Мать“)*, Москва 1952. (Диссертация.)
96. — *Взаимопорядок подлежащего и сказуемого в повествовательном предложении*, Русск. яз. в шк., 1954, № 6, 5—10.
97. Чичагов, В. К.: *О динамической структуре русского повествовательного предложения*, ВЯ 1959, № 3, 22.
98. Шендельс, Е. И.: *Порядок слов в главном предложении в современном немецком языке*, Иностр. яз. в шк., 1948, № 6, 18—26.
99. Щерба, Л. В.: *Фонетика французского языка*, 5-ое изд., Москва 1955.
100. — *Восемь значений простого нераспространенного предложения*. (Неопубликованная статья; содержание см. [10].)
101. Юрченко, В. С.: *К вопросу о взаимодействии порядка слов и интонации*, Вопросы русского языкознания, Саратов 1961, 137—143.
- 101a. — *Функционально-структурные типы фразы* (Автореферат канд. дисс.), Саратов 1963.
102. Adamec, P.: *K rozdílům mezi českým a ruským slovosledem*, Kapitoly ze srovnávací mluvnice ruské a české I, Praha 1956, 180—198.
103. — *Několik poznámek k ruskému slovosledu*, Ruský jazyk XI, 1960/61, 153—160.
104. — *K postavení přívlastku v ruštině a v češtině*, Bulletin Vys. šk. rus. jaz. a lit. V, Praha 1961, 39—48.
105. — *Slovosledné typy ruské a české*, Praha 1960. (Disertace.)
106. — *K úloze sémantiky ve slovosledu*, Slavica Pragensia IV, Praha 1962, 297—300.

107. — *K syntaxi hovorové ruštiny*, Bulletin Ůst. rus. jaz. a lit. VI, Praha 1962, 65—81 (4. Slovo-
sled, s. 78—80).
108. — *Monografie o aktuálním členění* (recenze knihy I. P. Raspopova), Čsl. rusistika VIII,
1963, 217—219.
109. Bach, E.: *Order of elements in transformational grammar of German*, Language 38, 1962,
263—269.
110. Beneš E.: *Větná rámcová konstrukce a její uvolňování v odborném stylu současně spisovně
němčiny*, Cizí jazyky ve škole II, 1958.
111. — *Začátek německé věty z hlediska aktuálního členění výpovědi*, ČMF XVI, 1959,
205—217.
112. — *Die Verbstellung im Deutschen, von der Mitteilungsperspektive her betrachtet*, Philo-
logica Pragensia 5, 1962, 6—19.
113. Berneker, E.: *Die Wortfolge in den slavischen Sprachen*, Berlin 1900.
114. Blinkenberg, A.: *L'ordre des mots en français moderne*, Copenhagen 1928—33.
115. Bolinger, D. L.: *Linear modification*, PMLAA, LXII, 1952, 1117—1144.
116. — *Meaningful word order in Spanish*, Boletín de filología, Universidad de Chile, VII,
1954—55, 45—56.
117. Boost, K.: *Neue Untersuchungen zum Wesen und zur Struktur des deutschen Satzes (Der
Satz als Spannungsfeld)*, Berlin 1955.
118. Braun, M.: *Zur Frage der Wortfolge im Russischen*, Slavica Pragensia IV, Praha 1962,
289—296.
119. Buttke, K.: *Beziehungen zwischen Wortstellung und sprachlichem Umfeld*, ZfSl IV, 1959,
551—559.
120. — *Besonderheiten der Wortfolge in Stilen der russischen Literatursprache der Gegenwart*,
ZfSl VIII, 1963, 785—792.
121. — *Zur quantitativen Charakteristik der Wortfolge im Russischen*, Wissenschaftl. Zeitschr.
der K.-Marx-Univ. Leipzig 1965, 53—68.
122. Daneš, F.: *K otázce pořádku slov v slovanských jazycích*, SaS XX, 1959, 1—9.
123. — *Intonace a věta ve spisovně češtině*, Praha 1957.
124. — *Příspěvek k novější syntaktické terminologii*, Славянска лингвистична терминология,
София 1962, 46—52.
125. — *Téma — základ — východisko výpovědi*, SaS XXV, 1964, 148—149.
126. Dokulil, M. - Daneš, F.: *K tzv. významové a mluvnické stavbě věty*, O vědeckém poznání
soudobých jazyků, Praha 1958, 231—246.
127. Dubský, J.: *L'inversion en espagnol*, Sborník prací filosof. fak. brněnské univ. A 8, 1960,
111—122.
128. Dvořáková, E.: *Poznámky k postavení příslovného určení situačního v angličtině a češtině
z hlediska aktuálního členění větného*, Sborník prací filosof. fak. brněnské univ., A 9, 1961,
141—152.
129. — *On the English and Czech situational adverbs in functional sentence perspective*, Brno
Studies in English, Praha 1964, 129—142.
130. Ebeling, C. L.: *Subject and predicate, especially in Russian*, s'Gravenhage 1958.
131. Ertl, V.: *O postavení podmětu po členech úvodních*, Naše řeč I, 1917, 33—38, 75—79,
109—114, 136—141, 172—177, 200—210.
132. — *Příspěvek k pravidlu o postavení příklonek*, Naše řeč VIII, 1924, 257—268, 293—309.
133. Firbas, J.: *Poznámky k problematice anglického slovního pořádku s hlediska aktuálního
členění větného*, Sborník prací filosof. fak. brněnské univ. A 5, 1956, 93—107.
134. — *K otázce nezákladových podmětů v současné angličtině*, ČMF XXXIX, 1957, 22—42,
165—173.
135. — *Some thoughts on the function of word-order in the Old English and modern English*,
Sborník prací filosof. fak. brněnské univ. A 5, 1957, 72—100.
136. — *K vyjadřování aktuálního členění v angličtině*, O vědeckém poznání soudobých jazyků,
Praha 1958, 250—252.

137. — *Ještě k postavení příslovného určení v angličtině a češtině z hlediska aktuálního členění větného*, Sborník prací filosof. fak. brněnské univ., 19, 1961, 153—156.
138. — *Ze srovnávacích studií slovosledných*, SaS XXIII, 1962, 161—174.
139. — *Notes on the Function of the sentence in the act of communication (Marginalia on two important studies in syntax by Anna Granville Hatcher)*, Sborník prací filosof. fak. brněnské univ., A 10, 1962, 133—148.
140. — *Poznámka k místu funkční perspektivy větné*, Otázky slovanské syntaxe, Praha 1962, 201.
141. — *From comparative word-order studies*, Brno Studies in English, Praha 1964, 111—128.
142. — *On defining the theme in functional sentence analysis*, Travaux linguistiques de Prague, Praha 1964, 267—280.
143. — *A note of transition proper in functional sentence analysis*, Philologica Pragensia VIII, 1965, 170—176.
144. — *K otázce tzv. východiska výpovědi*, Sborník prací filosof. fak. brněnské univ. A 13, 1965, 87—96.
145. Fish, G. T.: *The position of subject and object in Spanish prose*, Hispania XLII, 1959, 582—590.
146. von Gabelenz, G.: *Ideen zu einer vergleichenden Syntax*, Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachenwissenschaft, 6, 1869, 378.
147. Gaertner, H.: *O szyku przymiotników*, Warszawa—Kraków 1927.
148. Garvin, P. L.: *Czechoslovakia*, Current trends in linguistics, vol. I, The Hague 1963, 499—522.
149. Gebauer, J. - Ertl, V.: *Gebauerova mluvnice česká pro školy střední a ústavy učitelské* (nově zpracoval V. Ertl), Praha 1926.
150. Greenberg, J. H.: *Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements*, Universals of language, Cambridge 1963, 58—91.
151. Grepl, M.: *Vývoj slovosledu v Tylově próze*, SaS XX, 1959, č. 4.
152. Hatcher, A. G.: *Syntax and the sentence*, Word 12, 1956, 234—250.
153. — *Theme and underlying question, Two studies of Spanish word order*, Supplement to Word 12, Monograph No 3, New York 1956.
154. Hausenblas, K.: *Syntaktická závislost, způsoby a prostředky jejího vyjadřování*, Bulletin Vys. šk. rus. jaz. a lit. II, Praha 1958, 23—51.
155. Havránek, B.: *Metodologická problematika historicko-srovnávacího studia syntaxe slovanských jazyků*, K historicko-srovnávacímu studiu slovanských jazyků, Olomouc—Praha 1957, 77 n.
156. Hays, D. G.: *Order of subject and object in scientific Russian when other differentia are lacking*, Mechanical translation 5, 1958, 111—113.
157. Horálek, K.: *Několik poznámek o pořádku slov v ruštině ve srovnání s češtinou*, Sovětská věda — jazykověda III, 1953, 540—544.
158. Horecký, J.: *Poriadok slov v odbornom štyle*, Naša veda V, 1958, 75—77.
159. — *Gramatické činitele poriadku slov*, Jazykovedné štúdie IV, Bratislava 1959, 55.
160. Chloupek, J.: *Pořádek slov v nářečí, zvláště východomoravském*, SaS XIX, 1958, 264—265.
161. — *K otázce pořádku slov*, Jazykovedné štúdie IV, Bratislava 1959, 73.
162. Jedlička, A.: *Postavení přivlastňovacího genitivu osobních jmen typu Vrchlického spisy — spisy Vrchlického*, Studie ze slovanské jazykovědy, Praha 1958, 201—210.
163. Jelínek, M.: *K postavení slovesa v lužické srbštině*, Otázky slovanské syntaxe, Praha 1962, 199—200.
164. Klemensiewicz, S.: *Lokalizacja podmiotu i orzeczenia w zdaniach izolowanych*, Biul. PTJ, zes. XI, Kraków 1949, 8—19.
165. Kopečný, F.: *Forma v syntaxi*, Jazykovedné štúdie IV, Bratislava 1959, 77.
166. Křížková, H.: *Problémy českého a ruského slovosledu*, Kniha o překládání, Praha 1953, 280.
167. — *K slovosledu v ruštině a češtině*, Ruský jazyk XIII, 1962/63, 145—152.

168. Lehiste, I.: *Order of subject and predicate in scientific Russian*, Mechanical translation 4, 1957, 66—67.
169. Lerch, E.: *Typen der Worstellung (Hauptprobleme der französischen Sprache)*, Idealistische Neuphilologie, Heidelberg 1922, 85—106.
170. Mathesius, V.: *Studie k dějinám anglického slovosledu*, Věstník České akademie 1907, 261.
171. — *K pořádku slov v hovorové češtině*, Čeština a obecný jazykozpyt, Praha 1947, 353—359.
172. — *O tak zvaném aktuálním členění větném*, Čeština a obecný jazykozpyt, Praha 1947, 234—242.
173. — *Základní funkce pořádku slov v češtině*, Čeština a obecný jazykozpyt, Praha 1947, 327—352.
174. — *Ze srovnávacích studií slovosledných*, ČMF XXVIII, 1942, 181—190, 302—307.
175. — *Řeč a sloh*, Čtení o jazyce a poesii, Praha 1942, 13—102.
176. — *K dynamické linii české věty*, Čeština a obecný jazykozpyt, Praha 1947, 257—276.
177. — *O funkci podmětu*, Čeština a obecný jazykozpyt, Praha 1947, 277—285.
178. Michalk, F.: *Wliw němčiny na položenje finitneho slowjesa w serbskej sadže*, Otázky slovanské syntaxe, Praha 1962, 192—198.
179. Mirowicz, A.: *Z zagadnień struktury zdania. (Wskaźniki językowe konsytuacji)*, Biul. PTJ, zes. IX, Kraków 1949, 57—71.
180. Mistrik, J.: *K realizácii aktuálneho členenia*, Slovenská reč XXIV, 1959, 193—212.
- 180a. — *Slovosled a vetosled v slovenčine*, Bratislava 1966.
181. Mrázek, R.: *A. Čistjakova, Vzájemné pořadí podmětu a přísudku v oznamovací větě (recenze)*, Sovětská jazykověda III, 1953, 235—236.
182. Novák, P.: *O protředích aktuálního členění*, Acta Universitatis Carolinae, Philologica 1, Praha 1959, 9—15.
183. Oravec, J.: *Postavenie zhodného prívlastku v slovenčine*, Jazykovedné štúdie IV, Bratislava, 1959, 63.
184. Paul, H.: *Prinzipien der Sprachgeschichte*, 7, Aufl., Halle, 1909.
185. Pauliny, E.: *Slovosled a aktuálne vetné členenie*, Slovenská reč XVI, 1950/51, 171—179.
186. — *Gramatické činiteľa a vetný takt pri slovoslede*, Slovenská reč XVI, 1950/51, 197—206.
187. — *K slovosledu súvetia*, Slovenská reč XVI, 1950/51.
188. Ružička, J.: *Poznámka o polohe zhodného prívlastku*, Slovenská reč XXIII, 1958, 35—40.
- 188a. Schaller H. W.: *Die Wortstellung im Russischen*, München 1966.
189. van Schooneveld, C. H.: *On the word order in modern Russian*, International Journal of Slavic Linguistics and Poetics III, 1960, 40—44.
190. Szober, S.: *Podzielność psychologiczna i układ wyrazów w zdaniu słowiańskim*, Sborník prací I. sjezdu slovanských filologů v Praze, sv. II, Praha 1931, 713—724.
191. — *Zasady układu wyrazów w zdaniu polskim*, Sprawozd. z posiedz. Tow. nauk., Warszawa 1933, 38.
192. Šabršula, J.: *Ke srovnávacím studiím slovosledným*, SaS XXV, 1964, 161—166.
193. Šimko, J.: *K teorii slovosledného štúdia*, ČMF 1957, 281—285.
194. — *Word-order in the Winchester manuscript and in William Caxton's edition of Thomas Malory's Morte Darthur (1485)*, Halle, (Saale) 1957.
195. — *K pomeru formy a obsahu a otázkam poriadku slov*, Jazykovedné štúdie IV, Bratislava 1959, 75.
196. Šmilauer, V.: *Poloha prívlastku v Kronice pražské Bartoše Písaře*, Praha 1930.
197. — *Pořádek slov*, O češtině pro Čechy, Praha 1963, 264—287.
198. Tichý, O.: *Charakteristické rysy španělského slovosledu*, Sborník Vys. šk. pedag. v Olomouci III, 1956, 29—39.
199. — *Poznámky k vývoji funkcí slovosledu ve španělštině*, Acta Universitatis Carolinae, Philologica 3, 79—83.
200. Trávníček, F.: *Základy československého slovosledu*, SaS 3, 1937, 78.
204. — *Slovosled při důrazu*, SaS, V, 1939, 131—144.
202. — *Mluvnice spisovné češtiny II*, 2. vyd., Praha 1951.

203. — *O takzvaném aktuálním členění*, SaS XII, 1961, 163—171.
204. Ulvestad, B.: *A structural approach to the description of German word-order*, Bergen 1960.
205. Weil, H.: *De l'ordre des mots dans les langues anciennes comparées aux langues modernes*, Paris 1844.
206. Zubatý, J.: *Die Wortfolge in den slavischen Sprachen von Dr. Erich Berneker*, Listy filologické XXVIII, 1901, 129.
207. — *Nezanedbávejme důrazového slovosledu*, Naše řeč XVI, 1.
208. Žaža, S.: *K postavení přívlastku*, Kapitoly ze srovnávací mluvnice ruské a české I, Praha 1956, 162—179.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- Аж., Д. о М. — В. Ажаев, *Далеко от Москвы*, Москва 1952.
- Акс., К. — В. Аксенов, *Коллеги*, Москва 1961.
- Ант., Д. б. в П. — С. Антонов, *Дело было в Пенькове*, Москва 1957.
- Бонд., Т. — Ю. Бондарев, *Тишина*, Москва 1962.
- Горьк., К. С. 1 — М. Горький, *Жизнь Клима Самгина, часть 1*, Собрание сочинений т. 19, Москва 1952.
- Горьк., М. — М. Горький, *Мать*, Избранные произведения в трех томах, т. 1, Москва 1951.
- Гран., П. с. — Д. Гранин, *После свадьбы*, Роман-газета, 1959, № 6—7.
- Грек., Д. М. — И. Грекова, *Дамский мастер*, Новый мир, 1963, № 11.
- Каз., Д. н. п. — Э. Казакевич, *Дом на площади*, Москва 1959.
- Кон., И. — Г. Кононов, *Истоки*, Роман-газета, 1959, № 9—10.
- Копт., Д. — А. Коптяева, *Дерзание*, Москва 1959.
- Кузн., П. л. — А. Кузнецов, *Продолжение легенды*, Москва 1959.
- Ник., Б. в п. — Г. Николаева, *Битва в пути*, Москва 1959.
- Пан., С. — В. Панова, *Спутники*, Москва 1960.
- Пан., С. р. — В. Панова, *Сентиментальный роман*, Москва 1960.
- Пол., Г. т. — Б. Полевой, *Глубокий тыл*, Роман-газета, 1959, № 2—3.
- Тендр., З. б. д. — В. Тендряков, *Повести (За бегущим днем)*, Москва 1961.
- Тендр., Ч. — В. Тендряков, *Чрезвычайное*, Москва 1962.
- Толст. А., С. — А. Н. Толстой, *Хождение по мукам, Сестры*, Избранные произв. т. III, Москва 1951.
- Шол., П. ц. — М. Шолохов, *Поднятая целина. Часть 1*, Москва-1952. Часть 2, Нева 1959, № 7.
- Шол., С. ч. — М. Шолохов, *Судьба человека*, Прага 1957.
- Шол., Т. Д. — М. Шолохов, *Тихий Дон*, Москва 1965.
- з. п. — заимствованный пример
- Магн. з. — магнитофонная запись естественных диалогов
- Научн. ст. — научный стиль.
- Публ. ст. — публицистический стиль

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3

I. Место порядка слов в языковой системе 5

1. Понятие о порядке слов 5

1.1. Значения термина (5). 1.2. Компоненты предложения (5). 1.3. Фразовое ударение (7). 1.4. Функции порядка слов (9). 1.5. Методы исследования порядка слов. (10)

2. Синтаксическая функция порядка слов 12

2.1. Основная синтаксическая функция (12). 2.2. Другие синтаксические функции (15).

3. Актуальное членение 18

3.1. Понятие актуального членения и история вопроса (18). 3.2. Основа и ядро (20). 3.3. Вспомогательные средства выражения актуального членения (24). 3.4. Классификация предложений по типу актуальной информации (26).

4. Отношения между лексико-синтаксической структурой предложения и актуальным членением 30

4.1. Отношения между синтаксической структурой предложения и актуальным членением (30). 4.2. Отношения между актуальным членением и лексическим наполнением предложения (33). 4.3. Отношения между актуальным членением и индивидуализованностью компонентов предложения (36). 4.4. Взаимоотношения между актуальным членением и другими планами предложения в целом (39).

5. Особенности словопорядка в различных речевых стилях 43

5.1. Разговорный стиль (43). 5.2. Авторская речь художественной прозы (45). Научный и публицистический стиль (47).

II. Классификация и анализ важнейших линейно-динамических структур и актуально-синтаксических типов 48

1. Понятие линейно-динамической структуры и актуально-синтаксического типа 48

2. Линейно-динамические структуры с компонентами S и V 49

2.1. Фразовое ударение в конце предложения 49

2.1.1. S — V (49). 2.1.2. V — S (51).

2.2. Фразовое ударение в начале предложения 54

2.2.1. V — S (55). 2.2.2. S — V (55).

3. Линейно-динамические структуры с компонентами S, V и C 56

3.1. Фразовое ударение в конце предложения 57

3.1.1. S — V — C (57). 3.1.2. S — C — V (60). 3.1.3. C — S — V (63). 3.1.4. C — V — S (63). 3.1.5. V — S — C (66). 3.1.6. V — C — S (68).

3.2. Фразовое ударение в середине предложения 69

- 3.2.1. Стилистически нейтральные структуры $S - V - C$ и $C - V - S$ (70). 3.2.2. Разговорные структуры $S - C - V$ и $C - S - V$ (71). 3.2.3. Стилистически окрашенные структуры $V - C - S$ и $V - S - C$ (72).
- 3.3. Фразовое ударение в начале предложения 72
- 3.3.1. $S - V - C$ (73). 3.3.2. $S - C - V$ (74). 3.3.3. $V - S - C$ (74). 3.3.4. $V - C - S$ (74). 3.3.5. $C - V - S$ (75). 3.3.6. $C - S - V$ (75).
4. Линейно-динамические структуры с четырьмя компонентами (S, V, C_1, C_2) 75
- 4.1. ЛДС с фразовым ударением в конце предложения 75
- 4.1.1. $S - V - C_1 - C_2$ (75). 4.1.2. $S - C_1 - V - C_2$ (76). 4.1.3. $C_1 - S - V - C_2$ (77). 4.1.4. $C_1 - V - S - C_2$ (77). 4.1.5. $V - S - C_1 - C_2$ (77). 4.1.6. $V - C_1 - S - C_2$ (77). 4.1.7. $S - C_1 - C_2 - V$ (78). 4.1.8. $C_1 - S - C_2 - V$ (78). 4.1.9. $C_1 - C_2 - S - V$ (79). 4.1.10. $C_1 - C_2 - V - S$ (79). 4.1.11. $C_1 - V - C_2 - S$ (79). 4.1.12. $V - C_1 - C_2 - S$ (79).
- 4.2. ЛДС с фразовым ударением не на последнем компоненте 79
5. Линейно-динамические структуры, содержащие компонент D 80
- 5.1. Компонент D в функции примарной основы (81). 5.2. D в функции секундарной основы (81). 5.3. D в функции интраядерной основы (82). 5.4. D в функции ядра (82). 5.5. Несколько обстоятельств (86).
6. Линейно-динамические структуры, содержащие компонент Q 84
- 6.1. Q в позиции непосредственно перед глаголом (84). 6.2. Q в функции ядра (84).

Список символов и специальных терминов 86

Литература 87

Источники примеров 94

ROZPRÁVY ČESKOSLOVENSKÉ AKADEMIE VĚD

Ročník 76/1966. Řada SV, sešit 15. Vydává Academia, nakladatelství Československé akademie věd, Vodičkova 40, Praha 1 - Nové Město, telefon 246241. Dodává poštovní úřad Praha 01. Rozšiřuje poštovní novinová služba. Objednávky tuzemské i do zahraničí přijímá Poštovní novinový úřad, Jindřišská 14, Praha 1 - Nové Město. Lze objednat též u každého poštovního úřadu, u poštovního doručovatele nebo přímo v Akademii, nakladatelství ČSAV.

Tiskne Knihtisk, n. p., závod 5

Redaktorka publikace Věra Pánková

Tento sešit vyšel v prosinci 1966 — 8,09 AA — 8,27 VA — Náklad 700 výtisků — A-01*61287

Cena brožovaného výtisku 10,75 Kčs

Tematická skupina 12/9

AUTORŮM ROZPRAV ČSAV

Rozpravy Československé akademie věd vycházejí ve třech řadách: matematických a přírodních věd, technických věd a společenských věd. Do Rozprav se zařazují výhradně původní vědecké práce, které jsou výsledkem vlastní badatelské činnosti autorovy. Přednost mají práce v maximální míře odpovídající potřebám národního hospodářství, vědy a kultury a přispívající k rozvoji socialistické společnosti.

K otištění v Rozpravách se přijímají rukopisy o průměrném rozsahu 50—100 stran strojopisu (včetně literatury, textů pod obrázky, résumé apod.). Jen ve výjimečných případech lze přijmout rukopis do 150 stran strojopisu.

Originál rukopisu má být zásadně napsán česky, a je-li to odůvodněno, může být připojeno résumé v cizím jazyce. Rozsah résumé nesmí však překročit čtvrtinu rozsahu českého textu. Ve zvláštních případech lze vydat i cizojazyčně psaný originál s českým résumé.

Autor dodá kompletně vybavený rukopis se všemi přílohami redakci příslušného vědního oboru v Akademii, nakladatelství ČSAV, Vodičkova 40, Praha 1. Redakce zaznamená datum, kdy práce došla, a zajistí u příslušného vědeckého kolegia odborné posouzení díla. Jinak platí pro práce v Rozpravách tytéž směrnice a zásady jako pro ostatní neperiodické publikace vydávané Akademií.

ÚPRAVA RUKOPISŮ

1. Rukopis píše na psacím stroji ob řádek, jen po jedné straně normalizovaného formátu papíru.
2. Je třeba, aby celý rukopis byl průběžně stránkovaný. Texty pod obrázky musí být očíslovány a napsány za sebou na listech, které budou dále stránkovány a zařazeny mezi seznam literatury a résumé, jímž bude práce zakončena. Příslušnost jednotlivých textů pod obrázky musí být označena červenou tužkou jejich čísly na okraji stránek rukopisu takto: čísla obrázků v kroužku, čísla tabulek v trojúhelníku.
3. Je nutno, aby zvláštní sazba, pokud je jí nezbytně třeba, byla v rukopisu označena takto:
 - a) Latinská jména zvířat a rostlin (nikoliv jména autora druhu) podtrhněte vlnovkou, budou otištěna *kursivou*.
 - b) Proložená slova podtrhněte čárkovaně.
 - c) Jména autorů, která mají být vysazena kapitálkami, podtrhněte čerchovaně.
 - d) Petič označte svislou čarou na okraji rukopisu s poznámkou „petič“.
 - e) Úprava matematických rukopisů se řídí normou ČSN 01 1001 a ČSN 880220.
4. Obrázky musí mít své průběžné číslování, shodující se s čísly jejich textů. Odkazy v textu na obrázky musí být důsledně provedeny již před odevzdáním rukopisu. Obrázky je třeba dodat rýsované tuší na kladívkovém nebo pausovacím papíru. Popis obrázků buď na stroji (pokud je možno jej vysázet), nebo šablonkou č. 5, velikost obrázků 2 : 1, fotografie ostré a tvrdé.
5. V seznamu literatury se zaznamenávají jen citované práce, autoři se řadí podle abecedy, práce se postupně číslují, za jménem autora (křestní jméno iniciálkami) a názvem práce se uvedou data v tomto pořadí: název časopisu nebo jeho uznaná zkratka, ročník (sešit): strana až strana, rok.

Na příklad:

1. EMERSON R. and LEWIS CH. M.: The dependence of the quantum yield of Chlorella photosynthesis on wave of light. Amer. journal of botany 30 (3): 165—173, 1943.
2. MIČURIN I. V.: Principy a metody práce. Spisy 1. Přel. L. Černý a spol. NČSAV, Praha 1953.

U práce se udává titul i tehdy, jde-li o práci uveřejněnou v časopisu. V textu se práce cituje takto: Mičurin (1953).

6. Zároveň s rukopisem dodá autor stručnou charakteristiku díla (15—20 řádek), kde uvede obsah a hlavní vědecký a společenský význam práce a okruh čtenářů, kterým je práce určena.

MIKO

Neosobní predikativa a útvary příbuzné, zvláště v ruštině

118 stran, 11,30 Kčs

Práce se zabývá jednou z nejdůležitějších, avšak dosud málo probádaných otázek výkladu systému jazyků, klasifikací slov po stránce gramatické a významové, speciálně klasifikací slov neohebných, zejména ruských neosobních predikativ, zkoumá tuto významnou skupinu slov v souvislosti s typy blízkými, takže výklad netrpí jednostranností. Založena je na bezpečné znalosti gramatického systému ruštiny a ukrajinštiny.

Skládá se z šesti kapitol, z nichž první vymezuje některé pojmy, jež mají bezprostřední vztah k zaměření práce, další tři se zabývají mluvnickou a sémantickou stránkou neosobních predikativ v souvislosti s otázkou jejich vzniku a vývoje. Na ně navazuje největší kapitola, pátá, která konfrontuje neosobní predikativa s útvary příbuznými v současné ruštině.

Pro četná srovnání s ukrajinštinou a jinými slovanskými jazyky je vhodné vydání této studie nejen pro rusisty domácí i zahraniční, ale i pro zájemce o jazykovědu vůbec.

ACADEMIA

nakladatelství Československé akademie věd
Vodičkova 40, Praha 1 - Nové Město

Tem. skupina 12/9

21-935-66

Cena brožovaného výtisku 10,75 Kčs